

МЕЖДУНАРОДНАЯ АНАЛИТИКА

2025 / ТОМ 16 / НОМЕР 4

ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТИКЕ

11–20

Б.И. МАКАРЕНКО

Выборные процедуры
и партийно-
политические системы:
международное
измерение

21–38

П.Г. КОШКИН

Внешняя политика
США: сопоставление
электоральной риторики
республиканцев и
демократов с их действиями
на высшем посту

58–76

Е.Г. ЭНТИНА

Балканизация,
американизация
или европеизация:
что происходит
с политическими
элитами и
электоральными
процессами в странах
Юго-Восточной
Европы?

96–113

С.И. ЛУНЁВ

Подходы
индийских партий
к внешнеполитическому
курсу Индии

CHIEF EDITOR

Sergey M. Markedonov
MGIMO University (Russia, Moscow)

DEPUTY EDITOR

Akhmet A. Yarlykapov
MGIMO University (Russia, Moscow)

EDITORIAL BOARD

Andrei Tsygankov – San Francisco State University (USA)
Aleksandar Životić – University of Belgrade (Serbia)
Benedikt Harzl – University of Graz (Austria)
Erkin Baydarov – R.B. Suleimenov Institute of Oriental Studies (Kazakhstan)
Kimitaka Matsuzato – University of Tokyo (Japan)
Mitat Celikpala – Kadir Has University (Turkey)
Richard Sakwa – University of Kent (UK)
Sanjay Deshpande – University of Mumbai (India)
Sayed Kazem Sajjadpour – Institute for Political and International Studies (Iran)
Xue Fuqi – Chinese Academy of Social Sciences (China)
Zhao Huasheng – Fudan University (China)
Alexander L. Chechevishnikov – MGIMO University (Russia, Moscow)
Andrey A. Sushentsov – MGIMO University (Russia, Moscow)
Dmitriy I. Pobedash – Ural Federal University (Russia, Ekaterinburg)
Ilya N. Tarasov – Immanuel Kant Baltic Federal University (Russia, Kaliningrad)
Larisa V. Deriglazova – Tomsk State University (Russia, Tomsk)
Lyubov A. Fadeeva – Perm State University (Russia, Perm)
Maxim A. Suchkov – MGIMO University (Russia, Moscow)
Michael I. Rykhtik – Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod (Russia, Nizhni Novgorod)
Natalia V. Eremina – Saint-Petersburg State University (Russia, St. Petersburg)
Oleg Yu. Mikhalev – Voronezh State University (Russia, Voronezh)
Valeriy N. Konyshv – Saint-Petersburg State University (Russia, St. Petersburg)
Viktor Yu. Apryshchenko – Southern Federal University (Russia, Rostov-on-Don)
Viktor L. Larin – Institute of History, Archaeology and Ethnology, the Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences (Russia, Vladivostok)
Yakov Ya. Grishin – Kazan Federal University (Russia, Kazan)

SCOPE

Journal of International Analytics focuses on current problems of international relations, theory and methodology of international politics based on a collection of regional materials. From 2010 to 2016, the journal was called the Institute for International Studies Yearbook.

Published since 2010 quarterly.

INDEXING

The Journal is included in the Russian Science Citation Index (RSCI), and in the List of leading peer-reviewed scientific journals and publications of the Higher Attestation Commission under the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (Q2). The Editorial Board is continuing to advance the Journal in international databases.

Mass media registration certificate
PI No. FS77-65736 of May 20, 2016

DOI Prefix 10.46272
ISSN (print) 2587-8476
ISSN (online) 2541-9633

PUBLISHER

Institute for International Studies, MGIMO University, Russia

ASSOCIATE EDITORS

Alexander L. Chechevishnikov
Anastasia V. Pavlova
Evgenia S. Larina
Evgeni S. Pankov
Natalya A. Samoylovskaya
Uliana V. Yakutova

COMPUTER LAYOUT

Alexey V. Talalaevsky

DESIGN

Veronika E. Levitskaya

2025 / ТОМ 16 / № 4

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Сергей Мирославович Маркедонов
МГИМО (Россия, Москва)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Ахмет Аминович Ярлыкапов
МГИМО (Россия, Москва)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Александар Животич – Белградский университет (Сербия)

Бенедикт Гарцль – Университет Граца (Австрия)

Андрей Павлович Цыганков – Университет штата Калифорния в Сан-Франциско (США)

Еркин Уланович Байдаров – Институт востоковедения имени Р.Б. Сулейменова (Казахстан)

Кимитака Мацузато – Токийский университет (Япония)

Митат Челикпала – Университет Кадир Хас (Турция)

Ричард Саква – Кентский университет (Великобритания)

Сайед Казем Саджадпур – Институт политических и международных исследований (Иран)

Санджай Дешпанде – Университет Мумбаи (Индия)

Сюэ Фуци – Китайская академия общественных наук (КНР)

Чжао Хуашэн – Фуданьский университет (КНР)

Александр Леонидович Чечевишников – МГИМО (Россия, Москва)

Андрей Андреевич Сушенцов – МГИМО (Россия, Москва)

Валерий Николаевич Конышев – Санкт-Петербургский государственный университет (Россия, Санкт-Петербург)

Виктор Лаврентьевич Ларин – Институт истории археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук (Россия, Владивосток)

Виктор Юрьевич Апрыщенко – Южный федеральный университет (Россия, Ростов-на-Дону)

Дмитрий Иванович Победаш – Уральский федеральный университет имени Б.Н. Ельцина (Россия, Екатеринбург)

Илья Николаевич Тарасов – Балтийский федеральный университет имени И. Канта (Россия, Калининград)

Лариса Валерьевна Дериглазова – Томский государственный национальный исследовательский университет (Россия, Томск)

Любовь Александровна Фадеева – Пермский государственный национальный исследовательский университет (Россия, Пермь)

Максим Александрович Сучков – МГИМО (Россия, Москва)

Михаил Иванович Рыхтик – Нижегородский государственный национальный исследовательский университет имени Н.И. Лобачевского (Россия, Нижний Новгород)

Наталья Валерьевна Еремина – Санкт-Петербургский государственный университет (Россия, Санкт-Петербург)

Олег Юрьевич Михалёв – Воронежский государственный университет (Россия, Воронеж)

Яков Яковлевич Гришин – Казанский федеральный университет (Россия, Казань)

ЦЕЛИ

В журнале поднимаются актуальные вопросы современных международных отношений, а также теории и методологии изучения международно-политических процессов с опорой на страновой материал. В 2010–2016 годах издание носило название «Ежегодник Института международных исследований».

Издается с 2010 г.
Выходит 4 раза в год.

ИНДЕКСИРОВАНИЕ

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук (К2).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77–65736 от 20 мая 2016 г.

DOI Prefix 10.46272
ISSN (print) 2587-8476
ISSN (online) 2541-9633

ИЗДАТЕЛЬ

Институт международных исследований МГИМО МИД России.

РЕДАКТОРЫ ВЫПУСКА

Александр Леонидович Чечевишников
Анастасия Вячеславовна Павлова
Евгений Сергеевич Панков
Евгения Сергеевна Ларина
Наталья Александровна Самойловская
Ульяна Вячеславовна Якутова

КОМПЬЮТЕРНАЯ ВЕРСТКА

Алексей Владимирович Талалаевский

ДИЗАЙН

Вероника Евгеньевна Левицкая

СОДЕРЖАНИЕ

СЛОВО РЕДАКТОРА

Больше, чем голосование. Электоральные процессы в современных международных отношениях

С.М. МАРКЕДОНОВ

7

ИНТЕРВЬЮ

Выборные процедуры и партийно-политические системы: международное измерение

Б.И. МАКАРЕНКО

11

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ СТАТЬИ

Внешняя политика США: сопоставление электоральной риторики республиканцев и демократов с их действиями на высшем посту

П.Г. КОШКИН

21

Электоральная культура и трансформация демократических институтов в Индонезии в контексте всеобщих выборов 2024 года

Н.С. КУКЛИН

114

Значение института выборов во внутренней и внешней политике Германии

А.П. СОКОЛОВ, И.М. АВЛАСЕНКО

39

От всеобщих к муниципальным выборам в Южной Африке: анализ внутренних социально-политических факторов (2024–2025)

Д.А. ТУРЯНИЦА

129

Балканизация, американизация или европеизация: что происходит с политическими элитами и электоральными процессами в странах Юго-Восточной Европы?

Е.Г. ЭНТИНА

58

ОБЗОРНЫЕ СТАТЬИ

Секьюритизация миграционной повестки на президентских выборах в США в 2024 году

И.А. ВОЗМИТЕЛЬ

145

«Пропаганду нельзя экспертизу!»: СМИ и аналитические центры Италии и Германии о президентских выборах в России 2024 года

М.В. ВИЛИСОВ, Л.И. БИКТИМЕРОВА

77

Дискурс о выборах в России 2024 г. в государствах Центральной и Восточной Европы в контексте конструирования национальной идентичности

В.А. ГАЦКОВСКАЯ, Д.М. КУРБАТОВ

158

Подходы индийских партий к внешнеполитическому курсу Индии

С.И. ЛУНЁВ

96

CONTENTS

EDITORIAL NOTE

More than Voting. Electoral Processes in Contemporary International Relations

S. MARKEDONOV

7

INTERVIEW

Electoral Processes and Party-Political Systems: An International Dimension

B. MAKARENKO

11

RESEARCH ARTICLES

US Foreign Policy: Comparing Republican and Democratic Candidates' Electoral Rhetoric with Their Actions in Office

P. KOSHKIN

21

The Importance of the Institution of Elections in Germany's Domestic and Foreign Policy

A. SOKOLOV, I. AVLASENKO

39

Balkanization, Americanization, or Europeanization: What is Going on with the Political Elites and Electoral Processes in the Countries of Southeast Europe?

E. ENTINA

58

"Propagandise Not Advise": Media and Think Tanks of Italy and Germany on Russia's 2024 Presidential Elections

M. VILISOV, L. BIKTIMEROVA

77

Approaches of Indian Parties to India's Foreign Policy

S. LUNEV

96

Electoral Culture and Transformation of Democratic Institutions in Indonesia in the Context of the 2024 General Elections

N. KUKLIN

114

From General to Municipal Elections in South Africa: An Analysis of Domestic Sociopolitical Factors (2024–2025)

D. TURIANITSA

129

RESEARCH ESSAYS

The Role of Securitization of the Migration Crisis in Shaping the Electoral Choice in the US Presidential Election in 2024

I. VOZMITEL

145

The Discourse on the 2024 Russian Elections in Central and Eastern European States in the Context of National Identity Construction

V. GATSKOVSKAYA, D. KURBATOV

158

Больше, чем голосование. Электоральные процессы в современных международных отношениях

Выборы и международная политика. На первый взгляд, исследователю не просто найти общие точки для объединения этих тем. По справедливому замечанию Бориса Макаренко, «не только обыватели, но и политологи зачастую сводят» выборы «к периодическим голосованиям, определяющим расклад сил во властных институтах...»¹. В научной литературе распространено мнение, что для среднестатистического гражданина проблемы экономического развития, социальных стандартов, общественной безопасности намного важнее, чем внешнеполитическая повестка².

Как следствие, противопоставление «элитных вопросов», к которым относят международные проблемы, нуждам «простого человека». Однако такая оппозиция во многом выглядит искусственной. Прежде всего потому, что для подавляющего большинства избирателей в разных странах мира тонкости налогообложения или организации здравоохранения так же малознакомы, как и вопросы строительства армии или искусство проведения дипломатических переговоров. Однако эти «простые люди» могут быть вовлечены в вооруженные конфликты, испытывать внешнее давление (посредством санкций, включая и визовые ограничения или запреты на бизнес-деятельность, получение образования за рубежом), сталкиваться с неоднозначными последствиями миграционных процессов. В результате знания «рядового гражданина» о внешней политике и международной безопасности невозможно рассматривать как некие абстракции. Эти свои представления (страхи, фобии, надежды, разочарования) «Человек голосующий» транслирует во время волеизъявления.

По словам Юрия Коргунюка, «выборы представляют собой неотъемлемый элемент любой современной политической системы, причем это мало зависит от характера политического режима»³. Именно поэтому электоральные процессы

1 Макаренко, Б.И. Выборы: функции и влияние на политические институты // Политическая наука. 2019. № 1. С. 13–32. <https://doi.org/10.31249/poln/2019.01.01>.

2 Achen, Christopher, and Larry M. Bartels. *Democracy for Realists: Why Elections Do Not Produce Responsive Government*. Princeton: Princeton University Press, 2016.

3 Коргунюк, Ю.Г. Представляю номер // Политическая наука. 2019. № 1. С. 9.

намного шире, чем регулярные (а иногда и внеочередные) процедуры подачи голосов или смена политиков в кабинетах и офисах. Государства укрепляют (или, напротив, подрывают) свою легитимность как на внутреннем контуре, так и на международной арене, властные элиты и граждане либо консолидируются вокруг флага, либо демонстрируют значительные расхождения в представлениях о должном. И поэтому трудно не согласиться с мнением о том, что «для проведения выборов нужно нечто большее, чем выборы»¹. Эрнест Ренан определял нацию как «ежедневный плебисцит», не сводимый к формально-правовым процедурам².

Следует также обозначить еще один немаловажный тезис. В политической повестке порой бывает трудно отделить внутренние вопросы от международных.

Разве можем мы рассматривать «израильский вопрос» для США исключительно как внешнеполитический сюжет? Продуктивно ли обсуждать ближневосточную проблематику для стран ЕС только как фактор внешнего влияния, не видя здесь и идентитарных коллизий, и вызовов для евроинтеграции? «Русский вопрос» давно и прочно инструментализирован грузинскими, молдавскими, украинскими и прибалтийскими элитами для решения внутривосточных проблем, включая выборы. Но ведь и для России процессы на Украине и вокруг нее – это не только элемент конфронтации с Западом, но и часть внутренней дискуссии о национально-государственной самоидентификации.

Сегодня мы все чаще обращаемся к такому феномену, как «секьюритизация» выборов, когда волеизъявление рассматривается не только как (не)доверие той или иной партии, объединению или государственному деятелю, но, прежде всего, борьба за сохранение национального суверенитета, решение экзистенциальных вопросов для государства и народа³.

Внешнее вмешательство в волеизъявление граждан и попытки подорвать внутривосточную стабильность – тема, обсуждаемая сегодня повсеместно. И она требует серьезного исследовательского внимания и объективной оценки, что, конечно, не тождественно выстраиванию «теорий заговоров» различной направленности.

Четвертый номер нашего журнала, завершающий 2025 календарный год и шестнадцатый том, посвящен электоральным процессам в разных странах мира и их влиянию на современные международные отношения.

В интервью с Борисом Макаренко рассматривается взаимовлияние внешне- и внутривосточных факторов в электоральных процессах. Представлена широкая палитра примеров, когда международная политика вызывала жесткую полемику внутри той или иной страны и, наоборот, когда внешние вызовы становились стресс-тестом для национальных политических элит.

Два текста номера посвящены американской проблематике. В статье Павла Кошкина проводится сопоставление предвыборной риторики двух ведущих

1 Przeworski, Adam. "Minimalist Conception of Democracy: A Defense." In *Democracy's Value*, edited by Ian Shapiro, and Casiano Hacker-Cordon, 23–56. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. P. 41.

2 Renan, E. *Qu'est-ce qu'une nation?: conférence faite en Sorbonne, le 11 mars 1882*. Paris: Calmann Lévy, 1882.

3 Coll, Joseph A. "Securing Elections, Securing Confidence? Perceptions of Election Security Policies, Election Related Fraud Beliefs, and Voter Confidence in the United States." *Election Law Journal: Rules, Politics, and Policy* 23, no. 2 (2024): 173–192. <https://doi.org/10.1089/elj.2023.0024>.

партий США с их практическими действиями во время пребывания в Белом доме и в Конгрессе. Хронологически работа охватывает каденции трех президентов (Барака Обамы, Дональда Трампа и Джозефа Байдена). Автор показывает, что щедрые обещания, даваемые как рядовым избирателям, так и лоббистам, разным элитным группам, далеко не всегда конвертируются в конкретные действия и дают ощутимый результат. В работе Ивана Возмителя акцент делается на миграционный вопрос, который в последние годы стал одним из ключевых пунктов американского электорального «меню». Автор показывает, как тема миграции вписывается в более широкие контексты защиты национальной безопасности США. По мнению исследователя, переизбрание Дональда Трампа в 2024 г. во многом было обеспечено благодаря личным усилиям «старого нового» президента, а также его избирательного штаба по «секьюритизации» миграции. Ее неконтролируемый рост был представлен как экзистенциальная угроза американской нации.

Статья Артема Соколова и Игоря Авласенко посвящена значению института выборов во внешней политике ФРГ. Авторы также говорят о секьюритизации электоральных процессов и квалифицируют ее как устойчивую тенденцию последних лет. По их мнению, если после окончания холодной войны и объединения страны германский истеблишмент делал акцент на идеи прогресса и соотнесение национальных выборов с либеральными стандартами, то сегодня на первый план вышел такой приоритет, как стабильность, безопасность, гарантии невмешательства во внутренние дела извне.

Работа Екатерины Энтиной раскрывает основные траектории электоральных процессов на Балканах в период после завершения холодной войны. Автор представляет несколько уровней анализа: общерегиональные закономерности, а также конкретные страновые кейсы (Босния и Герцеговина, Сербия, Черногория, Албания, самопровозглашенное Косово). Исследователь убедительно показывает, что ни один из популярных научных дискурсов, будь то «балканизация», «европеизация» или «американизация», не является универсальной объяснительной моделью для понимания электоральных трендов, а также путей развития партийно-политических систем в странах Юго-Восточной Европы.

Своеобразный «азиатский блок» номера составляют тексты Сергея Лунёва и Никиты Куклина. В первом случае автор анализирует положение дел в «самой крупной демократии мира» – Индии. Поскольку эта страна – стратегический союзник России, рассмотрение позиций основных индийских партий по вопросам внешней политики имеет не только академическую, но и очевидную практическую значимость. В фокусе внимания автора – всеобщие выборы 2024 года. По мнению исследователя, между ведущими партийно-политическими силами Индии нет радикальных противоречий. Однако эта ситуация – не константа, и в ближайшие годы можно ожидать определенных перемен. Никита Куклин обращается к рассмотрению электоральной культуры Индонезии. Эта страна в последние годы также демонстрирует значительный интерес к развитию кооперации с Россией. По мнению автора, электоральные тренды последних лет говорят о том, что индонезийская политическая культура сдвинулась в сторону прагматического союзничества поверх имеющихся идеологических разногласий.

Статьи Максима Вилисова и Лилии Биктимеровой, Варвары Гацковской и Дмитрия Курбатова также можно объединить в один тематический блок. Авторы рассматривают экспертно-аналитические реакции в различных государствах – членах Евросоюза на президентские выборы в России в 2024 году. Исследователи убедительно показывают, что и в «старой Европе», и в центральноевропейских странах политически мотивированные оценки и пресловутый «принцип партийности», к великому сожалению, преобладают. Во многом «российская повестка» инструментализирована, отсутствует интерес к полноценному диалогу с коллегами из России.

Дарья Туряница обращается к кейсу ЮАР. Автор исследует причины, по которым седьмые по счету выборы после отмены системы расовой сегрегации во многом стали поворотным пунктом в политической истории республики. Как бы ни оценивали исследователи будущего последствия кампании 2024 г., однопартийное доминирование Африканского национального конгресса (АНК), партии, ставшей синонимом избавления страны от апартеида, закончилось.

Наш сегодняшний мир разнообразен. Разнообразны и модели электоральных процессов в нем. Где-то история выборов насчитывает не одно столетие, они опираются на опыт и мощные традиции, а где-то избирательные процессы еще только входят в привычку. Однако в любом случае без них невозможно представить себе трансформации не только национальных партийно-политических систем, но и стратегических культур (в самом широком значении этого понятия).

*С.М. Маркедонов,
главный редактор*

Выборные процедуры и партийно-политические системы: международное измерение

*Интервью с Борисом Макаренко, кандидатом политических наук,
президентом Центра политических технологий, профессором Национального
исследовательского университета «Высшая школа экономики»*

*Борис Игоревич Макаренко – российский политолог, эксперт по проблемам
электоральных процедур и институтов, партийного строительства и трансформации
политических режимов.*

*Беседу вел С.М. Маркедонов,
главный редактор журнала «Международная аналитика»*

С.М. Маркедонов. В одной из своих публикаций Вы анализируете такие функции выборов, как формирование политической нации, легитимация государственных институтов, гражданское представительство во власти¹. На Ваш взгляд, как эти функции, имеющие основополагающее значение для внутренней политики любого государства, способствуют продвижению интересов на международной арене?

Б.И. Макаренко. Для продвижения внешнеполитического курса власти нужны внутривнутриполитическая легитимность, сильные институты и доверие общества. Но разные политические режимы добиваются этого (когда-то успешно, когда-то – не очень) разными способами. Высокой легитимностью и дееспособностью (и активной внешней политикой) могут отличаться и авторитарные диктатуры, и монархии, и теократии – последние подходят под веберовские типы харизматической и традиционной легитимности². Так что веберовская рационально-легальная легитимность, каковая достигается на справедливых выборах, – лишь один из таких типов. Корректнее было бы говорить, что там, где выборы

1 Макаренко, Б.И. Выборы: функции и влияние на политические институты // Политическая наука. 2019. № 1. С. 13–32. <https://doi.org/10.31249/poln/2019.01.01>.

2 Weber, Max. *Economy and Society*. Berkeley: University of California Press, 1978.

и смена власти через них – давно привычное явление, подобная легитимность – непереносимое условие обретения и отправления власти, как во внутренней, так и во внешней политике.

Но и эту очевидность не стоит абсолютизировать: современное общество, особенно в развитых странах, очень скептически и критично в отношении «власть предержащих». В начале второго срока президентства у Д. Трампа отрицательный рейтинг всегда был выше положительного, при этом устойчивое большинство американцев считало, что дела в стране развиваются в неправильном направлении¹, но это не мешало президенту проводить активную внешнеполитическую линию.

Не будем давать длинных объяснений, почему у него это получается. Ограничимся наблюдением известных специалистов по общественному мнению²: во внешней политике власть, в том числе демократически избранная, имеет гораздо большую свободу действий от своего общества, чем во внутренней. Большая часть внешнеполитических событий и действий не затрагивает напрямую жизнь простых людей. Они меньше знают и меньше интересуются тем, что происходит в дальних странах, а потому склонны отдавать «внешние дела» на откуп профессиональным политикам. Исключений из этого правила немало, и о них стоит поговорить, но в большинстве случаев это так.

Это не означает, что общество не имеет позиций по внешнеполитическим проблемам, уж во всяком случае люди точно знают, кто во внешнем мире – друзья, кто – враги (при этом наборы «друзей» и «врагов» могут различаться в разных частях политического спектра). Базовое понимание политического плюрализма исходит из того, что многопартийные системы основаны на значимых общественно-политических размежеваниях, число и набор которых различаются от страны к стране³. Если взять обобщение таких размежеваний по 36 демократиям, сделанное А. Лейпхартом в конце XX в., то мы обнаружим, что наличие размежевания по внешнеполитическим проблемам присуще 11 из них. Это немало, но реже, чем главные размежевания (в первую очередь – социально-экономическое, наблюдаемое практически во всех странах). К тому же А. Лейпхарт делит все размежевания на «высокозначимые» и «умеренно значимые», а статус «высокий» внешняя политика имеет только в одной стране его выборки – Израиле⁴.

Поскольку речь идет о воздействии внешнеполитических факторов на выборы, нельзя не упомянуть еще об одном аспекте: как они влияют на предвыборную конкуренцию. А ее непереносимая часть – жесткая полемика, а порой – стремление скомпрометировать своего конкурента. «Внешние» темы редко дают удобный повод для таких нападков, но исключения есть. В 2000 г. кампания Дж. Буша-младшего активно критиковала вице-президента А. Гора за его «потакание» России (А. Гор был сопредседателем Российско-американской комиссии

1 "President Trump Job Approval," RealClear Polling, accessed December 25, 2025, <https://www.realclearpolling.com/polls/approval/donald-trump/approval-rating>; "Direction of Country," RealClear Polling, accessed December 25, 2025, <https://www.realclearpolling.com/polls/state-of-the-union/direction-of-country>.

2 Page, Benjamin I., and Robert Y. Shapiro. *The Rational Public: Fifty Years of Trends in Americans' Policy Preferences*. Chicago: University of Chicago Press, 1992.

3 Lipset, Seymour M., and Stein Rokkan. *Party Systems and Voter Alignments: Cross-National Perspectives*. New York: Free Press, 1967.

4 Lijphart, Arend. *Patterns of Democracy: Government Forms and Performance in Thirty-Six Countries*. New Haven: Yale University Press, 1999.

по экономическому и технологическому сотрудничеству, известной как «Гор – Черномырдин»), и резонанс эта критика имела. Трудно сказать, сыграл ли этот фактор свою роль в поражении А. Гора, но разрыв между кандидатами был минимальным, так что исключать этого нельзя. А на дебатах перед вторым туром президентских выборов во Франции в 2022 г. Э. Макрон настойчиво пытал свою оппонентку М. Ле Пен об иностранном финансировании ее кампании и явно набирал на этом очки. Конечно, цель таких приемов – не продвижение внешнеполитических интересов страны, а победа над оппонентом, но трудно упрекать политиков в том, что они воспользовались выигрышной картой.

С.М. В политических процессах все взаимосвязанно. В каких случаях выборы влияют на внешнеполитическую повестку (и не просто влияют, а радикально ломают прежние тренды)? Как и в чем проявляется обратная взаимосвязь?

Б.М. Попробуем сформулировать общее правило. Внешнеполитические события и процессы влияют на общественные настроения, включая электоральные предпочтения, в двух случаях. Либо это событие такой ошеломляющей значимости, что на него реагирует практически все общество, либо это процесс, в котором внешнеполитическое измерение существенно влияет на жизнь большинства людей, а потому позиция по нему правящей партии / лидера и их оппонентов становится неотъемлемой частью их внутривнутриполитической повестки.

Примеры первого фактора разнообразны. Есть случаи, когда события «на внешнем фронте» приводят к резкому росту популярности власти. Например, победная для Великобритании война на Фолклендских островах (1982) позволила консерваторам во главе с М. Тэтчер успешно переизбраться (до войны они уступали в рейтингах своим оппонентам). Обратная ситуация: легитимность победы Дж. Буша-младшего в 2000 г. ставилась под сомнение: он уступил своему сопернику по числу голосов избирателей (чего не случилось в США с 1888) – но теракты 11 сентября 2001 г. подвигли общество к сплочению вокруг своего главнокомандующего, и при перевыборах в 2004 г. он получил уверенное большинство.

Но более часты другие примеры, когда неудача во внешнем мире обрекает власть на поражение на выборах. Так, в современной истории США два президента не стали выдвигать свои кандидатуры для перевыборов по схожим причинам – резкой непопулярности войн США в Корее (Г. Трумэн в 1952) и Вьетнаме (Л. Джонсон в 1968), но и иные кандидаты от их партии проигрывали эти выборы – избиратель «наказывал» не только лидера, но и его партию. Аналогичное «наказание» сыграло немалую роль в прерывании карьеры еще двух президентов, которым общество не простило падения Сайгона (Дж. Форд в 1980) и Кабула (Дж. Байден в 2024).

Не могу не привести еще один пример. В Испании в 2004 г. за три дня до выборов правящая Народная партия уверенно опережала по рейтингам социалистов. Но произошли взрывы в пригородных поездах (193 погибших, 2 тыс. раненых). Правительство публично возложило вину на баскских сепаратистов, но быстро выяснилось, что теракты – месть исламских экстремистов за участие Испании в войне в Ираке – и «Народники» проиграли выборы с отрывом в пять пунктов. Чем этот пример интересен: «триггер» резкого перелома общественных настроений – «внешний», но главная причина народного гнева – неискренность

правительства. Кстати, новое правительство Испании достаточно резко поменяло внутривластный курс, но не внешнюю политику.

А вот как раз резкие смены внешнеполитического курса после смены власти – не такое уж частое явление: как правило, степень консенсуса крупных политических сил по вопросам внешней политики достаточно высока. Есть случаи, когда такую смену ждали от победителей выборов с резкой риторикой в отношении Евросоюза – популистов из «Братьев Италии» в 2022 г. или греческой СИРИЗЫ (Коалиции радикальных левых – Прогрессивный альянс) в 2015 г., но в реальности их внешнеполитический курс оказался достаточно конструктивным. Конечно, изменения по отдельным пунктам внешнеполитической повестки происходят: «правые» и «левые» по-разному смотрят на проблему изменения климата, а это вопрос не только внутренней, но и внешней политики.

Все же случаи резких поворотов бывают. Например, США после трех последних выборов с участием Д. Трампа. И, кстати, недавно избранные «правые» президенты латиноамериканских стран: Бразилии – Ж. Болсонару (2019), Аргентины – Х. Милей (2023) – достаточно резко пошли на сближение с Д. Трампом. Того же следует ожидать от еще не вступившего в должность победителя президентских выборов в Чили Х. Каста.

С.М. Электоральные процессы в США – один из Ваших научных приоритетов. Вы много писали про уникальность американской избирательной и партийной системы¹. Как эта специфика влияет на различные внешнеполитические проекты США? В начале декабря 2025 г. администрация Д. Трампа обнародовала новую Стратегию национальной безопасности². Многие комментаторы отметили отход ее авторов от привычных для документов такого рода дефиниций, оценок и установок³. Можно ли говорить о том, что обновление Стратегии национальной безопасности – прямое следствие итогов президентских выборов 2024 года? И ожидать ли нам новых «хороших и разных» Стратегий после каждого избирательного цикла?

Б.М. Американский культуролог У. Мид в своей известной работе⁴ приводит такую аллюзию на внешнеполитический курс США: за штурвал борются четверо дюжих матросов (представляющих четыре разные традиции), один из них дорывается до штурвала и закладывает курс влево, потом его оттесняет другой, поворачивает вправо, корабль идет галсами, но в целом – вперед. Эти «рулевые» – курсы разных президентов.

Осмелюсь интерпретировать У. Мида: в 2024 г. поражение Демократической партии привело к смене «вильсоновской» традиции, опиравшейся на международные институты, на сочетание «джефферсоновской» и «джексонской» традиций⁵. Первая из них – фактически изоляционистская, опирающаяся в первую

1 Макаренко, Б.И. Эволюция электоральных коалиций в США: опыт трех президентских кампаний // Полис. Политические исследования. 2025. № 4. С. 7–22. <https://doi.org/10.17976/jpps/2025.04.02>.

2 “National Security Strategy of the United States of America,” Whitehouse.gov, November 2025, accessed December 25, 2025, <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2025/12/2025-National-Security-Strategy.pdf>.

3 Ответы официального представителя МИД России М.В. Захаровой на вопросы СМИ относительно новой «Стратегии национальной безопасности США» // МИД России. 8 декабря 2025. [Электронный ресурс]. URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/2064143/ (дата обращения: 20.12.2025).

4 Mead, Walter R. *Special Providence: American Foreign Policy and How It Changed the World*. New York, London: Routledge, 2001.

5 По именам соответственно 28-ого, 3-его и 7-ого президентов США: В.Вильсона, Т.Джефферсона и Э.Джексона.

очередь на внутривнутриполитические интересы, вторая – популистская, готовая применить военную силу, но лишь тогда, когда есть уверенность в своем полном превосходстве.

Что касается новой стратегии, тот же У. Мид назвал ее «скорее манифестом, чем стратегией... хаотичной, энергичной, порой – дисфункциональной»¹. Потому что эта стратегия – пример второго типа взаимовлияния внутренней и внешней политики: правопопулистская внутренняя повестка Д. Трампа «сделать Америку вновь великой» требует, с одной стороны, большего изоляционизма, с другой – содействия правым популистам в других странах. Не случайно Д. Трамп в интервью изданию *Politico* прямо заявил, что «будет поддерживать предпочитаемых кандидатов на европейских выборах, даже рискуя задеть чувства местных избирателей»². И все-таки каждый новый президент будет рулить кораблем внешней политики по-своему.

С.М. Сегодня в связи с «феноменом Трампа», а также из-за участвовавших электоральных успехов партий, не связанных с политическим мейнстримом («Альтернатива для Германии», «Национальный фронт» во Франции)³, исследователи говорят о кризисе и даже сломе традиционных партийно-политических систем и фронтальном наступлении популизма. Как Вы определяете это явление? Популизм – это вызов для стабильности, потрясение основ или проснувшийся «глас народа»? И популисты уже изменили международную повестку?

Б.М. Итальянский политолог А. Мартинелли назвал популизм «симптомом болезней демократии»⁴. Об этих болезнях можно рассказывать долго, но ограничимся главным: западные общества испытывают сильное разочарование от того, что делают их власти, причем смена «левоцентристского» правительства на «правоцентристское» (или наоборот) мало что меняет – а потому на выборах многие из таких разочаровавшихся поддерживают силы, резко отличающиеся от «системных». Причин тому несколько, но выделим одну, имеющую прямое отношение к внешней политике: антиглобалистский настрой. В Европе он приводит к подъему «евроскептицизма», присущего (хотя и в разных формах) и правым, и левым популистам. В нем есть прямая связь с электоральными процессами. Многие недовольны, что с развитием евроинтеграции все большая доля политических решений принимается не национальными правительствами (избираемыми, т.е. избиратель может их «наказать», проголосовав против), а бюрократической бюрократией. На институты Евросоюза избиратель повлиять не может. Есть и более глубокая связь: многие десятилетия глобалистско-либеральная экономическая модель давала основной массе населения ощутимые материальные и социальные блага, и на ее издержки обращалось мало внимания. Но уже почти два десятилетия это не так – и традиционные системные партии решить эту проблему не могут.

1 Walter Russell Mead. "Introducing the 'Trump Corollary,'" *The Wall Street Journal*, December 8, 2025, accessed December 15, 2025, <https://www.wsj.com/opinion/introducing-the-trump-corollary-b2b0d4ad>.

2 Alexander Burns, "Trump Thrashes European Leaders in Wide-Ranging Interview: 'I Think They are Weak,'" *Politico*, December 9, 2025, accessed December 15, 2025, <https://www.yahoo.com/news/articles/trump-thrashes-european-leaders-wide-110000828.html>.

3 Stavrakakis, Yannis, and Giorgos Katsambekis, eds. *Research Handbook on Populism*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2024.

4 Martinelli, Alberto. *Populism on the Rise: Democracies under Challenge?* Milano: Edizioni Epoca, 2016. P. 113.

Подъем популизма очень заметен. По нашим подсчетам, по 16 странам «старой Европы» за последние четыре цикла парламентских выборов доля мандатов популистов в парламентах выросла почти вдвое: с 11% до 20%¹. Они все чаще входят в правительственные коалиции, значимо влияют на политическую повестку, т.е. «теснят» традиционные системные партии.

Но я бы воздержался от максималистских и алармистских оценок по нескольким причинам. Во-первых, популисты, расширяя политическую повестку дня, во многих случаях побуждают прийти на избирательные участки граждан, которые раньше голосовали редко или не голосовали вообще – до подъема популизма во многих западных странах, напротив, явка на выборы имела тенденцию к снижению.

Во-вторых, хотя популистский подъем продолжается, самый громкий внешнеполитический успех популистов – дело прошлое. Речь о британском референдуме по «Брекзиту» (2016). Этот референдум – пример влияния внешнеполитической проблематики на электоральные процессы. Консервативный премьер-министр Д. Кэмерон пообещал в случае победы его партии на выборах провести такой референдум: он опасался роста конкуренции со стороны правопопулистской Партии независимости Соединенного Королевства. Кстати, нынешняя инкарнация этой партии – «Реформировать Соединенное Королевство» – на выборах 2024 г. заняла третье место по числу полученных голосов. Правда, мандатов у них оказалось всего пять (мажоритарная избирательная система сработала), но зато они отняли много голосов у консерваторов, что способствовало убедительной победе Лейбористской партии. Кстати, в последние полгода «Реформа» лидирует в рейтингах с солидным отрывом².

Хотя евроскептицизм остается козырем популистских программ, он изменился: радикальные требования выхода страны из Евросоюза («Грекзит», «Фрекзит» и т.п.) ушли на задний план, сменившись критикой и требованием реформ этого союза, но не его развала.

В-третьих, популистские партии очень разные как по степени радикализма, так и по траекториям эволюции политического поведения. Выше приводились примеры итальянских (правых) и греческих (левых) популистов, которые возглавили правительства, но проводили вполне конструктивную политическую линию. Есть немало других примеров, когда популистские партии входили в правительственную коалицию и работали в ней – не без конфликтов (а где вы видели бесконфликтное коалиционное правительство), но и не провоцируя политических кризисов – например, в Норвегии или Финляндии. Конечно, бывало, что именно правые популисты громкие кризисы и провоцировали (одноименные Партии свободы в Австрии и Нидерландах). Есть радикальные правопопулистские партии, которые никогда не входили в правительства и не сотрудничали с ними, но на сегодня имеют высокие рейтинги, так что следующие выборы будут для системных партий серьезным испытанием. Это и Национальное объединение

1 Статья Б.И. Макаренко на эту тему принята к публикации в журнале «Политическая наука».

2 "The Populists of Reform UK, Already Topping the Polls, May Climb Higher," *The Economist*, December 11, 2025, accessed December 15, 2025, <https://www.economist.com/briefing/2025/12/11/the-populists-of-reform-uk-already-topping-the-polls-may-climb-higher>.

(бывший Национальный фронт) во Франции, и «Альтернатива для Германии», и упомянутая «Реформировать Соединенное Королевство». Это и менее известные «Фламандский интерес» в Бельгии или «Чега» в Португалии.

Наконец, в-четвертых: да, радикальных, ксенофобских, авторитарных замашек у правых популистов немало (левые популисты куда менее «политически некорректны»). Но все же почти без исключений они «играют по правилам» политической конкуренции, не стремятся к демонтажу политических институтов (хотя могут их «попортить»), нередко – умеряют свой радикализм, надеясь таким способом расширить свою электоральную базу.

На внешнеполитическую повестку подъем популизма, конечно, влияет, но пока это влияние скорее умеренное (если не считать «Брекзита»).

С.М. В 1997 г. Вы перевели на русский язык работу А. Лейпхарта «Демократия в многосоставных обществах»¹. Этот известный исследователь описывал феномен «многосоставного общества», социума с политизированными (а потому конфликтогенными) этнокультурными сегментами. В таких обществах, как правило, социальные институты (образование, СМИ, культурная сфера, НПО, партии и др.) «имеют тенденцию консолидироваться вдоль линий сегментарного политического противостояния». И мы видели, сколь часто в таких условиях возникают этнополитические и гражданские конфликты. Их география широка (от Ливана до Украины и от Кипра до Кавказа). Каково значение выборных процедур в таких обществах? Помогают ли они профилактике, купированию противоречий и урегулированию уже возникших конфликтов? Или выборы в таких обществах – только триггеры противостояний?

Б.М. Этот вопрос к внешней политике имеет отношение только частично. Да, есть случаи, когда сегмент общества (как правило, но не всегда, компактно проживающий) настроен на отделение или ирредентизм² – присоединение меньшинства к этническим «братьям» в соседней стране. Упомянутый Вами Кипр – пример такой ирреденты, свойственной в прошлом обеим общинам острова – и греческой, и турецкой. Кстати, раз мы об этом заговорили: подобных примеров немало на посткоммунистическом пространстве. Обратите внимание: из трех десятков посткоммунистических стран только Россия избрала федеративное устройство государства – потому что у нее огромный исторический опыт управления этнически многосоставным населением, она «не боится» дать этническим сегментам территориальную политическую автономию. У наших соседей, некоторые из которых тоже этнически многосоставны, были сильны опасения, что автономия станет первым шагом к сецессии. И нельзя сказать, что опасения эти лишены оснований. Вспомним, что Каталония, получившая в процессе демократизации в Испании (1979) статус автономии, в 2017 г. попыталась выйти из испанского государства и провозгласить независимость.

Еще одна оговорка: «сегменты» делятся по этнокультурным основаниям часто, но не всегда. Например, Швейцария – страна этнически неоднородная и, кстати, единственная по сей день сохраняющая чисто общественную систему

1 Лейпхарт, А. Демократия в многосоставных обществах: сравнительное исследование. М.: Аспект Пресс, 1997.

2 От движения конца XIX – начала XX в. за присоединение к Италии территорий Австро-Венгерской империи, на которых проживало италогворящее население.

организации власти. Но «сегменты» в Швейцарии – это не немецкая, французская и итальянская общины, а политические субкультуры – «правые», «левые», либералы, позже еще и «зеленые» появились.

В остальном же общественность – это действительно институционализация политических сегментов, подразумевающая участие в выборах сегментарных партий и, подчеркнем, раздел – по особым правилам – власти между этими партиями, правительства «больших коалиций». Кстати, Россия намеренно строила и строит систему политического представительства, исключая сегментирование на этнической, конфессиональной или территориальной основе. Все наши партии имеют общенациональный характер. И она далеко не одинока в таком подходе, в нем есть много своих «плюсов», как есть серьезные «минусы» у моделей сегментарного представительства. Идеальных политических и избирательных систем не бывает.

Избирательные процедуры в такой модели «очерчивают» сегменты (с очень умеренной вариативностью от выборов к выборам). А. Лейпхарт не случайно пишет именно о демократиях, ее применяющих, показывая, что демократии весьма хрупки и слишком острая политическая конкуренция могла бы их дестабилизировать и эту неустойчивую демократичность разрушить. А потому неоднородные сегменты получают гарантии политического представительства в обмен на побуждение (а отчасти и принуждение) к сотрудничеству и совместной работе во власти. Только в таком сотрудничестве, как отмечали авторы классической работы¹, могут родиться институты и навыки «мирной конкуренции» и управления конфликтами, т.е. демократии.

А вот это когда получается, когда – нет. Все четыре «главных» примера А. Лейпхарта сегодня – устойчивые демократии. В Швейцарии, как упоминалось ранее, общественная модель сохраняется и сегодня, в остальных трех (Австрия, Нидерланды, Бельгия) кропотливый политолог найдет элементы наследия общественности в «политических нравах», но не более того. Кипр «взорвался» гражданской войной еще в 1970-е гг.: сегодня греческая часть Кипра – демократия, а турки живут в северо-восточной части острова, независимость которой не признает в мире никто, кроме Турции. Десятилетиями длилась гражданская война в Ливане. Есть (в т.ч. в самой книге А. Лейпхарта) и другие примеры неудач общественности, в большинстве своем «жертвами» этих неудач оказывались и демократический строй, и многие жители. Добавим, если у политических лидеров сегмента нет твердой установки именно на демократизацию и мирный раздел власти, шансы на эффективность общественных механизмов мизерны. Из современных примеров – это Босния и Герцеговина или Ирак. Первая сохраняет единство лишь благодаря протекторату Евросоюза. Во втором – Курдистан сохраняет лишь формальное единство с Багдадом.

Но чтобы не заканчивать на пессимистической ноте: подходы, основанные на разделе власти и принуждении к сотрудничеству неоднородных сегментов, безусловно, востребованы и при определенных условиях действенны. Это не

1 Schmitter, Philippe C., and Terry Karl. "What Democracy Is... and Is Not." *Journal of Democracy*, no. 2 (1991): 75–88. <https://doi.org/10.1353/jod.1991.0033>.

только упомянутые четыре «классические» страны: напомним, в 90-е гг. прошлого века А. Лейпхарт (голландец по происхождению) привлекался к разработке модели транзита от апартеида в ЮАР (где большинство белого населения – африканеры – потомки переселенцев из Нидерландов), и этот транзит оказался небезуспешным.

С.М. Картина получается сложной и неоднозначной, как, наверное, все в политике – и внутренней, и внешней. Подводя итог, можно ли сказать, что в стране с многопартийностью и конкурентными выборами внешняя политика отличается какими-то особенностями?

Б.М. Хотелось бы обратить внимание на сторонников теории международных отношений, утверждающих, что «демократии не воюют с демократиями». Традиция подобной научной мысли давняя, восходящая к трактату И. Канта «К вечному миру»¹. Аргументы этой теории понятны и отнюдь не бессмысленны: демократически избранные правители чувствуют свою ответственность перед избирателями, а потому более склонны искать мирные пути решения конфликтов. Впрочем, всегда есть множество нюансов...

И дело не в том, что сторонники *Realpolitik* основную роль в международных отношениях отводят силе. Даже если мы примем на веру подобный подход, придется признать: демократии часто воюют с недемократиями, причем нередко первыми начинают конфликт. Не говоря о том, что некоторые демократии владели огромными колониальными империями, а сегодня зачастую действуют в отношении более слабых стран методами, далекими от джентельменских. В этом контексте вспоминается известный афоризм: «Джентльмен к западу от Суэца не отвечает за то, что делает джентльмен к востоку от Суэца».

И демократии шли на дипломатические и военные авантюры, увязали в безнадежных войнах, несли колоссальные издержки за свои ошибки. Даже не буду приводить примеров – они очевидны, да это и слишком далеко бы вышло за рамки темы нашей беседы.

И все же некоторые положительные особенности внешней политики у стран с сильными плюралистическими институтами есть. Ответственность перед обществом в них политики несут по крайней мере тем, что их могут «наказать», лишив поддержки на следующих выборах. Выше мы приводили примеры, как два президента США не стали выдвигаться на перевыборы, а еще двое поплатились досрочным завершением карьеры. А греческая СИРИЗА, победив на евроскептической платформе в 2015 г., на выборах 2019 г. потерпела поражение потому, что, вопреки обещаниям, пошла на уступки Евросоюзу. Впрочем, это как раз повод вспомнить известное высказывание американского теолога Дж. Кларка²: «Политик думает о следующих выборах, государственный деятель – о следующих поколениях». СИРИЗА поступила как «государственный деятель», а не «политик».

Вторая особенность: в демократиях внешняя политика, как и внутренняя, конечно, находится под пристальным вниманием и подвергается критике со стороны оппозиции, независимых СМИ, гражданского общества. Гарантий от

1 Kant, Immanuel. *Zum ewigen Frieden. Ein philosophischer Entwurf*. Königsberg: Friedrich Nicolovius, 1795. http://davidmhart.com/liberty/Books/1795-Kant_EwigenFrieden/Kant_ZumEwigenFrieden_1795-ebook.pdf.

2 Порой встречающаяся атрибуция этого высказывания У. Черчиллю не находит подтверждения в источниках.

ошибок это не дает, но все же при прочих равных снижает их риски. Имеет значение сменяемость власти. Сама по себе она тоже не дает гарантий, что следующий руководитель внешней политики будет мудрее или добродетельней нынешнего. Напротив, при растущем влиянии радикальных популистских партий и лидеров нельзя исключать (хотя бы гипотетически), что они придут к власти – с непредсказуемой как внешней, так и внутренней политикой. Но все же завершим нашу беседу аллюзией и вспомним матросов, борющихся за штурвал: курс корабля получается извилистый, но движущийся вперед.

Цитирование

Макаренко, Б.И. Выборные процедуры и партийно-политические системы: международное измерение // *Международная аналитика*. 2025. Том 16 (4). С. 11–20.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2025-16-4-11-20>

For citation

Makarenko, Boris I. "Electoral Processes and Party-Political Systems: An International Dimension."
Journal of International Analytics 16, no. 4 (2025): 11–20.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2025-16-4-11-20>

Внешняя политика США: сопоставление электоральной риторики республиканцев и демократов с их действиями на высшем посту

Павел Геннадьевич Кошкин, ИСКРАН, Москва, Россия

Контактный адрес: pasha.koshkin@gmail.com

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена выявлению несоответствий между электоральной риторикой республиканцев и демократов в США и их политикой на примере комплексного сопоставления подходов обеих партий к международным отношениям. Рассматриваются периоды президентства Д. Трампа, Б. Обамы и Дж. Байдена. Соответственно, хронологические рамки исследования охватывают период с 2008 по 2025 год. Цель исследования – показать противоречивую взаимосвязь между внутренней и внешней политикой США в динамике и с опорой на зарубежные и российские академические материалы.

Использованы общенаучные методы: описательно-нарративный анализ, дискурс-анализ, синтез, сравнительный анализ, обобщение, кейс-стади, холизм. Теоретической рамкой работы является конструктивизм как наиболее подходящий способ объяснения сложности представленной проблематики. Определены точки соприкосновения в рамках двухпартийного консенсуса и разногласия применительно к выстраиванию отношений с ключевыми для США регионами – от Европы и Азиатско-Тихоокеанского региона до Ближнего Востока и Латинской Америки. Сделан вывод о том, что предвыборные обещания, направленные на удовлетворение интересов избирателей, доноров и лоббистов, не всегда конвертируются в реальный курс после выборов. Новизна исследования заключается во внесении авторского вклада в научно-экспертный дискурс вокруг темы взаимозависимости внешней и внутренней политики США.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

американские выборы, республиканцы, демократы, двухпартийный консенсус, реализм, идеализм, конструктивизм, теория международных отношений, внешняя политика США

Введение

США – это государство, где электоральные циклы постоянно сменяют друг друга, а избирательная гонка фактически никогда не заканчивается, даже после объявления итогов очередного волеизъявления. Постоянная борьба за президентский пост и места в Конгрессе – каждые четыре и два года соответственно – делает конкуренцию за симпатии населения непрерывной. Даже законодательная деятельность и любые инициативы президента с момента инаугурации могут быть интерпретированы как стремление создать задел для следующего предвыборного сезона, который начинается за один-два года до голосования, а формально – после выражения кандидатом президентских амбиций.

Именно поэтому данная статья актуальна. Она направлена на то, чтобы обобщить, теоретизировать и сравнить электоральную риторику республиканцев и демократов по проблемам международных отношений с их действиями после победы на выборах. Цель – рассмотреть взаимосвязь между внутренней и внешней политикой США. В качестве кейсов предвыборные заявления Б. Обамы, Дж. Байдена и Д. Трампа в 2008–2024 гг. сопоставляются с их реальными поступками на высшем посту. Конструктивистская теоретическая рамка позволяет выявить точки соприкосновения в двухпартийном консенсусе и противоречия при формировании внешнеполитического вектора под влиянием внутренних факторов в США. Использованные методы включают генерализацию, анализ конкретных ситуаций (*case study*), описательно-повествовательный и сравнительный анализ, дискурс-анализ, синтез и холизм. Практический материал – обобщение выступлений кандидатов в президенты во время телевизионных дебатов и интервью вместе с официальными заявлениями, пресс-релизами Белого дома и документами, принятыми уже после победы на выборах. Гипотеза исследования сформулирована следующим образом: в США электоральная риторика не является руководством к действию и часто не конвертируется в действия лидеров под давлением внутриполитических обстоятельств, причем вне зависимости от их партийной принадлежности. Новизна исследования заключается в попытке автора внести вклад в дискурс вокруг взаимосвязи внешней и внутренней политики США в контексте избирательных процессов.

Обзор и анализ научно-литературной базы

Тема внешнеполитических программ американских партий достаточно широко представлена в академических публикациях. К ней обращались отечественные и зарубежные специалисты.

Среди российских исследований примечательна работа А.А. Буниной, А.Р. Войтоловской и В.Ю. Журавлевой, которые сопоставили предвыборные повестки республиканцев и демократов на международном направлении на фоне поляризации и кризиса двухпартийности¹. А.А. Сушенцов рассмотрел электоральные программы Республиканской партии: проанализировал их в контексте неоконсерватизма, реализма и изоляционизма на материале выступлений участни-

1 Бунина et al. 2024.

ков праймериз 2016 года¹. Е.В. Бурдина сравнила подходы представителей обеих политических партий к России в 2016–2024 гг.: в этот период отношения Москвы и Вашингтона ухудшились до противостояния. В этой связи сделан вывод: как либералы, так и консерваторы достигли консенсуса относительно «российской угрозы», а альтернативы были заглушены или не нашли достаточной репрезентации в информационном поле². Примерно к таким же заключениям пришла и О.А. Фролова, подчеркнувшая тезис о небольшом влиянии общественной поляризации в США на внешнеполитические программы демократов и республиканцев, разделяющих идеи о защите национальных интересов на мировой арене. Особенно заметно это проявляется в рамках ближневосточной политики Вашингтона³. Как показала Н.А. Иванова, наиболее ярко либерально-консервативный консенсус прослеживался в сохранении долгосрочных союзнических отношений с Израилем⁴.

Некоторые ученые делают акцент на субстантивной схожести электоральной риторики двух партий в отношении Китая. Н. Абудуресули обратила внимание на предвыборные дебаты 2024 г., сравнив выступления республиканца Д. Трампа и представительницы демократов К. Харрис в срезе антикитайского нарратива. Исследовательница подчеркнула: консерваторы используют эмоциональную лексику и демонизируют КНР как угрозу, а либералы со сдержанностью изображают ее как стратегического конкурента⁵. О.А. Тимофеев рассмотрел фактор Китая как один из магистральных в предвыборной кампании 2012 года⁶.

Другие представители академической среды специализируются на том, как США выстраивают трансатлантические отношения. С.В. Кислицын указал на общее целеполагание республиканцев и демократов относительно первостепенности глобального лидерства США. Однако он также обратил внимание на отличия в постановке задач: консерваторы делают упор на военно-силовое влияние, либералы – на экономическое воздействие и мягкие подходы⁷. А.А. Давыдов поставил в центр внимания межпартийный дискурс вокруг «продвижения демократии» за рубежом. Он подчеркнул, что, в отличие от демократов, республиканцы в лице Д. Трампа и его команды гораздо меньше внимания уделяют ценностно-идеологическому подходу, а также поставил под вопрос сохранение консенсуса по данной проблеме⁸. Примечательны и академические статьи о влиянии внешнеполитических стратегий США на настроения американских избирателей. В материале Л.Н. Гарусовой отмечена подобная корреляция на примере дискредитации России и Китая, а именно – формирования негативного образа этих государств⁹.

По сравнению с трудами отечественных экспертов, их зарубежные коллеги расставляют акценты по-другому. Шведский исследователь С. Борг согласен

1 Сушенцов 2016.

2 Бурдина 2024.

3 Фролова 2011.

4 Иванова 2022.

5 Абудуресули 2025.

6 Тимофеев 2012.

7 Кислицын 2019.

8 Давыдов 2017.

9 Гарусова 2020.

с российскими экспертами относительно наличия двухпартийного консенсуса вокруг сдерживания Китая вопреки общественному расколу в 2024 году. Однако он указывает, что в контексте украинского вопроса республиканцы и демократы по-разному смотрят на безопасность в трансатлантическом регионе и в Европе. Содействие Киеву становится частью внутренней политики и самоидентичности США¹. К таким же выводам приходят специалисты из Европейского совета по международным отношениям². В аналогичном ключе рассуждает и Т. Дженнингс³. Тем не менее он проводит более глубокий «водораздел» между консерваторами и либералами: первые представлены как изоляционисты, готовые бросить европейских союзников перед ключевыми глобальными вызовами в лице России и Китая, а вторые – как надежные партнеры, выполняющие взятые обязательства.

Более нюансированный, но идеологизированный подход предлагает Дж.Ф. Сейб. Он обращает внимание на внутривнутрипартийные различия в лагере республиканцев во время избирательной кампании 2024 г.: между националистами – сторонниками Д. Трампа, нацеленными на сокращение глобального влияния США, и республиканским истеблишментом, разделяющим интервенционистские взгляды неоконсерваторов на внешнюю политику. Дж.Ф. Сейб рассматривает данную проблему в историческом контексте: анализирует конкретные ситуации со времен Д. Эйзенхауэра, то есть с 1952 года⁴.

Такое же внимание к деталям прослеживается и в зарубежных исследованиях по ближневосточному направлению внешней политики США, но не столько в предвыборном контексте, сколько в законодательном. В частности, в статье Ф. Тузани стратегии демократов и республиканцев на Ближнем Востоке сравниваются в контексте публичной дипломатии на примере анализа 123 законов, принятых в 1973–2017 годах. Отмечается: консерваторы больше тяготеют к «жесткой силе», тогда как либералы – к «умной» и «мягкой»⁵. Несмотря на опосредованное отношение к избирательным кампаниям, включение этой работы в данный обзор необходимо, так как деятельность Конгресса частично продиктована электоральными целями.

Заметно, что зарубежные авторы, в отличие от их российских коллег, чаще затрагивают отношения Соединенных Штатов и государств Латинской Америки в контексте предвыборной борьбы. Хотя в целом даже в академической литературе США данный аспект представлен не так широко по сравнению с другими векторами внешней политики Вашингтона. Представляет интерес труд М. Каррераса, Г. Висконти и И. Акасио, где констатируется негативное влияние победы Д. Трампа на выборах 2016 г. на имидж США в этом регионе⁶. Заслуживают внимания и пособия, систематизирующие внешнеполитические взгляды обеих

1 Borg 2024.

2 Celia Belin, Majda Ruge, and Jeremy Shapiro, "Brace Yourself: How the 2024 US Presidential Election Could Affect Europe," European Council on Foreign Relations, May 2023, accessed September 10, 2025, <https://shorturl.at/aWZX7>.

3 Tyler Jennings, "Transatlantic Tensions: The Impact of the 2024 Election on US-EU Relations," International Development Research Network, September 20, 2025, accessed September 28, 2025, <https://idrn.eu/transatlantic-tensions-the-impact-of-the-2024-election-on-us-eu-relations/>.

4 Gerald Seib, "Can Republicans Find Consensus on Foreign Policy?" Foreign Affairs, January 9, 2024, accessed September 11, 2025, <https://www.foreignaffairs.com/united-states/can-republicans-find-consensus-foreign-policy>.

5 Touzani 2023, 129–173.

6 Carreras et al. 2021.

партий в XXI веке. К ним относится книга Т. Рубензера, где рассмотрены 38 конкретных ситуаций (кейсов) на всех направлениях внешней политики США: от Ближнего Востока, Европы и Азиатско-Тихоокеанского региона до Латинской Америки и Африки; от разоружения, противодействия международному терроризму и наркотрафику до иммиграции, климатических изменений и кризиса глобального управления. Рассматривая риторику законодателей, президентов и представителей их администраций, автор находит как сходства между позициями республиканцев и демократов, так и отличия¹.

В свою очередь, теоретическая и практическая основа для анализа философско-идеологических истоков электоральной риторики американских политиков по международной проблематике представлена в трудах отечественных американистов В.В. Согрина², В.О. Печатнова³ и Э.Я. Баталова⁴. Полезна монография Д.В. Ольшванга «Америка выбирает: от Трумэна до Трампа», состоящая из двух частей⁵. В них собраны прикладные материалы (архивные документы, опросы, периодика) по президентским кампаниям в Соединенных Штатах с 1948 г., что позволяет сформировать целостный подход к изучению внешнеполитического дискурса претендентов на высший пост.

О рутинной специфике американских предвыборных кампаний (от стратегий до финансирования и отношений кандидатов с донорами) рассказывается в англоязычной литературе, причем как в ретроспективе, так и перспективе. Особый интерес представляет коллективная монография Дж. Сайдса, Д. Шоу, М. Гроссмана и К. Липсица⁶. Кроме нее – экспертные работы по лоббизму Дж.М. Фигейредо и Б.К. Рихтера⁷, Т. Стратманна и Э. Дозьер⁸, Р.Е. Мутча⁹, Л. Друтмана¹⁰ и М. Грина¹¹, а также публикации отечественных авторов: Ф.И. Долгих¹² и А.Б. Белоусова¹³. Эти исследования важно иметь в виду в качестве опосредованных пособий для понимания внутренних драйверов политической гонки в Соединенных Штатах.

Теоретические рамки: конструктивизм как связующее звено между внутренней и внешней политикой

В данной статье автор опирается на конструктивизм, поскольку именно этот подход в теории международных отношений позволяет логично и последовательно связать внутри- и внешнеполитическую динамику в США. Одновременно он учитывает и рационализирует другие факторы, такие как меж- и внутрипартийные идейные противоречия в электорально-прикладных подходах республиканцев и демократов, а также роль различных групп интересов. Так, в соответствии

1 Rubenzer 2017.

2 Согрин 2024.

3 Печатнов 2008.

4 Баталов 2009.

5 Ольшванг 2022; Ольшванг 2025.

6 Sides et al. 2012.

7 John M. Figueiredo, and Brian K. Richter, "Advancing the Empirical Research on Lobbying," National Bureau of Economic Research (NBER), December 2013, accessed September 10, 2025, <https://www.nber.org/papers/w19698>.

8 Stratmann, Dozier 2024.

9 Mutch 2016.

10 Drutman 2015.

11 Green 2013.

12 Долгих 2022.

13 Белоусов 2013.

с представлениями основателей данного направления Н. Онуфа, Ф. Кратохвила и А. Вендта, межгосударственное взаимодействие и закономерности на мировой арене зависят от идеологии, взглядов отдельных игроков, личных качеств политиков и их окружения. То есть конструирование геополитики осуществляется именно людьми, а не объективными нормами¹.

Иначе говоря, международные отношения – это субъективный социальный конструкт, воспроизводящийся влиятельными игроками (включая государственных деятелей, руководителей глобальных институтов, транснациональных корпораций и лоббистов) в результате столкновения личных амбиций и интересов, коммерческих или политических. Взаимовлияние с прицелом на формирование новой реальности – одна из движущих сил в этом процессе, а корни национальных интересов проистекают из самоидентичности государства и его репрезентации в картине мира других акторов. В данном случае речь идет о США, которые провозгласили себя супердержавой, имеющей право диктовать условия под предлогом продвижения демократии за рубежом, причем зачастую против воли других государств. Еще одна причина, по которой конструктивизм может быть полезен для теоретического анализа, заключена в его фокусировке на смысловом разборе языка: выступлений политиков, предвыборных программ, официальных документов и текстов в СМИ. Именно такой подход позволяет выявить несоответствия между электоральной риторикой и поступками президентов США.

Таким образом, конструктивизм помогает сместить перспективу на вспомогательные факторы политической жизни США, влияющие на выстраивание их линии поведения на мировой арене. Среди них – внутрипартийные споры, поляризация, баланс сил в системе сдержек и противовесов, роль лоббистов, динамика воззрений политиков за всю карьеру. В данной парадигме принимаются во внимание и особенности биографии государственных деятелей (симпатии, темперамент, профессиональный и интеллектуальный путь), а также исторические закономерности в развитии американской нации, включая формирование нарративов о собственном превосходстве и статусе сверхдержавы. Все это в совокупности помогает объяснить отступление республиканца Д. Трампа и демократа Б. Обамы от электоральных обещаний применительно к международным отношениям, равно как и внешнеполитические колебания Дж. Байдена до и после выборов в 2020–2024 годах.

Кейс Д. Трампа

Судя по предвыборным выступлениям на многочисленных платформах, электоральная риторика действующего президента США во всех трех избирательных кампаниях (2016, 2020, 2024) не претерпела особых изменений, если говорить о его внешнеполитических подходах. С момента первого выдвижения и до настоящего времени он декларирует тезис о возвращении уважения к США на глобальной арене, обещает отстаивать национальные интересы в дипломатической

1 Wendt 1999; Daddow 2017.

плоскости, но с позиции силы, при этом не ставя во главу угла права человека. Д. Трамп также выражает готовность поддержать и нормализовать всесторонний диалог с ключевыми геополитическими противниками, включая Россию и Китай, и предлагает усилить давление на враждебные правительства государств Латинской Америки для борьбы с иммиграционным кризисом и наркотрафиком в пределах США. Политик также постулирует приверженность курсу, направленному на поддержку Израиля и оказание давления на Иран, исключая возможность развития его ядерной программы.

Вместе с тем Д. Трамп демонстрирует намерение завершить все войны, начатые демократами (в его понимании); заявляет о нежелании ввязываться во внешнеполитические авантюры; нацелен на сокращение американского присутствия в других регионах и глобальных организациях, среди которых ООН; отказывается от «благотворительности» на международной арене, постулируя намерение выторговывать выгодные для Вашингтона условия у других государств, в том числе и по линии НАТО¹. С точки зрения конструктивизма подобная категоричность и напористость является не только результатом профессионального пути Д. Трампа в корпоративной сфере, но и следствием взаимовлияния внутри- и внешнеполитических факторов, а именно – популистского стремления кандидата от республиканцев угодить избирателям².

Однако, судя по первому сроку и продолжающейся второй каденции, значительная часть электоральной риторики Д. Трампа не проходит сверку с реальностью. В 2017–2020 гг. он не только не сократил присутствие США в мире, но, напротив, чуть не ввязался в опасные геополитические авантюры и заложил «мины замедленного действия», которые впоследствии вылились в горячие конфликты на постсоветском пространстве. Вспомним риторическую эскалацию Соединенных Штатов и Северной Кореи в 2017 г., когда Д. Трамп обещал ответить «огнем и яростью» на ядерные испытания и угрозы КНДР в отношении союзников и ближайших американских территорий, среди которых остров Гуам. Из этой же серии – нарастание напряженности на Ближнем Востоке на фоне серии авиударов США по Сирии в апреле 2017 и 2018 гг. – якобы в ответ на химическую атаку «режима Б. Асада». В результате повысились риски столкновения интересов Москвы и Вашингтона в регионе³.

Что касается российско-американских отношений, то, вопреки обещаниям Д. Трампа, они только ухудшились: дипломатический кризис, ужесточение санкций, сворачивание стратегического диалога – все это произошло в 2017–2020 годах. Кроме того, именно республиканец начал поставки оружия Украине в 2018 году. Возможно, это произошло не в последнюю очередь под влиянием бывшего лоббиста и спецпредставителя президента по Украине К. Волкера,

- 1 Caitlin Yilek, Melissa Quinn, Kathryn Watson, Caroline Linton, Mary Cunningham, and Aimee Picchi, "Trump's Policy Plans and Platform on Key Issues for the 2024 Election," CBS News, November 5, 2024, accessed September 10, 2025, <https://www.cbsnews.com/news/donald-trump-platform-policy-positions-2024/>.
- 2 "2024 GOP Platform: Make America Great Again Platform," The American Presidency Project, July 8, 2024, September 10, 2025, <https://shorturl.at/aB2R4>.
- 3 "Trump's Foreign Policy Moments," Council on Foreign Relations, accessed September 9, 2025, <https://www.cfr.org/timeline/trumps-foreign-policy-moments>.

заинтересованного в коммерческой выгоде для себя и американского ВПК. Все это частично привело к прямому конфликту Москвы и Киева в феврале 2022 года¹.

Интересы России и США едва не столкнулись на латиноамериканском направлении в 2019 г., когда Вашингтон предпринял попытку свергнуть правительство Н. Мадуро в Венесуэле, поддержав лидера оппозиции Х. Гуайдо и признав его временным президентом. В отношении коммунистической Кубы тоже был взят курс на эскалацию, вплоть до ужесточения санкций. По сути, Д. Трамп уничтожил наследие Б. Обамы, который восстановил дипломатические отношения с Гаваной и ослабил рестрикции.

Уже тогда в Д. Трампе побеждал не столько реалист-изоляционист, образ которого был растиражирован в ходе электоральной кампании 2016 г., сколько типичный идеолог-неоконсерватор с интервенционистскими наклонностями. Видимо, сказалось влияние «ястреба» Дж. Болтона, на тот момент советника президента по национальной безопасности. Однако последний оказывал лишь ограниченное влияние на американского лидера – ему не удалось убедить Д. Трампа отказаться от диалога с талибами о выводе американских войск из Афганистана, и в 2020 г. лидер Соединенных Штатов сел с ними за стол переговоров².

Вместе с тем президент оказался последовательным в безоговорочной поддержке Израиля, в том числе и во время эскалации конфликта с движением ХАМАС. Солидарность была продиктована электоральными соображениями – стремлением заручиться финансово-политической поддержкой израильских лоббистов и религиозных американцев-евангелистов, считавших еврейское государство объединяющим символом, а также групп интересов из военно-промышленного комплекса, обеспечивающих правительство Б. Нетаньяху оружием³.

Во время второго президентского срока неоконсерватор в Д. Трампе снова начал побеждать изоляциониста и реалиста, несмотря на электоральные обещания. Об этом свидетельствуют не только его геополитические притязания на Гренландию (спорная идея о присоединении к США), но и заметная военно-политическая эскалация в отношениях с Венесуэлой с прицелом на смену режима под предлогом борьбы с наркокартелями. Теперь главным генератором внешнеполитических идей в команде президента выступает «ястреб» М. Рубио, государственный секретарь США. Бросается в глаза и нетипичная для Д. Трампа риторика о правах человека в Европе и ЮАР. Во-первых, глава Соединенных Штатов систематически критикует ЕС за притеснение кандидатов-консерваторов на выборах. Во-вторых, бойкотирует саммит «Группы двадцати» из-за подавления правительством ЮАР африканеров – национальных меньшинств из числа потомков европейских колонистов⁴.

Вместе с тем в отношении России и Китая глава США балансирует на грани реализма и неоконсерватизма, между диалогом и жестким курсом. С одной

1 Amy Sherman, "Fact Check: Did Trump Send Ukraine Weapons That Obama and Biden Withheld?" WRAL News, July 4, 2024, accessed September 10, 2025, <https://shorturl.at/r4iLf>.

2 "Trump's Foreign Policy Moments."

3 Halil İbrahim Medet, "US Unlikely to Halt Arms Sales to Israel due to AIPAC Lobbying: Expert," Anadolu Agency, November 11, 2024, accessed September 10, 2025, <https://shorturl.at/APq8>.

4 Gerald Imray, "How Trump's Support for a White Minority Group in South Africa Led to a US Boycott of the G20 Summit," Associated Press, November 10, 2025, accessed September 20, 2025, <https://shorturl.at/EW27H>.

стороны, он продолжает оказывать военное содействие Украине, с другой – подчеркивает необходимость форсировать стратегический диалог с Москвой, в том числе и путем достижения мира на постсоветском пространстве. Вместе с тем политик декларирует намерение снизить зависимость от Пекина в критически важных отраслях и традиционно эксплуатирует тему Тайваня, параллельно намекая на сохранение экономических связей с Пекином, прежде всего ради обеспечения надежных поставок природных ресурсов для производства полупроводников (речь в данном случае идет о редкоземельных металлах). Показательно, что вся эта риторика прослеживается и в новых внешнеполитических доктринах, среди которых вышедшая в конце 2025 г. Стратегия национальной безопасности¹.

Таким образом, во время избирательных кампаний действующий президент США презентовал себя как изоляциониста-реалиста, но после победы на выборах начал иногда выходить за пределы электоральной парадигмы, хотя и пытался удержаться в ее рамках. На этом фоне политик, окруженный неоконсерваторами и лоббистами (среди них К. Волкер), проявлял интервенционистские черты, но не столько по идеологическим соображениям, как демократы, сколько по коммерческим. Возможно, поэтому он и начал поставлять оружие Украине во время первого срока. Сегодня обращают на себя внимание заигрывание Д. Трампа с риторикой о правах национальных меньшинств в Европе и Африке и декларируемая готовность вовлекаться во внешнеполитические авантюры. Таким образом, его электоральный профиль далеко не всегда соответствует профилю президентскому – он, скорее всего, эклектично-популистский.

Кейс Б. Обамы

Считается, что интеллектуальным источником вдохновения для внешней политики Б. Обамы была книга журналиста Ф. Закарии «Постамериканский мир»². В ней высказывается идея о поступательном сокращении присутствия США в мире и частичном пересмотре подходов Вашингтона на международной арене на фоне нарастающей многополярности³. Показательно, что данная работа вышла весной 2008 г. в разгар предвыборной кампании: на тот момент кандидат на высший пост от демократов находился в процессе формирования представлений о геополитике. Вместе с тем он вполне мог проникнуться идеями умеренного изоляционизма и реализма в условиях репутационных потерь Соединенных Штатов после интервенционистских экспериментов Дж. Буша-мл. под лозунгом борьбы с терроризмом и строительства демократии в Ираке и Афганистане. Во время избирательной гонки Б. Обама противопоставлял себя предшественнику-республиканцу, за счет чего и одержал победу⁴.

1 "National Security Strategy of the United States of America," The White House, November 2025, accessed December 15, <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2025/12/2025-National-Security-Strategy.pdf>.

2 Dwight Garner, "What Obama Is Reading," The New York Times, May 21, 2008, accessed September 10, 2025, <https://archive.nytimes.com/artsbeat.blogs.nytimes.com/2008/05/21/what-obama-is-reading>.

3 Zakaria 2008.

4 Sheryl Gay Stolberg, "A Visit Both Historic and Perhaps Awkward," The New York Times, November 9, 2008, accessed September 10, 2025, <https://www.nytimes.com/2008/11/10/us/politics/10transition.html>.

Тем не менее, вопреки электоральным намерениям и обещаниям, демократ не смог сломить американскую систему и размотать клубок противоречивых интересов, оказавшись на высшем посту: не закрыл тюрьму в Гуантанамо на Кубе и не добился стабильности на Ближнем Востоке. Преодолевать последствия действий республиканской администрации оказалось непросто, тем более в окружении либералов-«ястребов»: Б. Обама полностью вывел войска из Ирака, но его попытки покинуть Афганистан оказались половинчатыми и растянулись до президентства Дж. Байдена. Таким образом, у Б. Обамы не получилось примирить свои амбиции с приоритетами лоббистов и американского политического истеблишмента. К тому же большую роль сыграли вшитые в американский менталитет идеи о собственной исключительности, превосходстве над другими нациями и мессианстве – причем не столько у президента-демократа, сколько у членов его команды.

Следует отметить, что Б. Обама неоднократно пытался преодолеть ригидность системы и идеологии. Особенно во время выстраивания отношений с Россией в рамках «перезагрузки», которая была продиктована скорее реалистическими побуждениями, нежели либерально-идеалистическими. Одержимый идеей ядерного разоружения и стратегической стабильности, глава США пытался идти на диалог с Москвой вопреки отсутствию персональной солидарности с В.В. Путиным. При президенте-демократе Россия и США подписали договор о сокращении стратегических наступательных вооружений СНВ-3. В 2015 г., руководствуясь теми же соображениями, он подписал «ядерную сделку» (СВПД) с Ираном.

Еще один пример того, как в главе Белого дома победил реалист, а не интервенционист, – это отказ наносить авиаудары по Сирии (вопреки давлению и критике однопартийцев) на фоне спекуляций о применении Дамаском химического оружия против мирного населения. Такое непопулярное решение было принято после публикации колонки В.В. Путина в газете *The New York Times* в 2013 году¹. Б. Обама даже решил заключить с Россией сделку по контролю и утилизации химического оружия в Сирии. Показательно и то, что во многих случаях президент США шел на уступки России, предоставляя ей привилегии, среди которых содействие в процессе вступления в ВТО и отмена экономических санкций в рамках поправки Джексона – Вэника в 2012 г., пусть и с оговорками: одновременно, в соответствии с «законом Магнитского», Б. Обама ввел новые рестрикции против российских чиновников за нарушение прав человека и коррупцию. Видимо, это произошло из-за давления сторонников жесткого курса в его администрации.

Прагматизм возобладал и в реакции президента США на присоединение Крыма к России. Несмотря на введение санкций против Москвы, он (вместе с Дж. Байденом) продолжал ограниченное сотрудничество с Россией в разных областях и, самое главное, воздерживался от поставок оружия Украине, понимая долгосрочные последствия. Впрочем, реализм проиграл на финальном этапе президентства демократа после того, как американские власти вменили Рос-

1 Vladimir V. Putin, "A Plea for Caution From Russia," *The New York Times*, September 11, 2013, accessed September 10, 2025, <https://www.nytimes.com/2013/09/12/opinion/putin-plea-for-caution-from-russia-on-syria.html>.

сии вмешательство в выборы 2016 г. и пошли на эскалацию (включая высылки дипломатов, конфискацию российской дипломатической собственности и санкции), чем, по сути, нейтрализовали почти все достижения, реализованные в 2008–2015 годах.

В целом «ястребы» в администрации Б. Обамы – прежде всего, государственный секретарь Х. Клинтон – впоследствии сумели отвести его от реализма в пользу интервенционизма. Это проявилось во вторжении государств НАТО в Ливию в целях свержения действующего правительства. Признаки идеализма (либерализма) прослеживаются и в экономической повестке американского лидера – в частности, в выстраивании региональных торговых организаций: Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства (*TTIP*) и аналогичного формата в Тихоокеанском регионе (*TPP*). Вероятно, их создание было необходимо для экономического сдерживания России и Китая соответственно. Позже Д. Трамп отменил эти проекты под предлогом протекционизма.

Итак, 44-й президент США не смог реализовать свою электоральную программу в полной мере, вступив в частичное противоречие с образом, созданным во время избирательных кампаний в 2008 и 2012 годах. Как и Д. Трамп, он изначально не вписывался в образ политика из традиционного истеблишмента, напоминал скорее умеренного изоляциониста-прогрессиста, нежели либерального интервенциониста, которыми он частично укомплектовал свою администрацию после победы на выборах. Так, на пост государственного секретаря он назначил Х. Клинтон, на позицию советника по национальной безопасности – С. Райс, а на должность постоянного представителя США при ООН – С. Пауэр¹.

Кейс Дж. Байдена

Дж. Байден чаще действовал и позиционировал себя как прагматик-центрист с усложненными взглядами. Во время работы в администрации Б. Обамы он нередко был противовесом либеральным интервенционистам: демонстрировал скептицизм в отношении жесткого подхода Х. Клинтон, выступал против вторжения в Ливию, за которое как раз и ратовала госсекретарь, но при этом все же поддержал свержение М. Каддафи².

Его риторика во время избирательной гонки 2020 г. соответствует постулатам идеализма (либерализма), включая абсолютизацию глобализма, поддержание западных союзников и выполнение перед ними обязательств, приоритет прав человека. Однако все это является следствием его приверженности партийной дисциплине: он изображал себя продолжателем традиции Б. Обамы, соблюдая «правила игры». В 2022 г. глобальный контекст изменился до неузнаваемости после обострения региональных конфликтов на российско-украинском и палестино-израильском направлениях. Трансформировалась и внешнеполити-

1 Owen Alterman, "The Return of Liberal Interventionism?" INSS Insight, June 18, 2013, accessed September 10, 2025, [https://www.files.ethz.ch/isn/165914/436%20-%20\(FILE\)1371530665.pdf](https://www.files.ethz.ch/isn/165914/436%20-%20(FILE)1371530665.pdf); Ross Douthat, "A Very Liberal Interventionism," The New York Times, March 20, 2011, accessed September 11, 2025, <https://www.nytimes.com/2011/03/21/opinion/21douthat.html>.

2 Jonathan Allen, "Biden's the Dove and Hillary's the Hawk on Foreign Policy," Vox, August 4, 2015, accessed September 11, 2025, <https://www.vox.com/2015/8/4/9094341/Biden-dove-Hillary-hawk>.

ческая риторика президента, пытавшегося лавировать между центризмом и интервенционизмом в ходе выборов 2024 года.

По сути, будучи центристом, Дж. Байден балансировал между крайностями, оказавшись под прессингом «ястребов». В частности, политик оказывал военно-политическую и экономическую помощь Украине, регулярно вводил санкции против Москвы, но вплоть до конца своего президентства воздерживался от резких мер во избежание эскалации. Во-первых, он затягивал содействие Киеву, изначально отказываясь от поставок дальнобойных ракет во избежание ударов по объектам в глубине российской территории. За это президента жестко критиковали как республиканцы, включая Д. Трампа, так и однопартийцы. Лишь в ноябре 2024 г., оказавшись в положении «хромой утки» после поражения демократов на выборах, он изменил подход и формально разрешил Украине поражать цели на российской территории с использованием баллистических ракет. Что касается ближневосточного вектора, то здесь 46-й президент США старался занимать срединный подход: продолжая поддерживать Израиль, он поднимал проблему тяжелого положения гражданского населения в Секторе Газа, выражал ему сочувствие и не высказывался резко о пропалестинских протестах. Впоследствии это лавирование переняла К. Харрис, как только она вступила в предвыборную борьбу вместо Дж. Байдена.

Примерно в таком же ключе следует интерпретировать вывод войск из Афганистана, пусть и отягченный чередой фатальных ошибок, за которые Дж. Байден осуждали представители обеих партий. Однако важно понимать, что все это было результатом двухпартийного компромисса, а именно – выполнением электоральных обещаний и продолжением политики как демократов, так и Д. Трампа, севшего за стол переговоров с талибами. Преемственность прослеживается и в отношении Китая, который во все времена американцы представляли как угрозу, конкурента и одновременно ключевого партнера. Вместе с тем на латиноамериканском направлении – особенно в отношении Кубы – Дж. Байден противопоставил себя предшественнику-республиканцу, возобновив примирительный курс Б. Обамы и отказавшись от открытого интервенционизма в Южной Америке и государствах Карибского бассейна.

Таким образом, Дж. Байден до некоторого времени оставался умеренным прагматиком и продолжателем курса Б. Обамы, но перед лицом непростых геополитических обстоятельств в глубоко поляризованном мире вынужден был балансировать между центризмом и интервенционизмом. В этом противостоянии двух подходов нередко побеждал последний: президент стал заложником обстоятельств и получил тяжелое политическое наследство от Д. Трампа. В 2016–2020 гг. тот заложил несколько «мин замедленного действия» на афганском и украинском направлениях, начав переговоры с талибами и поставки оружия Киеву. Можно сказать, что Дж. Байден двигался по инерции. Он не прекратил отправлять оружие Украине, которая стала «золотой жилой» для американского ВПК; по-прежнему поддерживал Израиль во время войны в Секторе Газа вопреки критике прогрессистов и электората Демократической партии; в равной степени нацелился на сдерживание Китая в рамках технологической конкуренции и попыток снизить зависимость от поставок редкоземельных металлов. Подобное поведение в целом можно объяснить влиянием «ястребов» из ближайшего

окружения Дж. Байдена, среди которых советник по национальной безопасности Дж. Салливан, работавший в команде госсекретаря Х. Клинтон и выступавший одним из главных генераторов идей¹, а также госсекретарь Э. Блинкен и министр обороны Л. Остин. К слову, оба не только озвучивали тезис о стратегическом «ослаблении» России, но также имели тесные связи с лоббистами, в том числе с имевшими доступ к военно-промышленным компаниям².

Внешняя политика США через призму конструктивизма

Как было отмечено ранее, последователи конструктивизма рассматривают внешнюю политику США как часть внутреннего процесса, который охватывает борьбу разных групп интересов в Конгрессе и Белом доме, лоббистскую деятельность, выстраивание благоприятной коммуникации с избирателями, постоянную погоню за высокими рейтингами вкупе с отслеживанием общественного мнения по международным сюжетам. При такой комплексной интерпретации все становится на свои места, разрешаются многие противоречия. Так, Д. Трамп, будучи кандидатом на высший пост, призывал к миру и диалогу с Москвой, но негативное отношение к России среди населения, законодателей от обеих партий и лоббистов заставляло его как президента пересматривать подходы, так как его главная задача заключалась в том, чтобы не оттолкнуть электорат чрезмерно мягким отношением к Москве. Эта тенденция применима и к сегодняшним реалиям. Она способна объяснить непоследовательность нынешнего президента США на российско-украинском треке. С учетом того, что, по данным *Pew Research Center*, почти 60 % респондентов не разделяют подходы Д. Трампа на данном направлении³. Причем, согласно опросу *Reagan National Defense*, свыше 60 % населения, включая республиканцев и демократов, выступают за военно-экономическую поддержку Киева и выражают недоверие к Москве⁴. В равной степени конструктивизм помогает понять, почему консерваторы всегда последовательны в отношении Израиля. Кроме активизации израильского лобби каждый электоральный сезон, причина заключается в том, что это государство считается религиозным символом, формирующим духовную идентичность консерваторов. Опросы тоже частично подтверждают данную тенденцию: около 55 % республиканцев позитивно относятся к Тель-Авиву, о чем свидетельствуют данные *Pew Research*⁵.

Конструктивистский подход объясняет и пацифистские наклонности Д. Трампа, в том числе его намерение достичь мира на Украине, Ближнем Востоке и в других регионах. Миротворчество президента-республиканца закреплено

1 Jonathan Allen, "Meet Jake Sullivan, the Man Behind Hawkish Hillary Clinton's Foreign Policy," Vox, September 4, 2015, September 11, 2025, <https://www.vox.com/2015/5/11/8569345/hillary-clinton-hawkish-foreign-policy>.

2 Julian Borger, "Pentagon Chief's Russia Remarks Show Shift in US's Declared Aims in Ukraine," The Guardian, April 25, 2022, September 11, 2025, <https://www.theguardian.com/world/2022/apr/25/russia-weakedend-lloyd-austin-ukraine>.

3 Hannah Hartig, "How Americans View the Trump Administration's Approach to the Russia-Ukraine War," Pew Research Center, August 14, 2025, accessed September 10, 2025, <https://shorturl.at/A094f>.

4 Meghann Myers, "Majority of Americans Favor More Support to Ukraine, Ukrainian Victory," Defense One, December 4, 2025, accessed December 6, 2025, <https://shorturl.at/r1Eue>.

5 Ted van Green, Steven Shepard, Andy Cerda, Gabriel Borelli, and Jocelyn Kile, "How Americans View the Israel-Hamas Conflict 2 Years Into the War," Pew Research Center, October 3, 2025, accessed October 11, 2025, <https://shorturl.at/FUthU>.

и в новой Стратегии национальной безопасности США¹. Оно может проистекать из его стремления сконструировать свою политическую идентичность, а именно – противопоставить себя «подстрекающим к войнам» демократам, оставить заметное наследие на глобальной арене, наконец – удовлетворить личные амбиции. В этой ситуации честолюбие действующего президента выступает в качестве вполне серьезного фактора при принятии внешнеполитических решений.

Что касается демократов, то в рамках конструктивизма тиражирование ими сюжета о вмешательстве России в выборы 2016 г. вместе с демонизацией Д. Трампа как «агента Кремля» стало основным лейтмотивом внутривнутриполитической жизни США. Далее все это трансформировалось в создание образа врага и глобальной угрозы в лице В.В. Путина (который, в их понимании, пытался влиять на электоральные процессы в Европе), а затем – и в распространение тезиса о глобальном противоборстве автократии и демократии. Так, новая книга М. Макфола посвящена именно этому нарративу². Подобные настроения актуальны и будут возобновляться с каждой электоральной кампанией – причем как в Конгрессе, так и в «мозговых центрах».

В парадигме конструктивизма стоит рассматривать и попытки либералов (включая левоцентристские СМИ) объяснить экономические проблемы Соединенных Штатов. Так, Дж. Байден неоднократно интерпретировал Специальную военную операцию и политику В.В. Путина в качестве первопричины экономических проблем, включая рост цен на бензин в США и продовольственный кризис в мире на фоне нестабильных поставок зерна из Украины. Эти тезисы стали также частью повестки демократов в 2024 году³. Дж. Байден задействовал внешнеполитическую риторику для достижения внутривнутриполитических целей. Президентские кампании 2020 и 2024 гг. примечательны именно с этой точки зрения.

Наконец, конструктивизм позволяет объяснить причины того, что во время предвыборной гонки обещания республиканцев и демократов казались безупречными, но после выборов многое менялось. Так, Б. Обама и Дж. Байден лавировали между признанием национальных интересов государств-противников и приоритизацией международных институтов. Применительно к постсоветскому пространству оба политика изначально (до 2016 г.) скептически относились к идее поставок оружия Киеву, даже после присоединения Крыма признавая за Россией зону влияния на постсоветском пространстве. Однако после обострения украинского кризиса 46-й президент США интерпретировал действия России как нарушение международных норм и угрозу для основ миропорядка, основанного на правилах. Так он и обосновал введение жестких мер против Москвы. Во время выборов 2024 г. он поставил в центр внимания свою способность объединить Запад в борьбе против России.

В свою очередь, Д. Трамп часто демонстрировал внешнеполитическую непоследовательность. С одной стороны, в ходе электоральной кампании он постулировал идею отказа от оказания гуманитарной помощи иностранным

1 "National Security Strategy of the United States of America."

2 McFaul 2025.

3 "Remarks by President Biden on Gas Prices and Putin's Price Hike," The White House, June 22, 2022, September 11, 2025, <https://shorturl.at/yvXX4>; "Fact Sheet: President Biden and G7 Leaders Announce Further Efforts to Counter Putin's Attack on Food Security," The White House, June 28, 2022, September 11, 2025, <https://shorturl.at/xFjJ5>.

государствам, демонстрировал пренебрежительное отношение к «мягкой силе» и глобальным институтам. Впоследствии в 2025 г. президент инициировал выход США из ЮНЕСКО, Всемирной организации здравоохранения, Совета ООН по правам человека и Ближневосточного агентства ООН для помощи палестинским беженцам и организации работ (*UNRWA*). Вместе с тем он начал ребрендинг проектов американской публичной дипломатии (в том числе агентства по международному развитию *USAID* и глобального медиа *USGM*) для тиражирования своей повестки за рубежом и оказания финансово-экономической помощи союзникам путем перераспределения финансовых ресурсов.

По сути, Д. Трамп тоже показывает склонность к международной кооперации и даже к правозащитной тематике. Однако такая политика проводится в рамках глобальной «культурной войны» против либералов и прогрессистов на других континентах. В данном контексте заметна нетипичная для президента-реалиста риторика о якобы тяжелом положении потомков европейцев в ЮАР. В связи с этим Д. Трамп даже подписал исполнительный указ о приостановке финансовой помощи данному государству и пообещал уделять приоритетное внимание предоставлению политического убежища для белых беженцев из ЮАР¹.

Выводы

Высокая электоральная конкуренция и регулярные избирательные циклы в США держат политиков в постоянном тоне. Сегодня международная повестка занимает значимое место в риторике претендентов на высший пост, поскольку она тесно связана с внутренней динамикой в государстве. Именно поэтому данный аспект был проанализирован через призму конструктивизма с его приоритизацией социальных, личностных, идеологических и прочих вспомогательных факторов. Сделан вывод об уместности указанных теоретических рамок для анализа кейсов Д. Трампа, Б. Обамы и Дж. Байдена. Автор попытался объяснить противоречия между предвыборными обещаниями и реальными действиями президентов на международной арене².

Главная мысль работы заключается в том, что не следует преувеличивать роль риторики кандидатов на президентский пост. Вопреки намерениям и заявлениям, главы Белого дома не всегда последовательны в своей политике. Нередко они адаптируются под внешне- и внутривнутриполитические обстоятельства. При этом огромное влияние на процесс принятия решений оказывают их окружение, а также группы интересов в бизнесе и правительстве. Наконец, главы государства могут действовать с оглядкой на опросы общественного мнения, которые часто выступают средством измерения их популярности и своеобразным инструментом сверки с реальностью.

В подобных обстоятельствах американские лидеры иногда действуют, скорее, в реактивной форме, отвечая на те или иные международные события и перманентный внутренний прессинг. Разумеется, большую роль в данных

1 Gerald Imray, "How Trump's Support for a White Minority Group in South Africa Led to a US Boycott of the G20 Summit," ABC News, November 10, 2025, accessed November 19, 2025, <https://abcnews.go.com/US/wireStory/trumps-support-white-minority-group-south-africa-led-127381869>.

2 Daddow 2017.

условиях играет личностно-психологический фактор, равно как и базовые идеологические установки американцев о собственной исключительности и превосходстве над другими государствами, закрепленные во многих доктринах и документах. В этой системе координат субъективные и объективные факторы сосуществуют и переплетаются друг с другом, а международные отношения сливаются с внутренними процессами в США и становятся источником самоидентификации и рефлексии нации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Абудуресули, Н. Риторические стратегии в англоязычной политической риторике США по отношению к Китаю (на материале предвыборных дебатов и СМИ 2024 года) // *Litera*. 2025. № 5. С. 166–176. <https://doi.org/10.25136/2409-8698.2025.5.74608>.
- Abuduresuli, Nafeisha. "Rhetorical Strategies in English-Language US Political Rhetoric Toward China (Based on the 2024 Election Debates and Media)." *Litera*, no. 5 (2025): 166–176 [In Russian].
- Баталов, Э.Я. Русская идея и американская мечта. М.: Прогресс-Традиция, 2009.
- Batalov, Eduard Ya. *Russian Idea and American Dream*. Moscow: Progress-Traditsiya, 2009 [In Russian].
- Белоусов, А.Б. Современная практика лоббизма в США // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2013. Т. 13. № 2. С. 69–86.
- Belousov, Alexander B. "Contemporary Practice of Lobbying in USA." *Research Yearbook, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences* 13, no. 2 (2013): 69–86 [In Russian].
- Бунина, А.А., Войтоловская, А.Р., Журавлева, В.Ю. Выборы президента США: меняющийся электорат в кризисе двухпартийности // Анализ и прогноз. Журнал ИММО РАН. 2024. № 3. С. 12–26. <https://doi.org/10.20542/afij-2024-3-12-26>.
- Bunina, Anastasia A., Alexandra R. Voitolvskaya, and Victoria Yu. Zhuravleva. "Presidential Election 2024 in the USA: Electoral Shift in Bipartisanship Crisis." *Analysis and Forecasting. IMEMO Journal*, no. 3 (2024): 12–26 [In Russian].
- Бурдина, Е.В. Подходы к России в президентских кампаниях США 2016–2024 годов: сравнительный анализ // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2024. № 4. С. 9–16.
- Burdina, Elena V. "Approaches Towards Russia in US 2016–2024 Presidential Campaigns: A Comparative Perspective." *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences*, no. 4 (2024): 9–16 [In Russian].
- Гарусова, Л.Н. Внешняя политика США в восприятии и оценках современного американского общества // Известия Восточного института. 2020. № 2. С. 57–66. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2020-2/57-66>.
- Garusova, Larisa N. "U.S. Foreign Policy in the Reflection of Modern American Society." *Oriental Institute Journal*, no. 2 (2020): 57–66 [In Russian].
- Давыдов, А.А. Концепция «продвижения демократии» во внешней политике США // Человек. Сообщество. Управление. 2017. Т. 18. № 4. С. 22–43.
- Davydov, Alexey A. "The U.S. Foreign Policy Concept of Democracy Promotion." *Human. Community. Management* 18, no. 4 (2017): 22–43 [In Russian].
- Долгих, Ф.И. Лоббизм в США как инструмент конкурентной борьбы // Современная конкуренция. 2022. Т. 16. № 5. С. 116–129. <https://doi.org/10.37791/2687-0657-2022-16-5-116-129>.
- Dolgikh, Fedor I. "Lobbying in the USA as a Competitive Tool." *Journal of Modern Competition* 16, no. 5 (2022): 116–129 [In Russian].
- Иванова, Н.А. От демократов к республиканцам: Израиль во внешней политике США в 1952–1953 гг. // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2022. № 6. С. 109–121. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0083-8-2022-6-109-121>.
- Ivanova, Nadezhda A. "From Democrats to Republicans: Israel in U.S. Foreign Policy in 1952 and 1953." *Moscow University Bulletin. Series 8: History*, no. 6 (2022): 109–121 [In Russian].
- Кислицын, С.В. Современные трансатлантические отношения в идеологии Республиканской партии США // Интеллигенция и мир. 2019. № 4. С. 61–72.
- Kislitsin, Sergey V. "Modern Transatlantic Relations as Seen through the U.S. Republican Party's Ideology." *Intelligentsia and the World*, no. 4 (2019): 61–72 [In Russian].
- Ольшванг, Д.В. Америка выбирает: от Трумэна до Трампа. Президентские выборы в США с 1948 г. Книга 1. М.: Проспект, 2022.
- Olshvang, Dmitry V. *Amerika vybiraet: ot Trumena do Trampa. Prezidentskie vybory v SShA s 1948 g. Kniga 1*. Moscow: Prospekt, 2022 [In Russian].
- Ольшванг, Д.В. Америка выбирает: от Трумэна до Трампа. Президентские выборы в США с 1948 г. Книга 2. М.: Делибри, 2025.
- Olshvang, Dmitry V. *Amerika vybiraet: ot Trumena do Trampa. Prezidentskie vybory v SShA s 1948 g. Kniga 2*. Moscow: Delibri, 2025 [In Russian].
- Печатнов, В.О. От Джефферсона до Клинтон: Демократическая партия США в борьбе за избирателя. М.: Наука, 2008.
- Pechatnov, Vladimir O. *From Jefferson to Clinton: The Democratic Party of USA in the Struggle for the Voters*. Moscow: Nauka, 2008 [In Russian].
- Согрин, В.В. Американские идеологии XVII–XXI веков. М.: Весь мир, 2024.
- Sogrin, Vladimir V. *American Ideologies of the 17th–21st Centuries*. Moscow: Ves Mir, 2024 [In Russian].
- Сушенцов, А.А. Внешнеполитические платформы Республиканской партии США: изоляционисты, реалисты, неоконсерваторы // Тетради по консерватизму. 2016. № 1. С. 47–55.
- Sushentsov, Andrey A. "The Foreign Policy Platforms of the U.S. Republican Party: Isolationists, Realists, Neoconservatives." *Tetrady po konservatizmu*, no. 1 (2016): 47–55 [In Russian].
- Тимофеев, О.А. Дискуссии между демократической и республиканской партиями США о стратегии в отношении Китая // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2012. № 58. С. 22–29.
- Timofeev, Oleg A. "Diskussii mezhdu demokraticheskoi i respublikanskoi partijami SShA

о стратегий в отношении Китая." *Vestnik Amurskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, no. 58 (2012): 22–29 [In Russian].

Фролова, О.А. Влияние поляризации американского общества на характер и интересы политических партий США // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2011. № 4. С. 113–121.

Frolova, Olga A. "The Influence of Polarization of American Society on Nature and Interests of Political Parties of the USA." *Vestnik RUDN. Seriya: Politologiya*, no. 4 (2011): 113–121 [In Russian].

Borg, Stefan. "A Battle for the Soul of This Nation": How Domestic Polarization Affects US Foreign Policy in Post-Trump America." *International Journal: Canada's Journal of Global Policy Analysis* 79, no. 1 (2024): 22–39. <https://doi.org/10.1177/00207020241232986>.

Carreras, Miguel, Giancarlo Visconti, and Igor Acacio. "The Trump Election and Attitudes Toward the United States in Latin America." *Public Opinion Quarterly* 85, no. 4 (2021): 1092–1102. <https://doi.org/10.1093/poq/nfab055>.

Daddow, Oliver. *International Relations Theory*. London: SAGE Publications, 2017.

Drutman, Lee. *The Business of America is Lobbying: How Corporations Became Politicized and Politics Became More Corporate*. New York: Oxford University Press, 2015.

Green, Mark. *Selling Out: How Big Corporate Money Buys Elections, Rams Through Legislation, and Betrays Our Democracy*. New York: Regan Books, 2002.

McFaul, Michael. *Autocrats vs. Democrats: China, Russia, America, and the New Global Disorder*. New York; Boston: Mariner Books, 2025.

Mutch, Robert E. *Campaign Finance: What Everyone Needs to Know*. New York: Oxford University Press, 2016.

Rubenzon, Trevor. *Today's Foreign Policy Issues: Democrats and Republicans*. Santa Barbara: ABC-CLIO, 2017.

Sides, John, Daron Shaw, Matt Grossmann, and Keena Lipsitz. *Campaign and Elections: Rules, Reality, Strategy, Choice*. New York: W.W. Norton and Company, 2012.

Stratmann, Thomas, and Amberly Dozier. "Lobbying in the United States." In *The Political Economy of Lobbying: Channels of Influence and Their Regulations*, edited by Karsten Mause, and Andreas Polk, 289–313. Cham: Springer, 2024.

Touzani, Fouad. "Republicans vs Democrats. A Comparative Look at Congress Foreign Policy in the MENA Region." *Interdisciplinary Political Studies* 9, no. 2 (2023): 129–173. <https://doi.org/10.1285/i20398573v9n2p129>.

Wendt, Alexander. *Social Theory of International Politics*. New York: Cambridge University Press, 1999.

Zakaria, Fareed. *The Post-American World*. New York: W.W. Norton and Company, 2008.

Сведения об авторе

Павел Геннадьевич Кошкин,

к.ф.н., старший научный сотрудник отдела внутривнутриполитических исследований

Института США и Канады имени Г.А. Арбатова РАН

121069, Россия, Москва, Хлебный переулок, 2/3

e-mail: pasha.koshkin@gmail.com

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 17 сентября 2025.

Переработана: 9 декабря 2025.

Принята к публикации: 11 декабря 2025.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Цитирование

Кошкин П.Г. Внешняя политика США: сопоставление электоральной риторики республиканцев и демократов с их действиями на высшем посту // Международная

аналитика. 2025. Том 16 (4). С. 21–38

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2025-16-4-21-38>

US Foreign Policy: Comparing Republican and Democratic Candidates' Electoral Rhetoric with Their Actions in Office

ABSTRACT

The article is devoted to making sense of discrepancies between electoral rhetoric of Republicans and Democrats in the United States and their real actions by comparing their foreign policy approaches. The problem is seen through examples of Donald Trump's, Barack Obama's and Joe Biden's presidencies. The article considers the time period from 2008 to 2025. The aim is to show the contradictory links between domestic and foreign policies in their development, based on academic materials published in Russia and abroad. The methods include general scholarly tools: descriptive-narrative analysis, discourse analysis, synthesis, comparison, generalization, case study, and holism. Theoretical framework is constructivism as the most appropriate instrument to explain all the multifaceted nature of the problem. Among other aspects, the common ground is defined within bipartisan consensus on how to develop relations with the regions that the US deems vitally important as well as internal contradictions within the parties on these issues – from Europe and the Asian-Pacific Region to the Middle East and Latin America. In conclusion, the author argues that electoral pledges aim at satisfying expectations of voters, donors and lobbyists, but not necessarily translate into real decisions after winning the race. The novelty of the study consists in an attempt to diversify the discourse about the intertwined nature of the US foreign and domestic politics.

KEYWORDS

American presidential elections, republicans, democrats, bipartisan consensus, realism, idealism, constructivism, international relations theory, US foreign policy

Author

Pavel G. Koshkin,

PhD (Philology), Senior Research Fellow, Arbatov U.S. and Canada Institute
of the Russian Academy of Sciences (ISKRAN)

2–3, Khlebny lane, Moscow, Russia, 121069

e-mail: pasha.koshkin@gmail.com

Additional information

Received: September 17, 2025. Revised: December 9, 2025. Accepted: December 11, 2025.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the author.

For citation

Koshkin, Pavel G. "US Foreign Policy: Comparing Republican and Democratic Candidates' Electoral Rhetoric with Their Actions in Office." *Journal of International Analytics* 16, no. 4 (2025): 21–38.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2025-16-4-21-38>

Значение института выборов во внутренней и внешней политике Германии

Артем Павлович Соколов, МГИМО МИД России, Москва, Россия

Игорь Михайлович Авласенко, БГУ, Минск, Республика Беларусь

Контактный адрес: a.sokolov@inno.mgimo.ru

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена особенностям трансформации института выборов в Германии на фоне развития концепции «смены эпох» и тенденций к росту значения вопросов безопасности для внешней и внутренней политики государства. Целью исследования является определение особенностей восприятия немецким политическим сообществом института выборов как элемента внутренней и внешней политики Германии. На протяжении долгого времени выборы оставались важной частью государственного устройства Германии, обеспечивавшей соблюдение его демократических принципов. Однако усложнение партийной структуры (западно)германской политики и постепенное размывание позиций «народных» партий ХДС / ХСС и СДПГ вывели на первый план новые политические силы, которые стали рассматриваться как угроза немецкой демократии. Если кооптация восточногерманской ПДС в германскую политику в итоге прошла сравнительно безболезненно для политической системы, то электоральные успехи партии «Альтернатива для Германии» вызвали рост алармистских настроений в Германии и появление феномена брандмауэра – бойкота партии основными политическими силами. Высокий уровень поддержки оппозиционных партий запустил дискуссию о деструктивном внешнем вмешательстве в электоральные процессы Германии. После эскалации украинского кризиса в феврале 2022 г. источником такого вмешательства почти неизменно указывается Российская Федерация. При этом подход германского правительства к выборам в других государствах через призму «ценностной» внешней политики провоцировал появление кризисов в двусторонних отношениях, выходящих в своих последствиях далеко за их рамки. Показательным примером такого подхода стали действия немецкого руководства в отношении выборов президента Республики Беларусь в 2020 году. Критика электоральных процессов в Беларуси не только перечеркнула осторожную нормализацию белорусско-германского взаимодействия второй половины 2010-х гг., но и стала одним из значимых индикаторов нарастания кризисных явлений в европейской системе безопасности в начале 2020-х гг., итогом которых стала эскалация вооруженного конфликта на территории Украины. Отношение истеблишмента ФРГ к выборам в Беларуси, таким образом, является показательным примером специфики и последствий немецкого подхода к электоральным процедурам в других государствах, что делает оправданным обращение именно к этому страновому примеру.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Германия, выборы, бундестаг, АДГ, безопасность, «смена эпох», брандмауэр, секьюритизация

С точки зрения политической культуры Германии выборы являются одной из важнейших демократических процедур. Электоральные кампании земельного (регионального) и федерального, а в отдельных случаях и местного уровней неизменно вызывают большой интерес профессиональных политиков, представителей экспертного сообщества и широкой общественности. При этом федеральный канцлер и федеральный президент – наиболее значимые должности в рамках государственного устройства Германии – избираются не всеобщим голосованием граждан, а депутатами бундестага и Федеральным собранием соответственно. Тем не менее данное обстоятельство не умаляет значение института выборов в современной ФРГ.

Основной закон ФРГ 1949 г. определяет основные параметры выборов в стране¹. В статье 38 фиксируется процедура избрания депутатов бундестага путем всеобщих, прямых, свободных, равных и тайных выборов. В соответствующих статьях определяется порядок избрания бундестага (ст. 38 п. 2–39), федерального президента (ст. 54) и федерального канцлера (ст. 63). Для выборов в бундестаг для избирателей установлен возрастной ценз в 18 лет.

На протяжении всего периода существования Федеративной Республики Германия избирательное законодательство оставалось относительно стабильным. Коррективы в него вносились в связи с крупными территориальными изменениями западногерманского государства – присоединением Саара в 1957 г. и Германской Демократической Республики в 1990 г. – и были связаны с необходимостью включить новые федеральные земли в электоральное пространство страны. Временные изменения в электоральные правила после 1990 г. включали в себя установление отдельного пятипроцентного проходного барьера для восточных федеральных земель. На регулярной основе проводится коррекция структуры избирательных округов в соответствии с численностью и характером распределения населения.

Проведение в Германии выборов различных уровней сопровождается системным экспертно-аналитическим обеспечением. Многочисленные организации, занятые проведением социологических опросов, дают возможность ознакомиться с большим объемом статистических данных, которые обладают ценностью для политологических и социологических исследований. Несмотря на ангажированность отдельных исследований, опросы общественного мнения, проведенные профильными германскими организациями, как правило, адекватно соотносятся с результатами электоральных кампаний. Проводится сбор и систематизация эмпирических данных электоральных кампаний за последние десятилетия².

Важная роль выборов для политического устройства Германии и наличие широкого инструментария для их анализа определяют обилие исследовательских работ, посвященных различным аспектам электорального процесса. Еще до успехов на выборах партии «Альтернатива для Германии» немецких исследователей волновала поддержка избирателями крайне правых политических партий,

1 "Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland (Basic Law for the Federal Republic of Germany)," 100(0) Schlüsseldokumente, accessed November 20, 2025, <https://tinyurl.com/5awfr9w5>.

2 Heddeshheimer et al. 2025.

даже если в абсолютных цифрах эта поддержка выглядела незначительной в масштабах страны. Закономерно, что электоральный взлет АдГ, особенно в восточных федеральных землях, добавил актуальности критической исследовательской оптике, через которую рассматривается участие в выборах правых партий¹. Впрочем, исследовательский интерес вызывают и другие аспекты выборов в Германии, например гендерный², технологический³, прогностический⁴ и др. Выборы и их результаты рассматриваются также в рамках общих технологий предвыборной агитации⁵. Востребован и компаративный подход, предполагающий сравнение электоральных процедур в ФРГ с таковыми в других государствах⁶.

Для российских исследователей большой интерес представляют отдельные избирательные кампании, в основном федерального или земельного уровня, с точки зрения их конкретных результатов, их места в контексте актуальной политической динамики в Германии, перспектив развития российско-германских отношений. Активную и последовательную работу по изучению электоральных кампаний разных уровней в Германии проводят в Институте Европы РАН⁷. Закономерно высокое внимание в российском исследовательском сообществе привлекли выборы в бундестаг 2021 г., завершившие продолжительную «эру Меркель» и воспринимающиеся как своеобразный водораздел в германской политике⁸.

Цель настоящего исследования – выявить специфику восприятия политическим сообществом Германии института выборов как элемента внутренней и внешней политики государства. Учитывая трансформацию внутривнутриполитического поля в течение последних лет и изменения во внешней политике Германии после эскалации украинского кризиса в феврале 2022 г., авторы считают целесообразным использовать в настоящей работе концепцию секьюритизации Копенгагенской школы международных отношений с ее расширительной трактовкой понятия «безопасность». Основателями Копенгагенской школы (О. Вейвером, Б. Бузаном) секьюритизация определяется как процесс, в рамках которого актор позиционирует ту или иную проблему как представляющую экзистенциальную угрозу и тем самым обосновывает применение ответных мер⁹. В настоящем исследовании авторы выделили как внутривнутриполитические, так и внешнеполитические аспекты секьюритизации, увязав ее с кризисом системы европейской безопасности в целом. Важными вехами на этом пути стали концепция «смены эпох» (нем. *Zeitenwende*), объявленная канцлером О. Шольцем 27 февраля 2022 г., а также принятие Стратегии национальной безопасности в 2023 г., в которой был отражен рост значения безопасности для внешней и внутренней политики Германии. Данная тенденция проявляется и в новом осмыслении констант существования демократического государства, в том числе института выборов.

1 Spier 2016.

2 Holtkamp et al. 2020; Klein et al. 2000; Rattinger, Krämer 1995.

3 Jungherr 2016.

4 Stoffel, Sieberer 2017; Graefe 2019; Norpoth, Gschwend 2010.

5 Ackermann 2024.

6 Lilleker, Jackson 2013.

7 Белов 2022.

8 Павлов 2019; Хорольская 2021; Васильев 2021.

9 Buzan et al. 1998, 5.

За последние десятилетия партийно-политическая система ФРГ значительно изменилась. Двух-с-половинной-партийная система, постепенно размытая с начала 1980-х гг., к настоящему моменту уступила место полноценной многопартийности. Доминирование «народных» партий ХДС / ХСС и СДПГ сменилось более сложной картиной межпартийного взаимодействия в борьбе за власть. Сложился феномен брандмауэра – организованного бойкота политической партии, не позволяющего ей получить доступ к власти вне зависимости от уровня поддержки.

Оценка качества электоральных процессов была и остается значимым элементом «ценностного» измерения германской внешней политики. Критика выборных процедур сопровождала диалог Федеративной Республики Германия с традиционно «непростыми» партнерами, в том числе Российской Федерацией. Подчеркнутое внимание немецкого руководства к электоральным процессам за рубежом стало частью нарратива об иностранном (в данном случае – германском) вмешательстве во внутренние дела других государств. Действия германской дипломатии обсуждались в контексте оценки выборных процедур, поддержки или критики тех или иных политических сил иностранных государств, признания или непризнания итогов выборов. Ярким примером, рассматриваемым в настоящей статье, является позиция Федеративной Республики Германия по отношению к электоральным процедурам в Республике Беларусь. Критический подход германского истеблишмента не только привел к глубокому кризису в двусторонних отношениях, но и послужил одной из причин нарастания кризиса безопасности в Европе в начале 2020-х годов. Белорусский кейс можно считать как модельным для определенного формата отношений Германии к электоральным процедурам в зарубежных государствах, так и показательным с точки зрения последствий такого формата отношений.

Таким образом, институт выборов и секьюритизация электоральных процедур в современной Германии занимают одно из определяющих мест в экспертной дискуссии и политической практике германской дипломатии. Это определяет высокую актуальность его изучения как в концептуальном, так и прикладном плане и, прежде всего, в контексте дебатов о развитии германской политики в сфере безопасности.

Выборы как элемент внутренней политики Германии

Образование ФРГ в 1949 г. происходило с учетом негативного опыта функционирования Веймарской республики (1918–1933). Выборный хаос последних лет существования «первой немецкой демократии», ставший отражением несовершенства веймарского законодательства, привел к кризису легитимности органов государственной власти и росту популярности национал-социалистов. Печальный урок разбалансировки исполнительной и законодательной власти был учтен при подготовке текста Основного закона ФРГ, сформировавшего модель «канцлерской демократии» как альтернативную некогда широким полномочиям рейхспрезидента, в том числе по управлению электоральными процессами¹.

1 Винклер 2013, 754–755.

Выборы 1949 г. определили политическую конфигурацию ФРГ на десятилетия вперед. Победа на них христианских демократов и избрание канцлером К. Аденауэра депутатами бундестага привели к тому, что Бонн сделал ставку на форсированную интеграцию в западную систему союзов за счет утраты перспективы быстрого достижения германского единства и социально-рыночную модель экономики. Приход к власти социал-демократов в 1969 г. внес существенные коррективы в германскую внешнюю и внутреннюю политику, однако не изменил ее базовых констант, определявших основы существования Западной Германии как государства и участника международных отношений. В этом смысле электоральные кампании ФРГ федерального уровня до 1990 г. отчасти напоминали американский двухпартийный консенсус, хотя ХДС / ХСС и СДПГ выглядели (или стремились выглядеть) для избирателей как непримиримые антагонисты.

Присоединение ГДР к ФРГ в 1990 г. поставило вопрос об интеграции восточногерманских политических сил в общегерманское электоральное пространство. Для значительного числа партий ГДР она закончилась присоединением к партии-партнеру из ФРГ и исчезновением в качестве самостоятельных политических сил. Так произошло, например, с восточногерманскими ХДС, Демократической крестьянской партией Германии (присоединились к ХДС ФРГ), Национально-демократической партией Германии¹, Либерально-демократической партией Германии (присоединились к СвДП ФРГ).

Исключением стала Партия Демократического Социализма (ПДС) – бывшая правящая Социалистическая Единая Партия Германии (СЕПГ). На последних выборах в Народную палату ГДР 17 марта 1990 г. она набрала почти 17 % голосов, заняв четвертое место, несмотря на травлю ее функционеров и открытое вмешательство в выборы со стороны западногерманского истеблишмента². ПДС удалось не допустить развала своей организационной структуры и утраты ядерного электората, обеспечив себе элементарное политическое выживание в новых условиях.

Прохождение в бундестаг по итогам выборов 2 декабря 1990 г. ПДС, а также восточногерманской партии «Союз 90»³ стало возможным благодаря временному изменению избирательного законодательства, ставшему редким примером учета восточногерманской специфики в ходе присоединения ГДР к ФРГ. Изменения предполагали установление проходного барьера в 5 % не на федеральном уровне, а отдельно для западных и отдельно для восточных земель, поскольку партии бывшей ГДР не располагали широкими агитационными возможностями и едва ли могли претендовать на симпатии избирателей «старой» ФРГ. В результате ПДС и «Союз 90», набрав 2,4 % и 1,2 % голосов на общегерманском уровне, смогли провести своих представителей в бундестаг, получив 11,1 % и 6,2 % соответственно на территории бывшей ГДР.

Разовое изменение электорального законодательства позволило ПДС остаться в большой политике Германии, однако не привело к укреплению ее

1 Не путать с действовавшей в ФРГ праворадикальной Национал-демократической партией Германии (NPD).

2 Западногерманские политики присутствовали на предвыборных мероприятиях восточногерманских партий, распространяли агитационную литературу и листовки.

3 В 1993 г. партия «Союз 90» объединилась с партией «Зеленые», образовав партию «Союз 90 / Зеленые».

позиций за пределами восточных федеральных земель. На парламентских выборах 1994 г. партия не смогла преодолеть пятипроцентный барьер, обеспечив присутствие в бундестаге только за счет полученных четырех прямых мандатов. После парламентских выборов 2002 г. ПДС и вовсе была вынуждена покинуть бундестаг, вернувшись только в следующем электоральном цикле в 2005 году. Относительно стабильное развитие партии стало возможным только после ее объединения с партией «Труд и социальная справедливость – Избирательная альтернатива» и создания «Левой» партии в 2007 г., что позволило аккумулировать электорат западных и восточных федеральных земель. Переменчивая траектория политического развития ПДС позволяет предположить, что временное изменение избирательного законодательства в 1990 г. не подразумевало перспективы сохранения политических сил ГДР, тем более наследницы СЕПГ, в вышних эшелонах политики объединенной Германии.

Тем не менее кооптация ПДС в политическую жизнь Германии прошла сравнительно безболезненно. Разовое изменение электорального законодательства не вызвало широкой критики и вполне соответствовало специфике процессов 1989–1990 гг., радикально изменивших обе Германии. Партию критиковали как наследницу противоречивых общественно-политических практик ГДР, однако ее сравнительно невысокие рейтинги сбавляли эмоциональный накал оппонентов. Возникший было тезис о «руке Москвы» применительно к партии не соотносился ни с трудным социально-экономическим положением СССР и Российской Федерации в 1990-е гг., ни с прозападной риторикой советского, а затем российского истеблишмента. Таким образом, не было предпосылок для «секьюритизации» дискуссии об изменениях германской политики и электоральных процессах. Представители политической элиты «бывшей ГДР» получили доступ к высокой трибуне бундестага, однако малочисленность фракции и низкая популярность на общегерманском уровне исключали их серьезное влияние на политические процессы. После трансформации в «Левую» партию она начала терять исключительно восточногерманский профиль. В результате «Левой» неоднократно удавалось войти в состав ряда земельных правительств, в том числе на западе Германии (Бремен), и долгое время возглавлять коалиционное правительство в Тюрингии.

Совершенно иная ситуация сложилась после создания партии «Альтернатива для Германии» и ее прохождения в бундестаг по итогам парламентских выборов 2017 года. Появление АдГ как политической силы федерального масштаба вызвало скандал, определивший новое качество немецкой внутривнутриполитической дискуссии, в том числе по вопросам электорального процесса и процедуры выборов. Укрепление позиций партии до статуса главной оппозиционной силы ФРГ добавило этой дискуссии алармистскую тональность.

Возникшая в 2013 г. как партия умеренных евроскептиков, АдГ смогла увеличить свою поддержку за счет критики действий германского правительства во время миграционного кризиса 2015 года. Обращение к миграционной проблематике усилило позиции правого националистического крыла в партии, до сих пор не претендовавшего на ведущую роль в формировании ее идейного профиля. К выборам 2017 г. АдГ подошла с репутацией «правопопулистской» или даже «правоэкстремистской» политической силы. Тем удивительнее для немецких

экспертов было преодоление этой партией пятипроцентного барьера с уверенным результатом в 12,6 %.

Прохождение АдГ в бундестаг рассматривалось экспертами как часть триумфальной волны популизма, захлестнувшей страны Запада¹. Первое появление в германском парламенте партии «правее ХДС» стояло в одном событийном и смысловом ряду с Брекситом и первой победой Д. Трампа на президентских выборах в США. Германия, таким образом, продолжила западный тренд на подъем внесистемных политических сил правого толка.

Наряду с поиском внутренних причин роста оппозиционных настроений избирателей едва ли не консенсусной точкой зрения среди западных, в том числе немецких, экспертов стал тезис о внешнем вмешательстве в электоральный процесс². Как правило, в качестве источника такого вмешательства признавалась Россия³, значительно реже – Китай, Иран, Северная Корея. Российская сторона обвинялась в хакерских атаках на техническую инфраструктуру голосования, поддержке оппозиционных политических сил, дезинформационных атаках в медиапространстве. Обвинения Демократической партии США в «российском вмешательстве» как основной причине победы Трампа на президентских выборах были активно подхвачены немецкими СМИ и экспертами и перенесены на политические реалии ФРГ. Примечательно, что, как и в случае с США, никаких подтвержденных доказательств внешнего вмешательства в электоральные процедуры не было предъявлено ни профильными германскими ведомствами, ни экспертным и журналистским профессиональными сообществами Германии.

Таким образом, выборы в бундестаг 2017 г. привели к лавинообразной секьюритизации представлений о трансформации электорального пространства Германии. В основном она была направлена на определение параметров предполагаемого внешнего вмешательства в выборы. Поиск внутренних причин «неправильного» поведения избирателей приводил к проблеме незавершенности процесса присоединения ГДР к ФРГ в 1989–1990 гг., поскольку электоральный успех АдГ стал возможен в значительной степени благодаря голосам немцев из восточных федеральных земель⁴. В дальнейшем карта избирательных округов, где «Альтернатива для Германии» получила большинство голосов, в своих очертаниях будет почти полностью соответствовать границам бывшей ГДР.

Развитие тенденции на секьюритизацию проблематики электоральных процедур получило мощные импульсы в ходе избирательных кампаний на выборах в бундестаг в 2021 г. и, особенно, во время досрочных парламентских выборов 23 февраля 2025 года. Если по итогам выборов 2021 г. АдГ несколько ухудшила свои результаты, едва удержавшись на двузначном показателе (10,2 %) и до некоторой степени развеяв опасения в немецком экспертном сообществе, то в 2025 г. партия

1 Правый популизм 2020.

2 Simon Vaut und Jörg Forbrig, "Wie wir die Wahl vor russischem Einfluss schützen können (How We Can Protect the Election from Russian Influence)," Zeit, February 14, 2017, accessed August 12, 2025, <https://www.zeit.de/politik/deutschland/2017-02/bundestagswahl-russland-beeinflussung-demokratie-parteien>.

3 Fabian Reinbold, "Debatte um mögliche Manipulationen durch Russland (Debate About Possible Manipulations by Russia)," Spiegel, September 1, 2017, accessed August 12, 2025, <https://www.spiegel.de/netzwelt/web/bundestagswahl-2017-debatte-um-moegliche-manipulationen-durch-russland-a-1165520.html>.

4 Henry Bernhard und Alexander Moritz, "Warum die AfD im Osten stark ist (Why the AfD is Strong in the East)," Deutschlandrundfunk, September 30, 2021, accessed August 12, 2025, <https://www.deutschlandfunk.de/bundestagswahl-warum-die-afd-im-osten-stark-ist-100.html>.

финишировала второй, набрав более 20 % голосов избирателей. Хорошие показатели на выборах в бундестаг стали продолжением волны электорального успеха АдГ в насыщенном на выборы 2024 г. («год супервыборов», нем. *Superwahljahr*), когда «Альтернатива для Германии» набрала много голосов на выборах в Европарламент и в ходе земельных выборов в Тюрингии, Саксонии и Бранденбурге.

Высокий уровень поддержки АдГ среди избирателей усилил обеспокоенность в германском истеблишменте вокруг предполагаемого внешнего вмешательства в выборы¹. Под вмешательством понимался широкий набор практик, затрагивающих информационное пространство, технические процедуры, финансовую и иную помощь оппозиционным силам. Как и в случае с предыдущими избирательными кампаниями, прямых доказательств иностранного вмешательства официальными органами власти предъявлено не было.

Наряду с предполагаемым «российским влиянием» досрочные выборы в бундестаг 2025 г. отметились неприкрытым давлением на электоральный процесс со стороны США. В ходе своего выступления на Мюнхенской конференции по безопасности в феврале 2025 г. вице-президент США Дж. Ди Вэнс обвинил германских и европейских политиков в нарушении принципов демократии, подталкивая давление на оппозиционные партии, в том числе «Альтернативу для Германии»². Сподвижник президента Д. Трампа миллиардер И. Маск организовал интервью с сопредседательницей АдГ А. Вайдель³ и по видеосвязи принял участие в съезде «Альтернативы для Германии», обратившись к делегатам с приветственным словом⁴. Фактически американские представители стремились разрушить брендмауэр вокруг АдГ снаружи, поддерживая своими высказываниями и поступками рост рейтингов «Альтернативы».

В качестве неприкрытого вмешательства в электоральный процесс Германии немецкие эксперты и часть политического класса рассматривают учреждение в Германии в 2024 г. партии «Демократический альянс за разнообразие и пробуждение» (*Demokratische Allianz für Vielfalt und Aufbruch, DAVA*). Ориентированная на граждан Германии с турецкими корнями, партия столкнулась в немецких СМИ с критикой: ее назвали «филиалом Партии справедливости и развития» – партии Турецкой республики, которую возглавляет президент страны Р.Т. Эрдоган⁵. На выборах в Европарламент в 2024 г. партия получила 0,4 % голосов (148 496 голосов), оставшись без возможности быть представленной в данном законодательном органе⁶. В ходе земельных выборов в Гамбурге в 2025 г. *DAVA*, получив лишь 0,6 %, также осталась непредставленной в местном ландтаге⁷.

1 Экс-замглавы разведки Германии: ждите дипфейки из РФ // DW. 22 ноября 2024. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dw.com/ru/ekszamglavy-razvedki-germanii-zdite-dipfejki-iz-rf/a-70864638>. *Издание признано нежелательной организацией.*

2 "Munich Security Conference 2025. Speech by JD Vance and Selected Reactions," MSC, 2025, accessed November 20, 2025, <https://tinyurl.com/53prtz4r>.

3 "ELON CLIPS," X, January 9, 2025, accessed August 12, 2025 <https://x.com/ElonClipsX/status/1877454219827098052>.

4 Mitchell McCluskey, and Sebastian Shukla, "Elon Musk Speaks at Germany's AfD Campaign Launch as Thousands Protest the Far-Right Party," CNN, January 27, 2025, accessed August 14, 2025, <https://edition.cnn.com/2025/01/25/europe/elon-musk-germany-afd-protests-intl-latam>.

5 "Was über die neu gegründete politische Gruppierung DAVA bekannt ist (What Is Known About the Newly Founded Political Group DAVA)," Deutschlandrundfunk, February 2, 2024, accessed August 14, 2025, <https://www.deutschlandfunk.de/was-ueber-die-neu-gegruendete-politische-gruppierung-dava-bekannt-ist-102.html>.

6 "Europawahl 2024 (European Elections 2024)," Die Bundeswahlleiterin, accessed August 14, 2025, <https://www.bundeswahlleiterin.de/europawahlen/2024/ergebnisse/bund-99.html>.

7 "Bürgerschaftswahl 2025 in Hamburg (2025 Hamburg State Election)," accessed August 11, 2025, https://www.wahlen-hamburg.de/B%C3%BCrgerschaftswahl_2025/index.html.

Досрочные выборы в бундестаг 2025 г. были также отмечены дискуссией по техническим и процедурным вопросам выборов, ранее нехарактерной для Германии. Импульсом к критике послужило непреодоление оппозиционной партией «Союз Сары Вагенкнехт – за разум и справедливость» (CCB) пятипроцентного барьера. Партия получила 4,972 %, что вызвало разговоры о возможном недобросовестном подсчете голосов. Особо была отмечена плохая организация процедуры голосования по почте для избирателей, находившихся за пределами Германии¹. Претензии CCB были выражены по отношению к таким процедурным особенностям электорального процесса, как сложности с пересчетом голосов при минимальной их нехватке для преодоления проходного барьера, неправильный порядок перечисления партий в избирательном бюллетене. Тем не менее Конституционный суд Германии отклонил все иски от «Союза Сары Вагенкнехт», отказав партии в шансах на попадание в бундестаг.

Досрочные выборы в бундестаг 2025 г. были первыми парламентскими выборами в Германии после эскалации украинского кризиса в феврале 2022 г. и утверждения германским правительством концепции «смены эпох», предполагавшей рост значения вопросов безопасности для внешней и внутренней политики государства. В 2023 г. была принята Стратегия национальной безопасности ФРГ. Вмешательство в выборы обозначено в документе в качестве одной из форм гибридной стратегии «ревизионистских государств», подрывающих основы международного порядка². Противодействовать ему предписывалось, как и другим угрозам, усилиями всех профильных ведомств с опорой на обновленное понимание безопасности как едва ли не универсальной категории.

Электоральный успех АдГ оказал влияние на дискуссию по снижению возрастного ценза для избирателей на выборах в бундестаг с 18 до 16 лет³. Опыт электоральных кампаний прошлых лет показывал, что среди младшей возрастной группы избирателей преобладают симпатии к партии «Союз 90 / Зеленые» и другим партиям левого фланга. Однако выборные кампании 2024–2025 гг. показали преобладание среди молодежи электоральных предпочтений на правом фланге немецкой политики, особенно на востоке страны⁴.

Выборы как элемент внешней политики Германии

Практика последних лет показывает, что в политическом дискурсе Германии (и других государств Запада) происходит расширение предмета секьюритизации: помимо внутривнутриполитических процедурных аспектов, в фокус вовлекаются электоральные процессы, происходящие на внешнем контуре. Процедура и итоги выборов за рубежом, которые оказывают влияние на среду и архитектуру

1 BSW will Wahlergebnis offenbar juristisch anfechten (BSW Apparently Wants to Legally Challenge the Election Result), Spiegel, February 24, 2024, accessed August 11, 2025, <https://www.spiegel.de/politik/deutschland/bundestagswahl-2025-bsw-will-wahlergebnis-offenbar-juristisch-anfechten-a-0297d815-2e22-464f-bdd6-4c2cd4d0a840>.

2 “Wehrhaft. Resilient. Nachhaltig. Integrierte Sicherheit für Deutschland. Nationale Sicherheitsstrategie, (Defensively. Resilient. Sustainable. Integrated Security for Germany. National Security Strategy),” Bundesministerium der Verteidigung, accessed November 20, 2025, <https://tinyurl.com/3sw2xwsp>. P. 23

3 Denise Thomas, “Wählen ab 16 bei Europawahl erlaubt, bei Bundestagswahl aber nicht – Warum? (Voting from 16 Allowed in European Elections, but not in Federal Elections – Why?),” SWR, January 29, 2025, accessed November 21, 2025, <https://tinyurl.com/ytkc8hus>.

4 “Ergebnisse der U18-Wahl in Sachsen: AfD vor Linken und CDU, MDR (Results of the U18 Election in Saxony: AfD Ahead of the Left and CDU, MDR),” MDR, February 18, 2025, accessed November 21, 2025, <https://tinyurl.com/mumvkenn>.

европейской безопасности, также становятся предметом политических дебатов и политической практики. В качестве примера секьюритизации зарубежных электоральных процессов со стороны германского правительства можно назвать президентские выборы в США, в Румынии, в Молдавии в 2024–2025 годах.

В этой связи целесообразно проанализировать действия германской дипломатии в контексте президентских выборов в Республике Беларусь в 2020 году. Особое значение данного примера состоит в том, что, как показали последующие события, белорусский кризис и реакция на него со стороны официальных лиц западных государств, в том числе Германии, внесли значительный вклад в разрастание кризиса системы европейской безопасности. Одновременно действия правительства Федеративной Республики Германия в отношении Республики Беларусь в 2020 г. могут рассматриваться в качестве «модельной» реакции германского истеблишмента на зарубежные электоральные кампании, по тем или иным причинам не устроившие его в своих результатах.

В силу геоэкономического фактора, как крупнейшая экономика Западной Европы и ближайшая к границам Республики Беларусь, Федеративная Республика Германия занимала особое место в структуре отношений Беларуси с Европейским союзом. Представители Германии чаще всего занимали пост главы миссии Евросоюза в Республике Беларусь (А. Викторин в 2015–2019 гг., Д. Шубель в 2019–2022 гг.). Именно председательство Германии в Совете ЕС пришлось на вторую половину 2020 года. В связи с этим позиция правительства Федеративной Республики Германия в отношении Республики Беларусь оказывалась определяющей при формировании общей позиции истеблишмента Европейского союза.

Организация избирательного процесса в Республике Беларусь и до 2020 г. нередко становилась предметом критики со стороны правящих элит западных государств, и особенно Федеративной Республики Германия. Тем не менее итоги президентских выборов 2015 г., парламентских выборов 2016 и 2019 гг. в целом были признаны Евросоюзом. Более того, во второй половине 2010-х гг. белорусско-германские отношения приобрели заметную положительную динамику. Знаковым событием стало краткосрочное пребывание в Минске в феврале 2015 г. канцлера ФРГ А. Меркель в рамках переговоров по остановке вооруженного конфликта на востоке Украины. В 2018 г. президент Германии Ф.-В. Штайнмайер посетил открытие мемориала жертвам холокоста на месте бывшего концентрационного лагеря «Тростенец» под Минском¹. В начале 2020 г. состоялось первое заседание совместной белорусско-германской исторической комиссии².

Президентские выборы в Республике Беларусь в августе 2020 г. происходили в условиях глобального распространения коронавирусной инфекции *COVID-19*, когда в странах Евросоюза действовали жесткие карантинные меры. Именно коронакризис и его экономические последствия были главной темой на повестке дня в государствах ЕС, и резкая активизация внутривнутриполитической борьбы за считанные месяцы до выборов в Республике Беларусь оказалась во многом

1 Участие в мероприятии, посвященном памяти жертв нацизма на территории бывшего лагеря смерти «Тростенец» // Президент Республики Беларусь. 29 июня 2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://tinyurl.com/yc8ejnhb> (дата обращения: 21.11.2025).
2 Основана Белорусско-германская историческая комиссия // Национальная академия наук Беларуси. 3 февраля 2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://nasb.gov.by/rus/news/10036/> (дата обращения: 11.08.2025).

неожиданной для германских политиков. Принимая во внимание позитивный потенциал белорусско-германских отношений, накопленный во второй половине 2010-х гг., правительство Германии в первые дни после августовских выборов заняло критичную, но достаточно сдержанную, прагматичную позицию. По информации газеты *Die Welt*, именно немецкая сторона первоначально настояла на том, чтобы в первый санкционный пакет не был включен А.Г. Лукашенко и каналы для взаимодействия остались открытыми¹. Однако когда к освещению кризиса подключились немецкие средства массовой информации, стал нарастать общественный резонанс и ситуация в Республике Беларусь стала предметом критики со стороны депутатов бундестага, правительство Федеративной Республики Германия также ужесточило риторику. Были установлены прямые публичные контакты с белорусскими зарубежными оппозиционными структурами.

После проведения церемонии инаугурации А.Г. Лукашенко 23 сентября 2020 г. правительство Германии как и других государств Евросоюза, отказалось направлять поздравительный адрес. В качестве базового условия со стороны Германии для признания итогов выборов было выдвинуто начало диалога белорусских властей с оппозиционными структурами за рубежом², однако руководство Беларуси на такой шаг под давлением идти отказалось. Ситуация в Республике Беларусь не раз становилась темой для обсуждения на заседаниях бундестага осенью 2020 года. В частности, во время дебатов 16 сентября среди основных политических сил Германии сложился консенсус вокруг критики действий белорусских властей и требования диалога с оппозицией. Единственным исключением стала позиция партии «Альтернатива для Германии», представитель которой трактовал намерение ввести санкции в отношении Беларуси как действия, направленные на смену власти³. Ситуация в Республике Беларусь становилась предметом обсуждения и с российской стороной, однако последняя обращала внимание на недопустимость вмешательства во внутрибелорусские дела извне⁴.

На этом этапе ключевую роль при формировании политики Федеративной Республики Германия в отношении Республики Беларусь сыграли ценностные внешнеполитические установки. Свидетельством этому стала и позиция немецких спонсоров чемпионата мира по хоккею с шайбой 2021 г., которые в начале того года настояли на лишении Беларуси права принимать спортивный турнир. В дальнейшем против диалога с официальными белорусскими представителями сыграла и электоральная кампания в преддверии выборов в бундестаг, намеченных на сентябрь 2021 г.: представители оппозиционных партий «Союз-90 / Зеленые», а также СвДП, имевших, по предварительным прогнозам,

- 1 Christoph B. Schiltz, "Warum Lukaschenko ungeschoren davonkommt (Why Lukashenko Gets away with It)," *Die Welt*, September 4, 2020, accessed August 11, 2025, URL: <https://www.welt.de/politik/ausland/article215001952/Weissrussland-Warum-Lukaschenko-ungeschoren-davonkommt.html>.
- 2 "Deutscher Bundestag – 19. Wahlperiode – 179. Sitzung. Berlin, Mittwoch, den 30. September 2020 (German Bundestag – 19th Parliamentary Term – 179th Session. Berlin, Wednesday, September 30, 2020)," *Deutscher Bundestag*, accessed August 8, 2025, <https://dserver.bundestag.de/btp/19/19179.pdf>. P. 22525C.
- 3 "Deutscher Bundestag – 19. Wahlperiode – 175. Sitzung. Berlin, Mittwoch, den 16. September 2020 (German Bundestag – 19th Parliamentary Term – 175th Session. Berlin, Wednesday, September 16, 2020)," *Deutscher Bundestag*, accessed August 8, 2025, <https://dserver.bundestag.de/btp/19/19175.pdf>. P. 21961B – 21961A.
- 4 Телефонный разговор с Федеральным канцлером Германии Ангелой Меркель // Президент России. 18 августа 2020. [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/63903> (дата обращения: 08.08.2025).

значительный шанс войти в новую правительственную коалицию, занимали особенно критическую позицию в отношении диалога с Беларусью и настаивали на ужесточении санкций, так как именно в их внешнеполитической программе ценностный аспект был наиболее выраженным. Тем не менее события в Республике Беларусь не несли непосредственной угрозы Федеративной Республике Германия и едва ли могли стать предметом полноценной секьюритизации в политике ее правительства.

Значимым событием, повлекшим дальнейшую эскалацию напряженности, стал инцидент в мае 2021 г. с экстренной посадкой в Минске самолета с оппозиционным блогером Р. Протасевичем на борту. Данный случай получил гораздо более критическую оценку со стороны Евросоюза и других западных государств, после чего впервые с 2016 г. против Республики Беларусь был введен пакет экономических санкций. Действия белорусского руководства стали все чаще рассматриваться германскими политиками и брюссельскими чиновниками сквозь призму секьюритизации, особенно после начала миграционного кризиса на границе с Польшей и Литвой во второй половине 2021 года. В преддверии выборов в бундестаг министром внутренних дел федеральной земли Бранденбург М. Штюбгеном было озвучено мнение, что власти Республики Беларусь стимулировали миграционный кризис на границах Евросоюза в тесной координации с Россией с целью повлиять на итоги выборов в бундестаг и на переговоры по формированию нового правительства Федеративной Республики Германия¹. Впрочем, по сравнению с аналогичными обвинениями в адрес Российской Федерации, претензии к правящей элите Республики Беларусь во вмешательстве в предстоящие выборы озвучивались сравнительно редко.

На фоне заморозки белорусско-германских политических контактов единственным исключением стал телефонный разговор между А. Меркель и А.Г. Лукашенко в середине ноября 2021 г. в рамках попыток урегулировать миграционный кризис на границе Польши и Литвы. Канцлер Германии, несмотря на критику соратников по партии, прочих политических сил Германии, а также правящих элит других государств Евросоюза, пошла на этот шаг, уже не рискуя собственным политическим капиталом, так как разговор состоялся после прошедших федеральных выборов. В ходе разговора была достигнута договоренность о содействии белорусского правительства в деэскалации ситуации, о подключении центральных структур ЕС к решению проблемы и ее выносе на уровень отношений Республики Беларусь и Европейского союза². Тем не менее серьезного развития этот контакт так и не получил: на официальном уровне контакты между Республикой Беларусь и Федеративной Республикой Германия остались заморожены. При этом в немецком пресс-релизе по итогам телефонных переговоров официальная должность А.Г. Лукашенко не была указана.

Таким образом, на примере Республики Беларусь можно проследить, как эволюционировала сама процедура секьюритизации электоральных процессов

1 Markus Wehner, "Michael Stübgen: Moskau steckt hinter Flüchtlingswelle aus Belarus (Michael Stübgen: Moscow Is Behind the Wave of Refugees from Belarus)," *Frankfurter Allgemeine Zeitung*, October 27, 2021, accessed August 11, 2025, <https://www.faz.net/aktuell/politik/michael-stuebgen-moskau-steckt-hinter-fluechtlingswelle-aus-belarus-17605516.html>.
2 Итоги нового разговора Лукашенко с Меркель: проблема беженцев выносится на уровень Беларуси и ЕС // БелТА. 17 ноября 2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://tinyurl.com/44antakv> (дата обращения: 21.11.2025).

за рубежом во внешней политике Германии. Итоги белорусских президентских выборов 2020 г. не представляли какой-либо угрозы Германии, однако политические силы государства вынуждены были реагировать, отвечая запросам общественно-политической дискуссии Германии. После инцидента с самолетом авиакомпании *RyanAir* в мае 2021 г. действия правительства Республики Беларусь, как в Федеративной Республике Германия, так и в других государствах Евросоюза, стали рассматриваться сквозь призму секьюритизации, что привело к ужесточению санкционной политики в отношении Беларуси и введению пакета экономических ограничений со стороны ЕС. Такая позиция в Германии укрепилась после эскалации миграционного кризиса на границе с Польшей во второй половине 2021 г., а также после оказания истэблшментом Республики Беларусь поддержки Российской Федерации в рамках Специальной военной операции на Украине. В пользу секьюритизации отношений с Беларусью дополнительно сыграло и то, что СВО практически совпала с датой проведения конституционного референдума в Республике Беларусь (27 февраля 2022 г.), на котором было одобрено изменение текста статьи 18 белорусского Основного закона, в том числе был изъят тезис о цели сделать государство нейтральным, а его территорию – безъядерной зоной.

Обеспечение защиты электоральных процедур в контексте кризиса системы европейской безопасности

Замораживание официальных контактов с истэблшментом Республики Беларусь после выборов 2020 г. стало тем шагом со стороны правящих элит Федеративной Республики Германия и Европейского союза в целом, который имел драматические последствия для всего региона. Бросая ретроспективный взгляд, следует отметить, что частичная нормализация отношений Республики Беларусь с государствами Запада во второй половине 2010-х гг., а также предоставление с 2014 г. площадки для проведения переговоров по урегулированию конфликта на востоке Украины сыграли сдерживающую роль в разрастании кризиса системы европейской безопасности, который наблюдался на протяжении предыдущего десятилетия. В отдельных вопросах именно правящая элита Республики Беларусь, имея наиболее тесные отношения с Российской Федерацией, могла доносить до западных партнеров озабоченности правительства соседнего государства. В 2018 и 2019 гг. в Минске состоялись две крупные международные экспертные конференции: «Восточная Европа: в поисках безопасности для всех» и «Европейская безопасность: отойти от края пропасти». Во второй половине 2010-х гг., вплоть до президентских выборов, конструктивные отношения у истэблшмента Республики Беларусь складывались и с политическими элитами Украины. Однако после августа 2020 г. Минск оказался фактически в изоляции как со стороны Евросоюза, так и со стороны Украины, в результате чего важнейший канал, служивший снижению региональной напряженности, был утерян. Это привело к сворачиванию коммуникации по вопросам европейской безопасности и, в конце концов, к дальнейшей эскалации вооруженного конфликта.

Вместе с тем события 2020 г. были учтены правительством Республики Беларусь при разработке новых нормативных правовых актов, направленных на

обновление политической системы государства и совершенствование системы обеспечения национальной безопасности. После 2020 г. в белорусском официальном дискурсе все чаще стало звучать понятие «электоральный суверенитет», которое было включено в целый ряд документов, принятых в первой половине 2020-х годов. В том числе это понятие было внесено в новую редакцию Концепции национальной безопасности, утвержденную решением Всебелорусского народного собрания в апреле 2024 г., где трактуется как «неотъемлемое и исключительное право государства самостоятельно и независимо организовывать и проводить выборы, референдумы в целях обеспечения реализации полновластия народа и свободы его выбора при верховенстве Конституции Республики Беларусь и национального законодательства, недопущения вмешательства в избирательный процесс»¹. Параллельно произошло внедрение данного понятия на международном уровне: в работе Межпарламентской ассамблеи СНГ², в рамках структур Союзного государства. В частности, механизмы углубления белорусско-российского взаимодействия для защиты электорального суверенитета обсуждались на международной конференции «Противодействие внешним вызовам и угрозам: парламентское измерение Союзного государства»³.

Нетрудно заметить, что тезис о «действиях, направленных на дискредитацию либо срыв электоральных кампаний» как об источнике внутренних угроз в политической сфере, упомянутый в п. 31 Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, по своему содержанию фактически повторяет упоминание о внешнем вмешательстве в выборы в Стратегии национальной безопасности Федеративной Республики Германия 2023 года. И это не случайно: несмотря на различия в формулировках и терминах, речь в этих документах идет об одном и том же – о секьюритизации избирательного процесса. Показательно, что в государствах с различными политическими традициями, разным внутриполитическим устройством и с временно пониженным уровнем дипломатических отношений практически одновременно были приняты два стратегических документа, где упоминалась одна и та же угроза внутривнутриполитической стабильности, только в различных формулировках. Это является свидетельством того, что к настоящему времени обеспокоенность возможностью внутривнутриполитической дестабилизации путем внешнего вмешательства в электоральный процесс охватила многие государства региона.

Впервые о «цветных революциях» как угрозе электоральному процессу заговорили именно в Республике Беларусь и Российской Федерации, не только на фоне стихийной смены власти в 2003 г. и в 2004 г. в соседних Грузии и Украине, но и после протестов 2006 г. и 2011 г. в Минске и в Москве соответственно. Бюро по демократическим институтам и правам человека ОБСЕ заняло одностороннюю позицию в этом вопросе, раскритиковав действия властей и сам избирательный процесс в Республике Беларусь и Российской Федерации. С другой

1 Концепция национальной безопасности Республики Беларусь // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. 25 апреля 2024. [Электронный ресурс]. URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=P924v0005> (дата обращения: 08.08.2025).

2 Бояшов et al. 2023, 12.

3 Бояшов, А.С. Союзное государство усилит электоральный суверенитет Беларуси и России // Евразия. Эксперт. 22 ноября 2024. [Электронный ресурс]. URL: <https://tinyurl.com/2tj28sra> (дата обращения: 21.11.2025).

стороны, тезис о внешнем вмешательстве в выборы как инструмент «гибридной войны» «ревизионистских государств» в политической риторике государств Запада существенно усилился во второй половине 2010-х гг., когда поддержку стали набирать немейнстримные политические силы. Можно заметить, что дискурс о секьюритизации электорального процесса как в Федеративной Республике Германия, так и в Республике Беларусь и Российской Федерации стал формироваться параллельно с нарастанием кризисных явлений в сфере региональной безопасности. Это наблюдение приводит к следующему выводу: сама дискуссия о необходимости обеспечения электорального суверенитета в разных странах региона является поиском средств обеспечения внутривнутриполитической стабильности и институциональной устойчивости государств в условиях трансформации региональной политической среды.

* * *

Изменение восприятия процедуры выборов германским истеблишментом и экспертным сообществом под влиянием трансформации партийно-политической системы и роста значения вопросов безопасности после эскалации украинского кризиса в 2022 г. привело к утверждению представления о выборах как о потенциальном источнике угроз для Германии. Электоральный процесс представляется источником для внутренних угроз с точки зрения возможности получения доступа к власти «деструктивными» оппозиционными политическими силами (прежде всего АдГ), а также внешней угрозой – как пространство вероятного вредоносного вмешательства внешних сил. Таким образом, выборы становятся одним из наиболее уязвимых мест германской политической системы.

Реагирование на угрозы безопасности, связанные с выборами, включает в себя внешнее и внутреннее измерение. Руководящие документы Германии в сфере безопасности предписывают противодействовать попыткам вмешательства в электоральный процесс извне, распространению дезинформации, поддержке отдельных оппозиционных сил иностранными государствами. Меры по противодействию внутренним угрозам, исходящим от выборов, подразумевают консервацию партийно-политического баланса с сохранением привилегированных позиций «народных» партий ХДС / ХСС и СДПГ и недопущением появления сильной оппозиции на крайне правом или левом флангах. В основе данной стратегии лежит концепция брандмауэра – бойкота внесистемных оппозиционных партий другими политическими силами, который осложняет первым доступ к власти даже в случае высоких показателей на выборах.

Секьюритизация зарубежных электоральных кампаний последних лет со стороны правительства Германии знаменует качественный сдвиг в политике государства. Ее можно рассматривать как специфическую реакцию немецкой системной элиты на трансформацию внутривнутриполитического поля у себя и во многих государствах Запада, в ходе которой размываются прежние ценностные установки политического истеблишмента, снижается приверженность прежде декларируемому единству западного мира, и нынешнее правительство Германии в условиях кризиса региональной системы безопасности вынуждено учитывать это в рамках военно-стратегического планирования.

Если в первые десятилетия после окончания холодной войны электоральные процедуры за рубежом становились предметом оценки германскими политиками и экспертами с точки зрения их соотношения с либеральными эталонами, то в последние годы ключевым критерием оценки зарубежных выборов становится их конструктивный либо деструктивный потенциал по отношению к германской внутривнутриполитической стабильности и существующей системе военно-политических институтов западного сообщества безопасности.

При этом секьюритизация процедуры выборов является особенностью политической жизни не только Германии последних лет, но и многих других государств Европы. Этот тренд является устойчивым и свидетельствует об углублении регионального кризиса безопасности. Представляется, что в будущем, когда сложатся условия для нового общеевропейского процесса, понятие невмешательства во внутренние дела, защита электорального суверенитета должны стать одними из условий для преодоления существующих противоречий. В качестве одного из столпов институциональной устойчивости государств это может стать предметом многосторонних переговоров и в случае успеха занять важное место в новой архитектуре европейской безопасности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Белов, В.Б. Земельные выборы в Германии как индикатор партийно-политических тенденций на федеральном уровне // Аналитические записки Института Европы РАН. 2022. № 2(30). С. 43–51. <https://doi.org/10.15211/analytics21720224351>.

Belov, Vladislav B. "Landtag Elections in Germany As an Indicator of Federal Party and Political Trends." *Analytical Papers of IE RAS*, no. 2(30) (2022): 43–51 [In Russian].

Бояшов, А.С., Мушкет, И.И., Лешенюк, О.Н., Амбурцев, Р.А., Караваяев, С.Г., Ксендзов, А.Н. Безопасность избирательного процесса. Санкт-Петербург: Секретариат Совета МПА СНГ, 2023.

Boyashov, Anatolii S., Ivan I. Mushket, Oleg N. Leshenyuk, Roman A. Amburtsev, Sergei G. Karavaev, and Aleksandr N. Ksendzov. *Bezopasnost izbiratel'nogo protsesssa*. Saint Petersburg: Sekretariat Soveta MPA SNG, 2023 [In Russian].

Васильев, В.И. Поиск правительственного альянса в Германии / Обозреватель. 2021. № 11(382). С. 40–58. https://doi.org/10.48137/2074-2975_2021_11_40.

Vasiliev, Viktor I. "Finding Government Alliance in Germany." *Observer*, no. 11(382) (2021): 40–58 [In Russian].

Винклер, Г.А. Веймар 1918–1933: история первой немецкой демократии. М.: РОССПЭН, 2013.

Winkler, Heinrich A. *Weimar 1918–1933: The History of the First German Democracy*. Moscow: ROSSPEN, 2013 [In Russian].

Павлов, Н.В. Германия после Меркель (ждать ли изменений во внешней политике ФРГ?) // Полис. Политические исследования. 2019. № 6. С. 22–35. <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.06.03>.

Pavlov, Nikolai V. "Germany after Merkel (Whether to Wait for Changes in the Foreign Policy of Germany?)" *Polis. Political Studies*, no. 6 (2019): 22–35 [In Russian].

Правый популизм: глобальный тренд и региональные особенности / под ред. Л.С. Окуневой, А.И. Тэвдой-Бурмули. М.: МГИМО-Университет, 2020. Okuneva, Lyudmila S., and Aleksandr I. Tevdoi-

Burmuli, eds. *Pravyi populizm: global'nyi trend i regional'nye osobennosti*. Moscow: MGIMO-University, 2020 [In Russian].

Хорольская, М.В. Ведущие немецкие партии в преддверии выборов в Бундестаг // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Т. 65. № 9. С. 25–33. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-9-25-33>.

Khorolskaya, Maria V. "The Main German Parties Ahead of the 2021 Bundestag Elections." *World Economy and International Relations* 65, no. 9 (2021): 25–33 [In Russian].

Ackermann, Kathrin, Martin Elff, and Heiko Giebler. "The Federal Election 2021: Germany at the Crossroads?" *Electoral Studies* 86 (2023): 102697. <https://doi.org/10.1016/j.electstud.2023.102697>.

Buzan, Barry, Ole Wæver, and Jaap de Wilde. *Security: A New Framework for Analysis*. Boulder, CO: Lynne Rienner Publishers, 1998.

Lilleker, Darren G, and Nigel A. Jackson. *Political Campaigning, Elections and the Internet*. London: Routledge, 2013. <https://doi.org/10.4324/9780203829431>.

Graefe, Andreas. "Accuracy of German Federal Election Forecasts, 2013 & 2017." *International Journal of Forecasting* 35, no. 3 (2019): 868–877. <https://doi.org/10.1016/j.ijforecast.2019.01.004>.

Heddesheimer, Vincent, Hanno Hilbig, Florian Sichert, and Andreas Wiedemann. "GERDA: The German Election Database." *Scientific Data* 12, no. 1 (2025): 618. <https://doi.org/10.1038/s41597-025-04811-5>.

Holtkamp, Lars, Benjamin Garske, and Elke Wiechmann. "Die Wahl von Bürgermeister_innen in Deutschland – Ursachen der Unterrepräsentanz von Frauen." *Gender* 12, no. 1 (2020): 127–145. <https://doi.org/10.3224/gender.v12i1.09>.

Holtkamp, Lars, Benjamin Garske, and Elke Wiechmann. "The Election of Mayors in Germany – Causes of Underrepresentation of Women." *Gender* 12, no. 1 (2020): 127–145 [In German].

Jungherr, Andreas. "Four Functions of Digital Tools in Election Campaigns: The German Case." *The International Journal of Press / Politics* 21, no. 3 (2016): 358–377. <https://doi.org/10.1177/1940161216642597>.

Klein, Markus, Wolfgang Jagodzinski, Ekkehard Mochmann, and Dieter Ohr, eds. *50 Jahre Empirische Wahlforschung in Deutschland*. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2000. <https://doi.org/10.1007/978-3-322-90180-4>.

Klein, Markus, Wolfgang Jagodzinski, Ekkehard Mochmann, and Dieter Ohr, eds. *50 Years of Empirical Electoral Research in Germany*. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2000 [In German].

Norpoth, Helmut, and Thomas Gschwend. "The Chancellor Model: Forecasting German Elections." *International Journal of Forecasting* 26, no. 1 (2010): 42–53. <https://doi.org/10.1016/j.ijforecast.2009.02.008>.

Rattinger, Hans, and Jürgen Krämer. "Wahlnorm Und Wahlbeteiligung in Der Bundesrepublik Deutschland: Eine Kausalanalyse." *Politische Vierteljahresschrift* 36, no. 2 (1995): 267–285. <http://www.jstor.org/stable/24198704>.

Rattinger, Hans, and Jürgen Krämer. "Electoral Norm and Voter Turnout in the Federal Republic of Germany: A Causal Analysis." *Political Quarterly* 36, no. 2 (1995): 267–285 [In German].

Spier, Tim. "Die Wahl von Rechtsaußenparteien in Deutschland." In: *Handbuch Rechtsextremismus*, edited by Fabian Virchow, Martin Langebach, and Alexander Häusler, 257–284. Wiesbaden: Springer VS Wiesbaden, 2016. https://doi.org/10.1007/978-3-531-19085-3_10.

Spier, Tim. "The Election of Far-Right Parties in Germany." In: *Handbook of Right-Wing Extremism*, edited by Fabian Virchow, Martin Langebach, and Alexander Häusler, 257–284. Wiesbaden: Springer VS Wiesbaden, 2016 [In German].

Stoffel, Michael F., and Ulrich Sieberer. "Measuring Re-Election Prospects across Electoral Systems: A General Approach Applied to Germany." *West European Politics* 41, no 5(2017): 1191–1207. <https://doi.org/10.1080/01402382.2017.1400273>.

Сведения об авторах

Артём Павлович Соколов,

к.и.н., доцент Кафедры дипломатии, старший научный сотрудник ИМИ МГИМО МИД России
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

e-mail: a.sokolov@inno.mgimo.ru

Игорь Михайлович Авласенко,

к.и.н., доцент, заведующий Кафедрой международного туризма и гостеприимства,
доцент Кафедры международных отношений Факультета международных отношений БГУ
220030, Республика Беларусь, Минск, пр. Независимости, 4

e-mail: AvlasenkIM@bsu.by

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 25 сентября 2025.

Переработана: 5 ноября 2025.

Принята к публикации: 25 ноября 2025.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Сведения о финансировании

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-48-10015, <https://rscf.ru/project/24-48-10015/> и Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований (номер гос. регистрации 20240046 от 12.01.2024) в рамках международного проекта «Трансформация военно-политических, энергетических и социально-гуманитарных аспектов системы европейской безопасности: значение для Союзного государства».

Цитирование

Соколов, А.П., Авласенко, И.М. Значение института выборов во внутренней и внешней политике Германии // *Международная аналитика*. 2025.

Том 16 (4). С. 39–57.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2025-16-4-39-57>

The Importance of the Institution of Elections in Germany's Domestic and Foreign Policy

ABSTRACT

The article is devoted to the peculiarities of the transformation of the electoral institution in Germany against the backdrop of the development of the concept of a “change of eras” and the tendency towards the growing importance of security issues for Germany's foreign and domestic policy. The aim of the study is to identify how the German political community perceives elections as an element of Germany's domestic and foreign policy. For a long time, elections remained an important part of the German state structure, ensuring adherence to its democratic principles. However, the growing complexity of the party structure in (Western) German politics and the gradual erosion of the positions of the “people's” parties, the CDU / CSU and the SPD, brought to the fore new political forces that came to be seen as a threat to German democracy. While the co-optation of the Eastern German PDS into German politics ultimately proceeded relatively painlessly for the German political system, the electoral successes of the Alternative for Germany (AfD) party led to a rise in alarmist sentiments in Germany and the emergence of the “firewall” phenomenon – a boycott of the party by mainstream political forces. The high level of support for opposition parties has sparked a debate about destructive external interference in Germany's electoral processes. Since the escalation of the Ukrainian crisis in February 2022, the Russian Federation has been almost invariably cited as the source of such interference. At the same time, the German government's approach to elections in other countries through the prism of a “values-based” foreign policy has provoked crises in bilateral relations, with consequences that extend far beyond those relations. An illustrative example of this approach was the German leadership's actions regarding the 2020 presidential election in Belarus. Criticism of the electoral processes in Belarus not only undermined the cautious normalization of the bilateral relations in the second half of the 2010s but also became a significant indicator of the escalation of crises in the European security system in the early 2020s, culminating in the escalation of the armed conflict in Ukraine.

KEYWORDS

Germany, elections, Bundestag, AfD, security, Zeitenwende, Brandmauer, securitization

Authors*Artem P. Sokolov,*

PhD (Hist.), Associate Professor of the Department of Diplomacy, Senior Research Fellow
of Institute for International Studies, MGIMO University

76, Vernadsky avenue, Moscow, Russia, 119454

e-mail: a.sokolov@inno.mgimo.ru

Igor M. Avlasenko,

PhD (Hist.), Head of the Department of International Tourism and Hospitality,

Associate Professor of the Department of International Relations,

Belorussian State University

4, Nesavisimosty avenue, Minsk, Belarus, 220030

e-mail: AvlasenkIM@bsu.by

Additional information

Received: September 25, 2025. Revised: November 5, 2025. Accepted: November 25, 2025.

Funding

The study was supported by the Russian Science Foundation project № 24-48-10015 (<https://rscf.ru/en/project/24-48-10015/>) and the Belarusian Republican Foundation for Fundamental Research, state registration number 20240046, 12.012024 within the international project

“Transformation of Military-Political, Energy and Social Humanitarian Aspects
of the European Security System: Importance for the Union State.”

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the authors.

For citation

Sokolov, Artem P., and Igor M. Avlasenko. “The Importance of the Institution of Elections in Germany’s Domestic and Foreign Policy.” *Journal of International Analytics* 16, no. 4 (2025): 39–57.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2025-16-4-39-57>

Балканизация, американизация или европеизация: что происходит с политическими элитами и электоральными процессами в странах Юго-Восточной Европы?

Екатерина Геннадьевна Энтина, НИУ ВШЭ, Институт Европы РАН,
Москва, Россия

Контактный адрес: e.entina@hse.ru

АННОТАЦИЯ

Политическое развитие государств Юго-Восточной Европы после распада биполярной системы международных отношений в академической литературе чаще всего рассматривается как производное от процессов в западной части континента. После старта европейского интеграционного проекта на Балканы справедливость такого подхода стала казаться еще более очевидной. Вместе с тем такой подход минимизирует как влияние внутренних факторов, в том числе социально-политического и ценностного характера, так и ту роль, которую играет быстро меняющаяся международная экономическая, политическая и правовая среда. В настоящей статье внутренние политические процессы на Балканах рассматриваются через призму системных последствий крушения социалистического мира, до сих пор оказывающих важное влияние на развитие региона. Кроме того, дается оценка тому, как общие для ЕС факторы преломляются в балканской среде. Делается вывод о том, что, вопреки очевидной общности и взаимосвязи европейских политических процессов во всех субрегионах, для Балкан традиционные объяснения через феномены балканизации, американизации и европеизации не являются исчерпывающими. Так же, как и Европа в целом, регион переживает процесс перерождения традиционных представлений о партийно-политических системах и электоральном поведении. Однако именно на Балканах наиболее отчетливо проявляется ожидание социумом появления лидеров и партий нового типа в силу нарастающего разочарования, а в отдельных республиках – и кризиса доверия между властью и обществом.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

партийно-политические системы, электоральные циклы, выборы, балканизация, европеизация, политические элиты

В течение всего периода после распада биполярной системы международных отношений на политические процессы в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, представлявших собой осколки социалистического мира, было принято смотреть через призму посткоммунизма, демократизации, партийно-политического транзита и связанных с ними вызовов и проблем¹. Факторов, влиявших на развитие этой части Европы, конечно же, намного больше. Однако именно нарративы о незрелости политических элит, проблемах демократического становления, исключительной для этой части континента институциональной неэффективности доминировали и отчасти продолжают доминировать как в зарубежных, так и в российских исторической и политической науках². На наш взгляд, весьма ошибочно, поскольку они представляют лишь одно из измерений процессов, протекающих в данном регионе. В этой статье из множества мы рассмотрим несколько важнейших системных последствий крушения биполярного миропорядка для складывания партийно-политических систем в странах Юго-Восточной Европы, которые актуальны и сегодня.

Безусловно, окончание холодной войны, отказ от социалистической идеи и ее обличение как несостоявшейся на практике до сих пор сказываются на состоянии и качестве политических элит в Европе в целом. Отсутствие идеологической соревновательности, альтернативных программ стратегического развития западной части европейского континента привело к тому, что противостояние больших идей, выражаемых в том числе политическими партиями, было замещено претензиями отдельных активистов³, конкуренцией личных интересов, способов самовыражения на низовом уровне. Это, в свою очередь, стимулировало рост числа мелких политических движений самой разной направленности, формирующих иллюзию политического выбора, и, как справедливо указывается в отечественных исследованиях, размывало традиционную для Западной Европы дихотомию «левых» и «правых» сил⁴. Для стран же Юго-Восточной Европы, где традиции двухпартийности сформироваться не успели, это привело к еще большей атомизации политического пространства.

Помимо этого, образование устойчивых групп интересов в обществе стало чрезвычайно сложным в силу индивидуализации публичного и информационного пространства⁵. Политические элиты и западной, и восточной частей Европы оказались вынуждены постоянно проявлять гибкость, чтобы удерживать общий объем электоральной базы, а для этого неизбежно поступаться принципами и идеалами.

На этом фоне технократическая компонента⁶ политического процесса оказалась для европейских политических элит основной и наиболее безопасной (обеспечивающей самовоспроизводство и самосохранение). Таким образом,

1 См., например: Featherstone, Radaelli 2003; Bechev, Andreev 2004; Власть – общество – реформы ... 2006; Mainwaring, Zoso 2007; Glaurdić 2011; Bieber, Ristić 2012; Кандель 2017; Кандель 2018; Очерки политической истории ... 2020; Трансформационные революции ... 2021 и др.

2 См., например: Котта 2012; Electoral systems ... 2021; Laštro, Bieber 2023; Кандель 2024а и др.

3 Подробнее см.: Давыдов 2025.

4 Орлов 2022.

5 Каспэ 2024.

6 «Технократическая» понимается как связанная с процессом государственного управления, построенного на формальных показателях прогресса, как правило, закладываемых в стратегиях и дорожных картах. В соответствии с этим все однокоренные термины в настоящей статье – производное от указанной выше трактовки.

технократизм европейских политических элит – прежде всего результат невосприимчивости обществом «коллективных и больших идей» социальной направленности. Может быть, спорные, но яркие примеры последнего демонстрируют неуклюжие попытки Э. Макрона мобилизовать французское общество в опоре на великодержавные амбиции, гипертрофированные усилия германского истеблишмента с целью поставить во главу угла внешней политики ЕС ценностное противостояние с Россией, в целом положение «правых» в ЕС – от Греции до Италии, – которые, приходя к власти, неизбежно вынуждены сдвигаться к партиям «центра». Частично именно распространением технократического восприятия политического процесса можно объяснить рост популизма в Европе как его естественного союзника.

Балканские политические элиты, находящиеся вне общего пространства ЕС, также это последствие испытывают. Однако, в отличие от Западной Европы, запрос общества на конкретные перемены и решение застаревших вопросов здесь неизмеримо сильнее. Один из примеров – не прекращающиеся с ноября 2024 г. массовые протесты в Белграде; до этого в Черногории массовые митинги 2019–2020 гг. привели к смене так называемого режима М. Джукановича. Подобные явления характерны и для Албании, и для Северной Македонии. Не в последнюю очередь это происходит в результате того, что трансформации постбиполярного периода здесь не привели к кардинальному обновлению политических элит, что спустя три десятилетия явственно обществами осознается. Об этом феномене пишут применительно и ко всему региону Центральной и Восточной Европы¹.

Другим последствием крушения социалистического мира стала в той или иной степени повсеместная американизация политических элит и управленческих кругов. Под этим понятием вслед за Н. Руткевич мы подразумеваем, что «ментальная экосистема» современных европейских элит создана по американским стандартам². В свою очередь, в Юго-Восточной Европе все последние десятилетия политические элиты находились под влиянием не только американизации, но и процесса европеизации – конструирования «сверху» европейской идентичности национальных политических элит через инструменты экономического, финансового регулирования³. Это – как раз результат сознательного отказа России от так называемого вмешательства во внутренние дела других государств, когда США и ЕС в условиях отсутствия конкуренции продолжили проводить систематическую работу по возвращению молодежи с активной гражданской позицией и ее интеграции в национальный управленческий аппарат. В этом смысле сложно отрицать, что современные балканские политические элиты – продукт системной политики и неотъемлемая часть общей «команды» западных реформаторов. Однако важно и то, что американизация и европеизация политических элит как стратегия не подразумевала возникновения субрегиональных группировок по интересам, которые тем не менее появились в процессе партийно-политической трансформации в ЕС последнего десятилетия

1 Смирнов, Сутырин 2011.

2 Руткевич, Н. Американизация Старого Света и феномен «устойчивой деградации элит» // Россия в глобальной политике. 19.03.2024. [Электронный ресурс]. URL: <https://tinyurl.com/4sdcr3ms> (дата обращения: 24.11.2025). Подробнее об американизации политических элит ЕС см.: Руткевич 2024.

3 Подробнее об этом см.: Семененко, Прохоренко 2015.

и распространились на страны Юго-Восточной Европы через особые отношения Венгрии и Словакии с Сербией, Германии – с Хорватией, Швейцарии и Австрии – с Албанией и косовской политией. Это вносит свои коррективы в политический процесс на Балканах во всех без исключения государствах.

Еще одним существенным фактором стала постоянная угроза нового масштабного конфликта в Европе, регулярно звучащая в риторике политических лидеров ЕС и его государств-членов. В отличие от национальных и наднациональных политиков ЕС, все без исключения элиты балканских государств хорошо знают отличия реальной войны от виртуальной. У власти во всех странах бывшей Югославии, составляющей ядро Юго-Восточной Европы, находятся люди, пережившие войну подростками либо и вовсе бывшие ее участниками. Это вносит свои, пусть и не критически значимые акценты в процесс встраивания постъюгославских политических элит в единое европейское пространство, в том числе в принятие ими происходящей в Брюсселе военизации политического мышления. Между тем подобные различия приводят к тому, что в экспертных и политических кругах ЕС происходящее с местными политическими элитами, особенно сербскими, ошибочно связывают с их «балканизацией», т.е. неспособностью к поступательному, демократическому развитию.

Наконец, окончание холодной войны, которое для Югославии вылилось в череду гражданских войн, санкций в отношении нескольких ее прежних частей и бомбардировки Белграда 1999 г., в экономическом смысле серьезно затронуло всю Юго-Восточную Европу. Если в случае с Югославией был разрушен единый хозяйственный комплекс, затем подвергнута санкциям экономика и, наконец, уничтожена часть критической инфраструктуры и промышленного сектора, то для других государств – Болгарии, Румынии, Молдавии – распад социалистического блока поставил на повестку дня вопрос о новой экономической интеграции и поиске своего места в региональной и мировой экономике. Можно с уверенностью констатировать, что ни одна из стран Юго-Восточной Европы, кроме Словении, последствия распада прежней экономической системы до сих пор не преодолела. В свою очередь, состояние реального сектора экономики неизбежно влияет на постановку стратегических задач и целей национального развития в каждом из государств региона и, как следствие, амбиции их политических лидеров.

Представляется, что именно разнонаправленность социальных, политических и экономических запросов и является основным фактором, определяющим современное состояние как политических элит, так и электорального поля в Юго-Восточной Европе. Традиционно же приписываемая как зарубежными, так и российскими исследователями неопытность, свойственная балканским политикам, – скорее выгодный миф, чем реальность. Распространение и укоренение данного мифа прежде всего необходимо ЕС как актору, воспринимающему данное пространство в качестве своей монополярной зоны влияния.

Не вдаваясь в тонкости полемики в академических и экспертных кругах относительно настоящего и будущего Европейского союза, стоит вместе с тем констатировать, что в практической политике по целому ряду параметров объединение действует внутри и по периметру своих границ как империя, пусть и постмодернистская. Во-первых, до настоящего момента ЕС удавалось контролировать политическое, экономическое и правовое единство входящих в него

территорий, имеющих для внешних акторов статус независимых суверенных государств. Это демонстрируют примеры Италии, Венгрии, Словакии, до этого – Чехии и Польши. Подавление внутренней фронды является для него экзистенциальным вызовом. Во-вторых, ЕС во главу угла своей жизнедеятельности ставит минимизацию внешнего влияния на процессы, протекающие внутри объединения. Так, например, государствам-членам запрещено обращаться к международным механизмам разрешения споров, связанным с применением и толкованием нормы права ЕС. В-третьих, Европейский союз придает первостепенное значение безопасности всего периметра внешних границ, построенной в первую очередь на лояльных и разделяющих курс объединения политических элитах. В-четвертых, ЕС претендует на мессианство и добивается насаждения в странах, вовлекаемых в сферу влияния, своей модели развития, жизненных правил, ценностей и политических традиций. В соглашения об ассоциации, партнерстве и углубленном сотрудничестве, свободной торговле и т.д., как известно, включены положения о рецепции внутреннего права ЕС и приведении национального законодательства и правоприменения в соответствие с *acquis communautaire*.

Для государств Юго-Восточной Европы, не входящих в ЕС, географическая близость с объединением, действующим в практической политике как империя, и нахождение в сфере его влияния имеют колоссальное значение. Они не могут не накладывать отпечаток на самоидентификацию проживающих здесь народов. Это проявляется двояким образом. С одной стороны, оказавшись под прессом неизмеримо более могущественного образования, политические элиты и народы Балкан вынуждены впитывать в себя его политические, правовые и социокультурные стандарты жизни и поведения. С другой – находясь в орбите империи, балканские государства не могут не повторять в определенной степени те политические процессы, которые протекают в ЕС. К их числу в социально-политической плоскости, в частности, относятся: глубокая стратификация общества, при которой неотвратимо происходит фрагментация партийно-политической системы; множественность акторов, стремящихся выразить интересы различных страт; волатильность предпочтений избирателей; превращение политической нестабильности из чего-то чрезвычайного в повседневность.

Именно поэтому фактор ЕС остается центральным в развитии внутривнутриполитических, в частности электоральных, процессов в Юго-Восточной Европе. Однако проявляется он несколько иначе, чем в предыдущие десятилетия. Прежде всего, сама суть «европейской интеграции» в региональном понимании претерпела изменения. Если раньше балканские политические элиты делали ставку на полноправное членство в ЕС, то сегодня доминирующим элементом в их восприятии евроинтеграции становится включение в большие экономические задачи и проекты объединения, а также комплексное развитие единой с ним транспортно-логистической инфраструктуры. Неуверенность в том, что в горизонте политических циклов действующих политиков хоть одно из государств региона станет полноценным членом ЕС, привела к тому, что приоритетом становится широкая экономическая интеграция с ЕС, которая, по сути, не должна препятствовать развитию связей с другими международными акторами. Подобная перестановка приоритетов на деле пока никак не сказывается на стремлении обрести членство как стратегической цели внешней политики, но допускает активное исполь-

зование гораздо более широкой, чем прежде, трактовки понятия «национальный интерес» в политических установках и на международных площадках. Если под «национальным интересом» в самом широком смысле понимать интересы выживания (самосохранения) и развития (совершенствования)¹, то все государства Юго-Восточной Европы в той или иной мере на практике отошли от тождественного восприятия евроинтеграции и национального интереса. Это, в свою очередь, объясняет парадокс соседства критики ЕС в риторике большинства политических лидеров на Балканах с продолжением курса на евроинтеграцию.

Примат «экономического» vs примат «ценностного» в трактовке национального интереса у политических элит Балкан и у их электората

Для методологически выверенного рассмотрения того, как перечисленные последствия распада биполярного миропорядка отражаются в партийно-политическом строительстве стран Балканского региона, необходимо сузить исследовательское поле статьи до государств Юго-Восточной Европы, не входящих в ЕС. Можно оговориться, что само явление характерно и для Болгарии, Румынии, Хорватии, но там его объяснение сильно усложняется многослойностью процессов, происходящих внутри самого Европейского союза. Таким образом, мы рассматриваем партийно-политические и электоральные процессы и их природу последних лет в Сербии, Боснии и Герцеговине, Албании, Черногории, Северной Македонии и т.н. Республике Косово².

Примат «экономического» в понимании национального интереса среди политических элит характерен для всех указанных выше государств. В случае Сербии речь идет главным образом о попытке вернуть значимое место в региональной и европейской экономике. В практическом плане она отражается в концепции «четырёх столпов» сербской внешней политики, под которыми подразумеваются ЕС, США, Россия и Китай. Ее реализации способствовало медленное оживление т.н. мирового большинства, среди которого немало государств, с которыми социалистический Белград имел привилегированные связи в рамках «движения неприсоединения», не растерянные и после распада Югославии. Кроме того, несмотря на экономический коллапс 1990-х гг. и разрушение значительной части критической инфраструктуры бомбардировками 1999 г., за последние два десятилетия Сербии удалось восстановить национальную часть реального сектора экономики: ее доля в общих экономических показателях республики составляет около 60 %³. Однако дальнейший рост, в том числе инвестиционной привлекательности Сербии, сложно обеспечивать без модернизации транспортно-логистической инфраструктуры, создания цепочек добавленной стоимости совместно с другими странами региона, а также улучшения логистических условий для торговли и транзита. Последнее позволит извлечь больше выгоды из географического положения республики, через

1 Паньшина, Уфимцева 2016

2 В соответствии с Резолюцией СБ ООН 1244 является частью Республики Сербия.

3 Энтина et al. 2024.

которую проходят транс- и панъевропейские транспортные коридоры. Таким образом, политические элиты Сербии видят реализацию национального интереса в первую очередь не в решении сложных этнотерриториальных вопросов, а в достижении принципиально иного статуса экономического актора. Эту задачу удавалось реализовывать, в том числе за счет компромиссов по важным национальным вопросам (прежде всего, по Косово и Метохии), до 2022 года. Однако, когда конфронтация между Россией и Западом усилилась, пространство для политического, а вместе с ним и внешнеэкономического маневра резко сузилось, что привело к растерянности в правящих кругах.

Этот же комплекс обстоятельств привел сербские политические элиты к необходимости поиска новых сильных субрегиональных экономических партнеров. Таким выступила Венгрия – член ЕС и НАТО и одновременно государство, активно сотрудничающее с Россией и Китаем. Под эгидой Будапешта как субрегионального интегратора удалось собрать «клуб рационально мыслящих европейцев» в составе правящих элит Сербии, Республики Сербской, а с 2024 г. подключить и вновь пришедшую к власти ВМРО – ДПМНЕ в Северной Македонии. К этой группе условно примыкает и Словакия. Таким образом, географически формируется пространство, потенциально дающее новые возможности государствам, не имеющим выхода к морю, особенно с учетом диверсификации их торговых партнеров: значимость пространства усиливается по мере углубления субрегиональной транспортно-логистической связанности. Однако она может быть легко нивелирована за счет антагонизации отношений по линии «сербы – албанцы», поскольку именно Албания обеспечивает выход к Адриатическому морю. Это – одно из рациональных объяснений фактически компромиссной позиции Белграда в переговорах с Приштиной по косовскому вопросу, поступательного развития отношений между Сербией и Албанией, а также партнерского формата отношений между правящей ВМРО – ДПМНЕ и коалицией проалбанских партий в Македонии. Этим объясняется и определенное политическое затишье в Албании, которая может оказаться ключевым звеном в повышении связанности данного геоэкономического пространства. Последнее отвечает политическим интересам элит и в Северной Македонии, и в Республике Сербской. Первой оно дает возможность создать собственные точки экономического роста, второй – сохранить свой статус, а при хорошем стечении обстоятельств «замкнуть» эффективность общего государства Боснии и Герцеговины на себя.

Принципиально важно, что «самостоятельная игра» государств Центральной и Юго-Восточной Европы не является противопоставлением европейской и евроатлантической интеграции, попыткой «оторваться» от системного сотрудничества с США и ЕС, и не предполагает уход «под крыло» России или Китая. Как и в прежние периоды истории, она рассчитана на повышение собственного статуса в более масштабной геополитической игре и расширение возможностей для торга на международной арене.

Вместе с тем рациональная экономическая логика политических элит Сербии, Албании, Северной Македонии, частично Боснии и Герцеговины (где сложно говорить о существовании неких стратегических целей на уровне всего государства) наталкивается на рост традиционных национально-патриотических настроений среди населения. Его катализатором послужили те же обстоятельства:

изменения в международной среде, геополитическая конфронтация, противоречия внутри ЕС и отсутствие экономической отдачи от ориентации только или преимущественно на страны Запада.

Существенным дополнением стало использование понятия «национальный интерес» в риторике самих политических элит. Так, например, предыдущий президент Македонии С. Пендаровски видел его в формировании круга «внешних патронов», прежде всего США и ЕС, без которых невозможно неизолированное развитие страны¹. В риторике сербского президента А. Вучича национальный интерес, как правило, объясняется на примерах экономического развития². Однако для населения «национальный интерес» в первую очередь олицетворяет решение национального вопроса – сербского, албанского, македонского, т.е. национальный интерес имеет преимущественно ценностное измерение, а национализм вкупе с популизмом по-прежнему работоспособны³. И только при учете национального вопроса население готово поддержать программы, направленные на повышение стандарта жизни. Косвенным доказательством подобного является устойчивый, по результатам проводимых социологических исследований, отказ сербского общества вступать в ЕС ценой признания независимости Косово (76 % «против», 12 % – «за»⁴), этнических македонцев – идти на компромисс с болгарями (9 % – «за»⁵).

Таким образом, политические элиты и население балканских стран истолковывают понятия «национальные интересы» и «суверенитет» по-разному. В отсутствие единого видения прогресс, к которому должны стремиться элиты, превращается в своего рода политический прогрессизм⁶, то есть (в балканском случае) стремление во что бы то ни стало обосновать любую реальность как успех. Представляется, что это как раз и является основным выражением описанных в первой части исследования последствий распада биполярного мира для партийных и политических элит государств Юго-Восточной Европы. Разберем, как оно проявлялось в течение последних лет в рамках отдельных стран региона.

Политические элиты и электоральные процессы

Перечисленные выше обстоятельства стали одной из причин осязаемого кризиса доверия между властью и электоратом в **Сербии** последних лет. Основной формой взаимодействия с электоратом со второй половины 2010-х гг. было допущение протестной активности (как санкционированных митингов, так и стихийных), организация внеочередных выборов любого уровня по первому

1 Александар Бачиќ, "Пендаровски, Македонските национални интереси се бранат само со пријатели, а не со политика што води кон изолација (Pendarovski: 'Macedonian National Interests Are Defended Only with Friends, Not with Politics That Lead to Isolation')," МИА, April 7, 2024, accessed September 7, 2025, <https://tinyurl.com/cm23cmp2>.

2 См., например: "Vučić: Vodimo spoljnu politiku samo u srpskom interesu (Vučić: 'We Conduct Foreign Policy Only in the Serbian Interest')," Radio i TV Vojvodine, August 10, 2023, accessed September 7, 2025, https://www.rtv.rs/sr_lat/politika/vucic-vodimo-spoljnu-politiku-samo-u-srpskom-interesu_1467073.html.

3 Кандель 2024б.

4 "Истраживања јавног мњења. Србија, фебруар 2024 – спољнополитичке оријентације, партнерства и лидери (Public Opinion Research. Serbia, February 2024 – Foreign Policy Orientations, Partnerships, and Leaders)," Нова српска политичка мисао, March 20, 2024, accessed September 7, 2025, <https://tinyurl.com/bdcr549r>.

5 Анамарија Велиновска и Ана Софеска, "ЕУ интеграцијата во 2024: Од европски сон до македонска реалност (EU Integration in 2024: From a European Dream to Macedonian Reality)," Анализа на јавното мислење бр. 2/2025, February, 2025, accessed September 7, 2025, <https://tinyurl.com/kyu2dzmc>.

6 Термин «политический прогрессизм» взят у: Давыдов 2025.

требованию. Во многом это было возможно в силу двух обстоятельств. Во-первых, до последнего времени позиции правящей Сербской прогрессивной партии (СПП) были крепки за пределами крупнейших городов. В Белграде и Нови-саде СПП вместе с коалиционными партнерами ненамного, но также перевешивала оппозицию. Во-вторых, А. Вучичу за счет различных управленческих механизмов, прежде всего распределения министерских портфелей и властных рычагов, удавалось контролировать амбиции оппозиции – как правого, так и левого крыла – в ручном режиме. Таким образом, и правящая коалиция, и парламентская оппозиция словесно были оппонентами в парламенте, на деле же разница между ними и их программами для избирателя становилась все менее и менее отчетливой.

Однако в последние годы кризисные явления в СПП начали проявляться более ярко. Во многом они связаны с ее огромным для небольшой страны размером: в СПП состоит более 700 тыс. человек (на чуть более 6,5 млн населения)¹. Другой причиной, безусловно, стало то, что успешная прежде внешняя политика балансирования в условиях почти открытого конфликта Запада с Россией, а также Китаем, перестала быть столь же состоятельной и понятной избирателю. Стремление реформировать партию, которое А. Вучич неоднократно выражал с 2021 г.², до сих пор остается не более чем словесной эквилибристикой: реальным шагам мешают боязнь потерять существенную часть электоральной базы, а также противоречия между кланами внутри СПП.

23 марта 2025 г. А. Вучич объявил о создании Движения за народ и страну³. Станет ли оно успешным, зависит от ряда обстоятельств. Вместе с тем представляется, что обновление партии прогрессистов через ее раскол на Движение за народ и страну и какой-то остаток / остатки, борьба за электорат неизбежно выведут на авансцену новые политические фигуры, которые, с учетом объективно большого социального недовольства президентом, вероятнее всего, оттеснят и самого А. Вучича в разряд политиков, возглавляющих крупную, но не доминирующую партию.

Резюмируя, можно говорить о том, что в краткосрочном периоде Сербии ожидает появление целой волны новых лиц на политической арене. Это коснется не только правящей коалиции, но и прозападной оппозиции, присутствующей в парламенте. Ее легитимность также подорвана. Об этом свидетельствует то, что никто из протестующих сегодня в Сербии (даже прозападное ядро, финансируемое из соответствующих средств) не допускает мысли о том, что эти политические фигуры могут стать движущей силой протестов. Реалистичный вариант развития событий – черногорский, то есть приведение к власти новых, прежде никому не известных технократов, использующих в ходе предвыборной кампании национально-патриотические лозунги, обещания отстаивать нацио-

- 1 "Nova četiri stuba SNS vlasti bez kojih Vučić ne može da vlada (The New Four Pillars of SNS Rule Without Which Vučić Can't Govern)," N1, May 20, 2024, accessed August 5, 2025, <https://tinyurl.com/y24ksr9h>.
- 2 Uroš Matejić, "Intervju predsednika Srbije iz Mađarske: Značajne promene u SNS, 50 odsto članova Glavnog odbora biće novi ljudi (Interview of the President of Serbia from Hungary: Significant Changes in SNS, 50 Percent of the Members of the Main Board Will Be New People)," Srbija danas, September 22, 2021, accessed August 5, 2025, <https://tinyurl.com/yypa93z98>.
- 3 "Započeli smo veliki posao: Održan prvi sastanak inicijativnog odbora pokreta kojeg je Vučić najavio: 'Danas se iscrtavaju konture i put ka dobroj i sigurnoj budućnosti naše Srbije' (We Have Started a Big Project: The First Meeting of the Initiative Committee of the Movement Announced by Vučić Was Held: 'Today the Outlines and the Path to a Good and Secure Future for Our Serbia Are Being Drawn')," BLIC, March 23, 2025, accessed September 5, 2025, <https://tinyurl.com/3cf459vy>.

нальные интересы в диалоге с Европейским союзом о вступлении, а также проводить системную антикоррупционную политику. Вероятнее всего, вопреки евро-скептическим настроениям большинства населения и протестующих, главным бенефициаром данного процесса станет ЕС, что в краткосрочной перспективе может только углубить недоверие между обществом и властью.

Не менее сложно, хоть и, на первый взгляд, существенно спокойнее, чем в Сербии, развивается внутривнутриполитическая ситуация в **Черногории**. Фактически здесь ЕС был опробован сценарий «управляемой» смены политических элит на волне народных настроений. В 2020 г. находившаяся у власти три десятилетия Демократическая партия социалистов (ДПС) М. Джукановича, как и он сам, были отстранены от управления государством. Их сменило новое поколение технократов, ориентированных проевропейски, но не антисербски (что было характерно для части черногорского политического истеблишмента в предшествующий период). Они провели в жизнь набор решений, призванных «замирить» все черногорское общество. Центральным было подписание Базового соглашения с Сербской православной церковью, урегулировавшее вопрос ее собственности¹.

Первоначально созданное «экспертное» правительство В. Кривокапича снизило уровень неприятия в отношении ДПС М. Джукановича. «Точечный» характер дел, инициированных в отношении ее членов, гарантии безопасности, данные М. Джукановичу, а наравне с этим отсутствие экономических и внешнеполитических успехов двух последующих правительств – Д. Абазовича и М. Спаича – постепенно возвращают ДПС электоральный ресурс как одной из крупных и наиболее устойчивых партий черногорского политического ландшафта². Это, безусловно, не означает возвращения М. Джукановича – позиции молодых технократов разного этнического происхождения в Черногории будут только усиливаться, – однако «цементирует» курс на укрепление самостоятельных (несербских) основ черногорской государственности и окончательное оформление ее адриатико-средиземноморской идентичности³. Таким образом, в среднесрочной перспективе будет реализована стратегия на закрепление Черногории как мало-го приморского государства ЕС, не склонного к глубокой кооперации со своим «прародителем» Сербией, ограниченного в свободе маневра «албанским вопросом» и в силу этого последовательно проводящего политику ЕС и НАТО.

Представляется, что за последние 20 лет политическими элитами была сформирована и готовность избирателей к такому сценарию развития. Одновременно с этим доминирующей характеристикой электорального поля в Черногории является апатия: согласно социологическому опросу, проведенному в текущем году, наибольшие симпатии вызывает действующий премьер-министр М. Спаич, однако его поддерживают всего 10 % респондентов, 33 % не доверяют никому,

1 Борцев, К. Правительство Черногории утвердило Базовый договор с СПЦ // Балканист. 9 июля 2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://tinyurl.com/m3ектмнх3> (дата обращения: 05.09.2025).

2 "Analitičar Đukić za Insajder o lokalnim izborima u Crnoj Gori: Moguće i novo glasanje u Podgorici (Analyst Đukić for Insajder on Local Elections in Montenegro: A New Vote in Podgorica Is Also Possible)," Insajder, September 30, 2024, accessed September 5, 2025, <https://tinyurl.com/bdwc79f>.

3 Энтина, Е.Г., Пивоваренко, А.А., Новакович, Д. Куда идут Балканы? Новая парадигма сотрудничества для России // Международный дискуссионный клуб «Валдай». 28 сентября 2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.valdaiclub.com/files/21567/> (дата обращения: 05.09.2025). С. 6.

16 % не знают, кому можно верить¹. Косвенным подтверждением этому является то, что черногорское общество перестало использовать инструменты гражданской мобилизации, которые активно задействовало пять лет назад. Это – основа для дальнейшего закрепления технократов у власти и, так же как в Сербии, размежевания между обществом и властью.

В неразделимое пространство с точки зрения оценки внутривнутриполитических процессов постепенно превращаются **Северная Македония, Албания** и самопровозглашенное **Косово**. Прошедшие в 2024 г. президентские и парламентские выборы в Северной Македонии вернули всю полноту власти ВМРО – ДПМНЕ². Премьер-министром стал ее лидер Х. Мицкоски, а президентом – Г. Силяновска-Давкова. Примечательны шаги Х. Мицкоски как минимум по двум направлениям: обеспечение внутренней устойчивости власти и кооперация с албанцами, в том числе и в более широком контексте сербо-албанских отношений. Так, ВМРО – ДПМНЕ построила свою предвыборную кампанию на обличении конкурентов в коррупции, в том числе эта тактика была использована и в отношении одной из албанских коалиций – «Европейский фронт» во главе с Демократическим союзом за интеграцию (ДСИ) А. Ахмети. ВМРО – ДПМНЕ предпочла сформировать коалицию с другими представителями албанского меньшинства – ВЛЕН (БЕСА (Б. Касами), Альтернатива (А. Гаши) и Демократическое движение (И. Меджити)), которая в своей предвыборной программе ориентировалась на албанскую молодежь и социально-экономическое развитие Македонии. Пост вице-премьера по вопросам международного взаимодействия впервые в истории республики занял не албанец, а этнический серб, близкий Белграду, – И. Стоилкович.

Как представляется, таким образом в среднесрочной перспективе в Македонии формируется баланс между сербскими и албанскими интересами. Премьер-министр Албании Э. Рама, поддерживающий ДСИ и постепенную европейскую интеграцию Македонии, в результате утрачивает влияние (возможно, временно) на македонскую политику. В свою очередь, ставка на албанскую молодежь – традиционная стратегия приштинского политика А. Курти. Именно Косово, а не Албания оказывает политическую поддержку коалиции ВЛЕН. С некоторой осторожностью можно говорить о том, что в целом близкая СПП А. Вучича ВМРО – ДПМНЕ осуществила размен, который предполагает конструктивное сближение между Северной Македонией и Сербией за счет корректного отношения к «сербскому вопросу» в обмен на кооперацию с более политически активным и амбициозным истеблишментом Косово вместо правящей элиты Албании. Устойчивость подобной стратегической конструкции обеспечивается широкой кооптацией союзников по коалиции в систему управления государством: Х. Мицкоски расширил численность кабинета министров до 24 человек, создал 5 постов вице-премьера, что обеспечивает последовательное коалиционное большинство в парламенте.

1 “Crna Gora: Polovina anketiranih građana nikome ne veruje, pokazalo istraživanje IPSOS-a (Montenegro: Half of the Surveyed Citizens Trust No One, IPSOS Research Shows),” Tanjug, July 30, 2025, accessed September 5, 2025, <https://tinyurl.com/2s9a3tz6>.
2 “Ubedljiva pobjeda opozicije u Severnoj Makedoniji i na predsedničkim i na parlamentarnim izborima (Convincing Victory of the Opposition in North Macedonia in Both the Presidential and Parliamentary Elections),” НИИ, May 9, 2024, accessed August 5, 2025, <https://tinyurl.com/3xbutwxt>.

Как представляется, долговечность созданной в Северной Македонии политической конструкции будет определяться не столько переговорами о европейской интеграции государства (включая решение «болгарской проблемы»), сколько дальнейшими внутривнутриполитическими процессами в субрегионе – в первую очередь в Сербии, Венгрии (как важном экономическом партнере и инвесторе) и т.н. Республике Косово.

Необходимо отметить, что поступательное партийно-политическое развитие Косово вновь находится под угрозой. Центральной проблемой для его становления как самостоятельного государства является не столько отсутствие признания со стороны Сербии и ряда членов ЕС, сколько внутренняя демографическая динамика. По данным Статистического агентства Косово, в 2024 г. население составляло 1 млн 585 тыс. 566 чел. (из них в возрасте 20 лет и старше – 1 млн 114 тыс. 949 чел.)¹. При этом ЦИК Косово указывает, что избирательное право в республике имеют 2 млн 75 тыс. 868 чел.² Это недвусмысленно свидетельствует о том, что более 40 % избирателей являются представителями диаспоры, в массе своей голосующими по почте. Таким образом, т.н. Республика Косово представляет собой относительно новый феномен в политической жизни европейских стран, когда внешний и внутренний курс государства определяется не столько непосредственными жителями, сколько покинувшими его гражданами³.

Можно с уверенностью говорить о том, что Косово завершило первый этап своего политико-институционального строительства, связанный с периодом нахождения у власти «звезд» Освободительной Армии Косова (ОАК), т.н. героев войны – Р. Харадиная, Х. Тачи, К. Весели и т.д. Он закончился с приходом к власти карьерного «баррикадного» политика А. Курти, поднявшего волну албанского национализма в его радикальной политической форме. Сегодня «радикальная миссия» по построению независимого Косово выполнена и А. Курти стоит перед личным политическим выбором: снизить градус радикализма, став удобным, предсказуемым партнером для США и ЕС, либо смириться с постепенным уходом из числа основных игроков, сохранив амплуа «подрывного инструмента» косовской внутривнутриполитической сцены.

Несмотря на внушительные достижения в рамках политической повестки, вторая важнейшая часть его предвыборной программы – борьба с коррупцией и социально-экономическая модернизация – фактически провалилась. Не всем албанцам, даже принадлежащим к «Самоопределению», импонирует его позиция, заключающаяся в том, что необходимо вытеснить сербов из Косово. В таком сценарии не заинтересованы США и ЕС, поскольку он означал бы провал их миротворческих усилий. Одним из показателей нарастающих кризисных тенденций в партии «Самоопределение» стал выход из нее Х. Абазы и его присоединение к Альянсу за будущее Косово Р. Харадиная, прямого оппонента А. Курти.

1 "Rezultatet e para Përfundimtare të Regjistrimit të Popullsisë (ReKos2024) (The First Final Results of the Population Census (ReKos2024))," ASK, December 19, 2024, accessed September 7, 2025, <https://askapi.rks-gov.net/Custom/31bc24d2-45e4-4eb5-a567-405f4bdd197f.pdf>.

2 "CIK overio listu glasača za izbore 9. februara (The CEC Verified the Voter List for the February 9 Elections)," Kosovo Online, December 9, 2025, accessed January 12, 2025, <https://www.kosovo-online.com/vesti/izbori/cik-overio-listu-glasaca-za-izbore-9-februara-2025-vise-od-275000-registrovanih>.

3 Энтина 2025.

Прошедшие 9 февраля 2025 г. парламентские выборы в самопровозглашенном Косово де-факто вернули ситуацию к той, что была до 2020 г.: в период с 2008 г., как известно, ни одно правительство не проработало полный срок полномочий. Косовскую политику постоянно сотрясали внутривнутриполитические скандалы и внеочередные выборы. К этому идет дело и сейчас. Последнее десятилетие Косово при поддержке ЕС как основного посредника на переговорах стремилось максимально интегрировать сербское население края на условиях, выгодных Приштине, а не Белграду, для чего за период нахождения А. Курти у власти были созданы все предпосылки. Задача состоит в том, чтобы на волне якобы неуправляемого албанского радикализма вынудить сербов согласиться с форматом их политического представительства, схожим с существующим в Хорватии (признанное нацменьшинство, гарантированные Конституцией права культурной автономии и политического представительства); одновременно с этим стимулировать рост влияния центристских партий за счет постепенного вытеснения де-факто выполнившего свою миссию «Самоопределения». Об этом свидетельствует тот факт, что, имея значительное влияние на все политические элиты Косово, ни одно из государств Запада не способствовало формированию правительства после февральских выборов. На момент написания настоящей статьи срок формирования правительства истек. С высокой вероятностью будет принято решение о проведении новых внеочередных выборов в начале 2026 года¹. Сценарий создания коалиции широкого центра в Косово, к которому теперь, похоже, стремятся США и ЕС, способствовал бы также определенной гомогенизации общеалбанского политического пространства в Косово, Албании, Северной Македонии и Черногории.

Видимо, поэтому и ЕС, и США в наименьшей степени беспокоит отсутствие динамики в самой **Албании**. Положение в Албании и сегодня наиболее точно характеризует оценка, данная А. Улуныяном о ситуации 12-летней давности: «складывавшаяся на протяжении 1990-х гг. двухпартийная система в виде правоцентристской ДПА (Демократической партии Албании – прим. автора) и левоцентристской СПА (Социалистической партии Албании – прим. автора) могла бы стать основой для стабильного внутривнутриполитического развития страны, если бы этому не препятствовали многочисленные изъяны в самом механизме формирования двух основных партий, а также коррупционные схемы взаимодействия их аппаратов и многих влиятельных членов (включая руководителей) с финансово-экономическими группами и отдельными бизнесменами»².

Для партийно-политической системы Албании по-прежнему характерно следующее: социалисты и демократы сменяют друг друга. Малые партии, которые формируются за пределами их влияния, обладают коалиционным потенциалом. Тем не менее обе ведущие политические силы, вне зависимости от того, кто из них одержал победу на выборах, стремятся вытеснить своих союзников по коалиции из сферы принятия политических решений. Таким образом, складывается ситуация, при которой малые партии из-за отсутствия властного ресурса не

1 Dušica Radeka Đorđević, "Istekao rok za formiranje Skupštine: U čijem dvorištu je lopta? (Deadline for Forming the Assembly Has Passed: Whose Court Is the Ball In?)" Kosovo Online, July 27, 2025, accessed September 5, 2025, <https://tinyurl.com/4v6tmf5p>.

2 Улуныян 2023.

могут конвертировать свои успехи на выборах в реальные политические решения и, соответственно, не обладают потенциалом для наращивания электората.

Одновременно с этим Албания, как и соседние Черногория и самопровозглашенное Косово, все в большей степени становится «страной диаспоры». Нисходящий демографический тренд и постоянный отток граждан из страны превращают диаспору в важный фактор политических процессов. Так, на парламентских выборах 2025 г. впервые можно было голосовать по почте. Данным правом воспользовались около 245 тыс. человек, при общей численности избирателей в самой Албании в чуть более 3,7 млн чел.¹ Вместе с тем, как показывает пример Молдавии, ресурс диаспоры (здесь в первую очередь для политических элит Албании речь идет о диаспоре на Западе) может быть крайне эффективным в краткосрочном периоде. Впрочем, по мере неизбежной ассимиляции диаспоры его значимость падает. Представляется, что Албания буквально повторяет пример Молдавии, однако с небольшим (около 5–7 лет) опозданием.

Наконец, особый случай представляет внутривосточная ситуация в **Боснии и Герцеговине**, а особенно в ее сербском энтитете. Следующие всеобщие выборы состоятся в стране в 2026 году. Однако уже сейчас, исходя из решений, принятых аппаратом высокого представителя в БиГ², понятно, что речь пойдет о максимизации усилий для смены политических элит в Республике Сербской. Поправки в избирательный закон от марта 2024 г.³ дают право ЦИК Боснии и Герцеговины отозвать мандат избранного лица до истечения срока полномочий со дня вступления в силу приговора суда, налагающего меру пресечения и запрещающего исполнение служебных обязанностей. Довольно очевидно, что эти поправки были приняты для ослабления позиций президента М. Додика, а также получения инструмента давления на любого другого политического лидера, который придет ему на смену. Целесообразность такого инструмента в глазах не утвержденного Советом Безопасности ООН высокого представителя К. Шмидта очевидна: большинство решений последнего вызывают осуждение не только в Союзе независимых социал-демократов М. Додика, но и среди его оппонентов, поскольку воспринимаются как последовательные попытки понизить статус самой Республики.

В другом энтитете – Федерации Боснии и Герцеговины – общая ситуация неизменна. После прекращения существования националистического крыла Хорватского демократического содружества (ХДС; Ф. Туджман и Г. Шушак) истеблишмент Хорватии перестал быть надежной опорой хорватских элит в БиГ. На этом фоне к середине 2000-х гг. в одноименной партии в Боснии и Герцеговине произошел раскол на условно радикальное крыло и тех, кто стремится к диалогу с ЕС. Д. Чович, возглавлявший организацию в 2006 г. и поддерживавший проведение внутренней реформы, постепенно вернулся к более националистическим

1 "Albania: Amendments to Electoral Code Extend Voting Rights to Diaspora," Library of Congress, June 11, 2025, accessed September 5, 2025, <https://tinyurl.com/5yvc6mk4>.

2 Согласно официальной позиции МИД России, К. Шмидт, назначенный на должность высокого представителя в Боснии и Герцеговине без соответствующей резолюции Совета Безопасности ООН, не обладает легитимностью.

3 "Odluka kojom se donosi Zakon o izmjenama i dopunama Izbornog zakona Bosne i Hercegovine (Decision Enacting the Law on Amendments and Supplements to the Election Law of Bosnia and Herzegovina)," Office of the High Representative, March 26, 2024, accessed September 5, 2025, <https://tinyurl.com/5fc4yjx4>.

и консервативным позициям, поскольку именно они продолжают находить поддержку в среде электората боснийских хорватов. ХДС Боснии и Герцеговины приходится лавировать: с одной стороны, не имея безусловной поддержки Хорватии, нужно удерживать более радикальный, чем в этом государстве, электорат, а с другой – постоянно вести диалог с ЕС, альтернатив которому представители партии не видят.

На фоне проблем Республики Сербской с государствами Запада и внутренних сложностей у хорватов пытаются усилить свои позиции боснийские мусульмане. По сути, они – единственные, кто выступает за реформы, направленные на централизацию и унитаризацию БиГ. Однако сложность их положения заключается в том, что, имея формальное большинство по численности населения, они не имеют постоянного «патрона», в отличие от хорватов или сербов в Боснии. США, ЕС, Британия, Турция – все они преследуют собственные интересы, и положение мусульман в Боснии и Герцеговине по понятным причинам не является для них столь же чувствительной темой, как сербов и хорватов – для Сербии и Хорватии. В этой связи, вероятнее всего, электоральные процессы в БиГ будут развиваться в общерегиональном ключе: со стороны ЕС продолжатся попытки сменить политические элиты на технократические с той лишь разницей, что в течение 2026 г. правящие круги западных государств постараются вытеснить сторонников М. Додика с политической арены под лозунгами очистки партийно-политического поля от политиков и партий «войны», а в отношении хорватов и бошняков будет применяться ситуативная тактика.

* * *

Как в итоге можно характеризовать политическое пространство сегодняшних Балкан? Возвращаясь к названию, можно констатировать, что ни одна из заложенных в него распространенных в академических кругах оценок – балканизация, американизация или европеизация – не является самодостаточной. Не объясняет политические процессы и их комбинация.

Политические элиты в государствах Юго-Восточной Европы по-прежнему ориентированы на вступление в ЕС. Однако из статуса «учеников» по направлению «институциональное и правовое строительство» они хотели бы переместиться в положение младших или равных партнеров в больших экономических проектах. Именно такой подход дает возможность технократическим управленческим командам наиболее полно реализовать себя во власти. Косвенно в среднесрочной перспективе он способствует гомогенизации общественного мнения во всех странах относительно безальтернативности сближения с Европой.

Вероятно, технократизм и рационализм политических элит стали главной причиной того, почему во всем регионе (за исключением управленческой команды в Косово) был позитивно воспринят приход в Белый дом Д. Трампа, склонного к ведению переговоров на основе т.н. сделок. Характерная для всех политических элит американизация проявляется прежде всего в авторитете США в решении всех конфликтных вопросов, а также в том, что немалая часть представителей власти так или иначе прошла через систему западного образования. Однако это не исключительная черта балканских политических элит.

Для реализации обновленной стратегической повестки, не отменяющей и не оспаривающей при этом их европейского пути, политические элиты готовы вступать в различные ситуативные союзы внутри региона и по его периметру, что прежде не было характерно для политического руководства государств, которые стремились в европейскую орбиту. Яркий пример тому – сближение в форматах Сербия – Македония – албанцы и Сербия – Венгрия – Македония – Республика Сербская – Словакия. Помимо этого, правящие круги балканских государств готовы до некоторой степени координировать свои действия и стратегии экономического развития с западными акторами.

Вместе тем, как и любое другое политическое пространство, балканское не существует без чаяний и ожиданий его обществ. Во всех странах социум остается предельно консервативным. В ряде стран – например, Черногории и Боснии и Герцеговине – для него характерна апатия. Во всех государствах Юго-Восточной Европы усиливается демографический отток и растет значимость фактора диспарности. В Сербии общество находится в состоянии гражданского подъема, спровоцированного нерешенностью проблем, оставшихся после распада СФРЮ, а также увеличивающимся непониманием внешнеполитических действий власти. Однако пока сложно спрогнозировать, что станет итогом данного подъема. В Боснии и Герцеговине проявляются все указанные выше элементы в условиях дисфункциональности единого государства и отсутствия консенсуса относительно будущего страны среди политических элит. В этом смысле можно говорить о постепенной «балканизации» обществ, но не политических элит.

Представляется, что, как и в случае с остальной Европой, Балканы переживают процесс отмирания классических представлений как о партийных системах, так и о взаимодействии общества и власти в электоральном поле. Поэтому одной из реакций общества является ожидание прихода во власть новых людей, с новой повесткой и новыми установками, пусть и через переходный период технократов. В целях качественного развития и мира, и конкретно региона важно, чтобы они не были монополизированы одним-единственным идейным лагерем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Власть – общество – реформы: Центральная и Юго-Восточная Европа. Вторая половина XX века / отв. ред. Э.Г. Задорожнюк. М.: Наука, 2006. 441 с.

Ella G. Zadorozhnyuk, ed. *Vlast' – Obshchestvo – Reformy: Tsentral'naya i Yugo-Vostochnaya Evropa. Vtoraya Polovina XX Veka*. Moscow: Nauka, 2006 [In Russian].

Давыдов, Д.А. Узкая дихотомия. Будущее за пределами «традиционного» и «модерного» // Россия в глобальной политике. 2025. Т. 23. № 1. С. 184–202. <http://doi.org/10.31278/1810-6439-2025-23-1-184-202>.

Davydov, Dmitry A. "A Narrow Dichotomy: The Future Beyond Tradition and Modernity." *Russia in Global Affairs* 23, no. 1 (2025): 184–202 [In Russian].

Кандель, П.Е. Партийный пасьянс на юго-востоке Европы // Выборы в Европейский парламент 2024 г.: этап эволюции партийной системы Старого Света / отв. ред. В.Я. Швейцер. М.: Ин-т Европы РАН, 2024а. С. 111–119.

Kandel, Pavel E. "Partiyniy Pas'jans na Yugo-Vostoke Evropy." In *Vybory v Evropeiskii Parlament 2024 g.: Ehtap Ehvolyutsii Partiinoi Sistemy Starogo Sveta*, edited by

Vladimir Ya. Shveitser, 111–119. Moscow: IE RAS, 2024a [In Russian].

Кандель, П.Е. Националистические сюжеты на последних выборах в странах Юго-Восточной Европы // Этничность, миграционные и электоральные процессы в современной Европе / отв. ред. Л.О. Бабынина. М.: Ин-т Европы РАН, 2024b. С. 51–61.

Kandel, Pavel E. "Natsionalisticheskie Syuzhety na Poslednikh Vyborakh v Stranakh Yugo-Vostochnoi Evropy." In *Ethnicity, Migration and Electoral Processes in Contemporary Europe*, edited by Ludmila O. Babynina, 51–61. Moscow: IE RAS, 2024b [In Russian].

Кандель, П.Е. Западные Балканы между «Старой» и «Новой Европой» // Россия и Центральная Европа в новых геополитических реальностях: сб. ст. участников XII междунар. науч. конф. Россия и Центральная Европа в новых геополитических реальностях, Москва, 30 ноября 2017 г. / отв. ред. Л.Н. Шишелина. М.: ИЕ РАН, 2018. С. 147–153.

Kandel, Pavel E. "Zapadnye Balkany mezhdru 'Staroi' i 'Novoi' Evropoi." In *Rossiya i Tsentral'naya Evropa*

v *Novykh Geopoliticheskikh Real'nostyakh*, edited by Lyubov N. Shishelina, 147–153. Moscow: IE RAS, 2018 [In Russian].

Кандель, П.Е. О «цветных» и «бесцветных» революциях в Юго-Восточной Европе // «Экспорт демократии» и сетевые технологии в современном социально-политическом процессе / сост. Бондарева Е.А. М.: Фонд исторической перспективы, 2017. С. 114–121.

Kandel, Pavel E. "O 'Tsvetnykh' i 'Bestsvetnykh' Revolyutsiyakh v Yugo-Vostochnoi Evrope." In *«Ehksport Demokratii» i Setevye Tekhnologii v Sovremennom Sotsial'no-Politicheskom Protseste*, edited by Elena A. Bondareva, 114–121. Moscow: Fond Istoricheskoi Perspektivy, 2017 [In Russian].

Каспя, С.И. Глобальный стасис как партийная система // Россия в глобальной политике. 2024. Т. 22. № 2. С. 97–130. <http://doi.org/10.31278/1810-6439-2024-22-2-97-130>.

Kaspe, Svyatoslav I. "Global Stasis as a Party System, or Welcome to World Civil War I." *Russia in Global Affairs* 22, no. 2 (2024): 97–130 [In Russian].

Комта, М. Политические элиты и становление политической системы на примере Европейского союза // Сравнительная политика. 2012. Т. 3. № 3(9). С. 24–45. [https://doi.org/10.18611/2221-3279-2012-3-3\(9\)-24-45](https://doi.org/10.18611/2221-3279-2012-3-3(9)-24-45).

Cotta, Maurizio. "Political Elites and a Polity in the Making: The Case of EU." *Comparative Politics Russia* 3, no. 3(9) (2012): 24–45 [In Russian].

Орлов, А.А. Кризис двухполюсных партийных систем в странах Западной Европы // Обзоратель. 2022. № 5–6. С. 79–88. http://doi.org/10.48137/2074-2975_2022_5-6_79.

Orlov, Aleksandr A. "The Crisis of Bipolar Party Systems in Western Europe." *Observer*, no. 5–6 (2022): 79–88 [In Russian].

Очерки политической истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Конец XX — начало XXI в. / отв. ред. К.В. Никифоров. М.; СПб.: Нестор-История, 2020. 464 с.

Konstantin V. Nikiforov, ed. *Ocherki politicheskoi istorii stran Tsentral'noi i Yugo-Vostochnoi Evropy. Konets XX — nachalo XXI v.* Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2020 [In Russian].

Руткевич, Н.А. Кто они, где они, за что они и почему // Россия в глобальной политике. 2024. Т. 22. № 4. С. 182–201. <http://doi.org/10.31278/1810-6439-2024-22-4-182-201>.

Rutkevich, Natalia A. "Who They Are, Where They Are, What They Are For and Why." *Russia in Global Affairs* 22, no. 4 (2024): 182–201 [In Russian].

Семененко, И.С., Прохоренко, И.Л. От проекта элит к массовой политике: вызовы политизации европейской интеграции // Мировая экономика и международные отношения. 2015. № 7. С. 29–40. <http://doi.org/10.20542/0131-2227-2015-7-29-40>.

Prokhorenko, Irina L., and Irina S. Semenenko. "From Elitist Project to Mass Politics: Challenges of Politicization to European Integration." *MEMO Journal*, no. 7 (2015): 29–40 [In Russian].

Смирнов, В.А., Сутырин, В.В. Эволюция подходов к изучению политических элит в посткоммунистических странах Центральной и Восточной Европы: случай Литвы // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2011. Т. 7. № 2. С. 115–137.

Smirnov, Vadim A., and Vyacheslav V. Sutyryn. "The Evolution of Approaches Towards Elite Research in Post-Communist Countries of Central and Eastern Europe: A Case Study of Lithuania." *Political Expertise POLITEX* 7, no. 2 (2011): 115–137 [In Russian].

Трансформационные революции в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. К 30-летию событий. 1989–2019 / отв. ред. К.В. Никифоров. М.: Институт славяноведения РАН; СПб.: Нестор-История, 2021. 400 с.

Konstantin V. Nikiforov, ed. *Transformatsionnye revolyutsii v stranakh Tsentral'noi i Yugo-Vostochnoi Evropy. K 30-letiyu sobytiy. 1989–2019*. Moscow: Institute of Slavic Studies of the RAS; St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2021 [In Russian].

Улуныан, А.А. Парламентские выборы в Албании: в поисках новой альтернативы (2013–2021) // Актуальные проблемы Европы. 2023. № 2(118). С. 191–216. <http://doi.org/10.31249/ape/2023.02.09>.

Ulunyan, Artyom A. "Parliamentary Elections in Albania: In Search of a New Alternative (2013–2021)." *Current Problems of Europe*, no. 2(118) (2023): 191–216 [In Russian].

Энтина, Е.Г. Парламентские выборы в Косово 9 февраля 2025 года в контексте развития отношений между Белградом и Приштиной // Аналитические записки Института Европы РАН. 2025. Вып. 1, № 2(370). С. 10–16. <http://doi.org/10.15211/analyt1220251016>.

Entina, Ekaterina G. "Parliamentary Election in Kosovo on February 9, 2025 in the Context of Relations Between Belgrade and Pristina." *Analytical Paper of IE RAS* 1, no. 2(370) (2025): 10–16 [In Russian].

Энтина, Е., Бондарев, Н., Пророкович, Д., Лобанов, М., Наджаров, А., Пивоваренко, А., Иветич, С., Энтин, М., Павловски, Н., Степанов, Н., Артемьев, С., Быкова, Е., Благодатских, Т., Матюшкин, С., Медведева, А., Алексеева, М. Долгое эхо 1999 / под общ. Ред. Е. Энтиной. М.: Зебра Е, 2024. 242 с.

Entina, Ekaterina, Nikita Bondarev, Dušan Proroković, Mikhail Lobanov, Alexander Najarov, Alexander Pivovarenko, Stefania Ivetić, Mark Entin, Nikolai Pavlovsky, Nemanja Stepanov, Sergei Artemov, Elizaveta Bykova, Tamara Blagodatskikh, Sergei Matiushkin, Anna Medvedeva, and Maria Alekseeva. *Lasting Echo 1999*, edited by E. Entina. Moscow: Zebra E, 2024 [In Russian].

Bechev, Dimitar, and Svetozlar Andreev. "Social Capital and the EU Institution-Building Strategies for the Western Balkans." *Integrating the Balkans in the EU (IBEU) Project*. Unpublished working paper. May 2004.

Bieber, Florian, and Irena Ristić. "Constrained Democracy: The Consolidation of Democracy in Yugoslav Successor States." *Southeastern Europe* 36, no. 3 (2012): 373–397.

Electoral Systems in the Western Balkans: More Democracy, More Accountability? Research paper, edited by Dejan Bursać. Beograd: Centar za društveni dijalog i regionalne inicijative, 2021 (Novi Sad: Futura). 48 p.

Glaudić, Josip. *Vrijeme Evrope: Zapadne sile i raspad Jugoslavije*. Zagreb: Mate, 2011. 435 str.

Glaudić, Josip. *The Time of Europe: The Western Powers and the Breakup of Yugoslavia*. Zagreb: Mate, 2011 [In Croatian].

Laštro, Claudia, and Florian Bieber. "Democratic Patterns and Party Systems in the Western Balkans." *Zeitschrift für Vergleichende Politikwissenschaft* 17 (2023): 59–75. <https://doi.org/10.1007/s12286-023-00564-w>.

Mainwaring, Scott, and Edurne Zoco. "Political Sequences and the Stabilization of Interparty Competition: Electoral Volatility in Old and New Democracies." *Party Politics* 13, no. 2 (2007): 155–178.

Featherstone, Kevin, and Claudio M. Radaelli, eds. *The Politics of Europeanization*. London: Oxford University Press, 2003. 351 p.

Сведения об авторе

Екатерина Геннадьевна Энтина,

д.полит.н., профессор, директор Центра средиземноморских исследований НИУ ВШЭ

115184, Россия, Москва, ул. Малая Ордынка, 17

руководитель Отдела Черноморско-Средиземноморских исследований

Института Европы РАН

125009, Россия, Москва, ул. Моховая, 11-3В

e-mail: e.entina@hse.ru

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 20 сентября 2025.

Переработана: 1 декабря 2025.

Принята к публикации: 5 декабря 2025.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Цитирование

Энтина, Е.Г. Балканизация, американизация или европеизация:

что происходит с политическими элитами и электоральными процессами
в странах Юго-Восточной Европы? // Международная аналитика. 2025. Том 16 (4). С. 58–76.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2025-16-4-58-76>

Balkanization, Americanization, or Europeanization: What is Going on with the Political Elites and Electoral Processes in the Countries of Southeast Europe?

ABSTRACT

The political development of the countries of South Eastern Europe after the collapse of the bipolar system of international relations is most often considered in academic literature as a derivative of the processes in the western part of the continent. After the launch of the European integration project in the Balkans, the relevance of this approach became even more obvious. However, this approach minimizes the impact of internal factors, including socio-political and value-based ones, as well as the role played by the rapidly changing international economic, political and legal environment. This article examines the internal political processes in the Balkans through the prism of the systemic consequences of the collapse of the socialist world, which still have an important impact on the development of the region. In addition, the study assesses how common EU factors are reflected in the Balkan environment. The research concludes that despite the obvious commonality and interconnectedness of European political processes in all subregions, the traditional explanations for the Balkans through the phenomena of Balkanization, Americanization and Europeanization are not exhaustive. However, it is in the Balkans that the public's demand of new types of leaders and parties is most evident, due to growing disillusionment and, in some republics, a credibility gap between the government and society.

KEYWORDS

party and political systems, electoral cycles, elections, Balkanization, Europeanization, political elites

Author

Ekaterina G. Entina,

PhD (Polit. Sci.), Director, Mediterranean Studies Centre, Faculty of World Economy and International Affairs, National Research University Higher School of Economics

17, Malaya Ordynka street, Moscow, Russia, 115184

Head, Department of Black and Mediterranean Sea studies, Russian Academy of Sciences

11-3V, Mokhovaya street, Moscow, Russia, 125009

e-mail: e.entina@hse.ru

Additional information

Received: September 20, 2025. Revised: December 1, 2025. Accepted: December 5, 2025.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the author.

For citation

Entina, Ekaterina G. "Balkanization, Americanization, or Europeanization: What is Going on with the Political Elites and Electoral Processes in the Countries of Southeast Europe?" *Journal of International Analytics* 16, no. 4 (2025): 58–76.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2025-16-4-58-76>.

«Пропаганду нельзя экспертизу!»: СМИ и аналитические центры Италии и Германии о президентских выборах в России 2024 года

Максим Владимирович Вилисов, ИНИОН РАН, Москва, Россия

Лилия Ильдаровна Биктимерова, РАНХиГС, Москва, Россия

Контактный адрес: vilisov@centero.ru

АННОТАЦИЯ

В статье на примере медийного и аналитического освещения президентских выборов в России в 2024 г. показаны подходы СМИ и аналитических центров Германии и Италии к собственному публичному позиционированию и воздействию на различные целевые аудитории в условиях геополитической конфронтации и смены мирового порядка. Приняв идею о неизбежной фрагментации мира и оказавшись в идейном вакууме, возникшем из-за резкого роста конфликтности в отношениях Германии, Италии, ЕС и Запада в целом – с Россией, аналитические центры оказались перед выбором: прибегнуть к политизации своей деятельности под влиянием контекста или сохранить более сдержанную и объективную модальность работы. Обе стратегии дают этим организациям возможность сберечь или приумножить влияние – с помощью механизмов «жесткой» или «мягкой» силы, а также «идеационной власти» – при определенном позиционировании аналитических центров в информационном пространстве своих государств. Однако те же стратегии сопряжены с неизбежными потерями влияния при ином подходе «мозговых центров» к формированию своего имиджа в обществ. При этом ведущие аналитические центры Италии и Германии, специализирующиеся в области внешней политики, пока имеют возможность действовать в нейтральной модальности, что сохраняет для них перспективу конструктивного взаимодействия с российским экспертным сообществом в случае возобновления политического диалога с Россией.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

аналитический центр, идеационная власть, мягкая сила, пропаганда, стратегическая коммуникация, фрейминг, дискурсивный анализ, политизация аналитики

Актуальность исследования

Геополитическая конфронтация с Россией, перешедшая в активную фазу после 24 февраля 2022 г., поставила новые вызовы перед политическими и интеллектуальными элитами европейских государств, в том числе в части интерпретации и прогнозирования российской политики и выработки политического курса в отношении России, постсоветского пространства и Евразии. Европейские эксперты оказались практически единодушны, восприняв эти события в контексте формирования нового мирового порядка¹ (или «смены эпох» – *Zeitenwende* – в Германии²), в рамках которого европейские государства в составе «западного мира» осудили Россию за проведение Специальной военной операции (СВО) на Украине³. В этом отношении Германия и Италия представляют собой наиболее интересные примеры государств, которые имели тесные экономические и политические отношения с Россией, но потом радикально изменили политический курс. Произошедший разворот еще не нашел должного научно-экспертного осмысления, сформировав в Германии «смысловый вакуум» на фоне краха прежних стратегических политических установок в отношении России в духе «изменения через сближение»⁴.

Аналитические («мозговые») центры указанных государств, существенно проигрывающие в степени общественного влияния и вовлеченности в процесс формулирования политики и принятия решений в сравнении с аналогичными организациями США и Великобритании⁵, значительно реже попадают в фокус внимания российских исследователей⁶. Особенно это касается итальянских экспертных структур⁷. Тем больший интерес представляет рассмотрение их деятельности на примере информационно-аналитического освещения президентских выборов в России в 2024 году. Данный выбор представляется удачным как с точки зрения доступности данных (прошло уже достаточно времени после эскалации украинского кризиса в 2022 г., при этом относительно немного – после президентских выборов и подведения их итогов), так и с точки зрения политической значимости самого голосования. Последнее имеет значение, во-первых, в контексте оценки западными экспертами института президентства в России, во-вторых – ввиду фактически плебисцитарного характера данных выборов в сложившихся геополитических реалиях, что имеет решающее значение для обеспечения легитимности власти и реализуемого ею курса.

Исследовательская задача и подходы к ее решению

Главное политическое событие в государстве, воспринимаемом в качестве геополитического оппонента и объекта политического воздействия с использо-

1 Пархалина 2023, 223.

2 Тимофеев et al. 2023, 49.

3 Пархалина 2023, 223.

4 Тимофеев et al. 2023, 45.

5 Alina Orrico, Jessica Correa, Julie LaFrance, and Shannon Sutton, "Think Tank Landscape Scan 2022: Germany," OTT, November 18, 2022, accessed August 20, 2025, <https://onthinktanks.org/articles/think-tank-landscape-scan-2022-germany/>; Alina Orrico, Jessica Correa, Julie LaFrance, and Shannon Sutton, "Think Tank Landscape Scan 2022: Italy," OTT, November 18, 2022, accessed August 20, 2025, <https://onthinktanks.org/articles/2838021-2/>.

6 Тимофеев et al. 2023.

7 Давлетшина, Жегалова 2024.

ванием «жесткой» и «мягкой» силы¹, дает аналитическим центрам Германии и Италии большое пространство для анализа и интерпретаций, которые тем не менее могут быть существенно ограничены рамками конфронтации. Последний фактор, в свою очередь, может накладывать отпечаток на траектории развития соответствующих экспертно-аналитических структур, в том числе в контексте различных сценариев урегулирования украинского кризиса и шире – развития отношений между Западом и Россией. Приняв в качестве базовой доктрины стратегию фрагментации мирового порядка с разделением его на три основных лагеря («демократические», «авторитарные» и «нейтральные» государства)², интеллектуальные и политические элиты европейских государств вынуждены формировать новые объяснительные модели мировой политики для общественного и профессионального использования. Осуществление такой сложной и ответственной деятельности в режиме реального времени неизбежно сопряжено с ошибками и требует формирования определенных адаптационных стратегий.

В связи с этим исследовательская задача формулируется на основе распространенного мнения о том, что аналитические центры должны быть «производителями идей» для политики³. В какой мере аналитические центры могут осуществлять эту функцию теперь, когда на фоне кризиса, связанного с переоценкой европейского подхода к отношениям с Россией, и общественного давления элита внесла во многом вынужденные изменения в параметры политического курса? Как идеи, комментарии и оценки, которые публикуют аналитические центры, соотносятся с общественным мнением и различными идеологическими парадигмами в медийном пространстве? В какой мере аналитические центры сохраняют ценность как институт, каким тенденциям подвержена публичная и деловая репутация каждой «фабрики мыслей» в таких условиях и какие действия они предпринимают, чтобы сохранить, восстановить или приумножить свое влияние?

Хронологические рамки исследования определяются февралем – мартом 2024 г. в части исследования актуальных комментариев СМИ и аналитических центров, а также мартом – декабрем 2024 г. в части обзорных и аналитических докладов исследуемых «мозговых центров»⁴. Сравнительные исследования охватывают более обширные временные рамки, относящиеся к периоду после завершения холодной войны.

Теоретическую основу исследования составляют представления о соотношении «жесткой» и «мягкой» силы, а также пропаганды в концептуальном изложении М.М. Лебедевой⁵, концепт «идеационной власти»⁶, а также общие теоретические представления о роли аналитических центров в современной политике. Соотношение «жесткой» и «мягкой» силы, а также «мягкой силы» и пропаганды⁷, предложенное М.М. Лебедевой в рамках концептуальной систематизации, позволяет предположить, что в международных отношениях пропаганда

1 Тимофеев et al. 2023.

2 Ibid.

3 Braml 2004; Campbell 1998; Drezner 2017; McGann 2016; Ruser 2018; Вилисов 2023; Вилисов 2024; Комиссина 2017; Малинова 2013.

4 В данной статье термины «аналитический центр», «мозговой центр» и «фабрика мысли» используются как синонимы.

5 Лебедева 2017.

6 Carstensen, Schmidt 2016; Вилисов 2023; Шмерлина 2016.

7 Лебедева 2017, 215–216.

скорее свойственна реализму, а «мягкая сила» – неолиберализму¹. Если же рассмотреть пропаганду и «мягкую силу» через концептуальную призму конструктивизма, то можно сформулировать представление о «силовых полях» в международных отношениях, которые определяются как потенциал взаимодействия общественно-политических акторов, действующих в сфере общественной дипломатии. К таким акторам относятся субъекты, которые публично формируют и / или транслируют «идеи» (цели, ценности, нормы) и готовы их отстаивать, в том числе в противодействии инструментам «жесткой» и «мягкой» силы². Появление «идей» как инструмента действия и объекта анализа позволяет использовать теоретические рамки «идеационной власти». Концепция «идеационной власти», сформулированная изначально в рамках теоретического направления дискурсивного институционализма³, описывает доминирование и принуждение через контроль над «пространством идей»: «власть через идеи» как способность убедить других, «что думать и делать»; «власть над идеями» как способность «навязать» идеи в процессе формирования политики или противодействовать такому навязыванию; и «власть в идеях» как институциональное или интеллектуальное доминирование, способное определять субъектность в производстве идей, а также фреймировать сознание⁴. Эта концепция качественно дополняет описанные выше теоретические конструкции.

Концепция «мягкой силы» применяется преимущественно к международным отношениям, в то время как «идеационная власть» не привязана к характеру политических отношений, национальные они или международные, и лучше отражает специфику глобального информационного пространства. Она позволяет проследить борьбу аналитических центров за интеллектуальное доминирование как среди себе подобных, так и среди общественности и политической элиты⁵. К тому же концепция «идеационной власти» показывает, как доминирование в сфере идей, достигаемое изначально разными методами, в том числе методами пропаганды, может превратиться из краткосрочного в долгосрочное путем интеллектуального подчинения объекта воздействия – то есть дает возможность связать пропаганду и «мягкую силу». Соотношение всех перечисленных концепций приведено в *Таблице 1*.

1 Лебедева 2017.

2 Вилисов 2024, 26.

3 Carstensen, Schmidt 2016; Шмерлина 2016.

4 Carstensen, Schmidt 2016, 321.

5 Вилисов 2023.

Таблица 1.

СОПОСТАВЛЕНИЕ «ЖЕСТКОЙ ВЛАСТИ», «МЯГКОЙ ВЛАСТИ»,
ПРОПАГАНДЫ И «ИДЕАЦИОННОЙ ВЛАСТИ»COMPARISON OF HARD POWER, SOFT POWER,
PROPAGANDA AND IDEATIONAL POWER

«Идеационная власть»	«Жесткая власть»		«Мягкая власть»	
			Пропаганда	
	Материальное принуждение (увольнения, ограничения деятельности) и стимулирование (гранты, предложение работы)	Моральное принуждение (культура отмены, дискредитация) и стимулирование (цитирование, продвижение в публичной сфере)	Определение целеполагания	Привлекательность
«Власть через идеи»	-	-	+	+
«Власть над идеями»	+	+	-	-
«Власть в идеях»	+	+	+	+

Источник: составлено авторами.

Добываясь путем убеждения и интеллектуального лидерства в формате «мягкой силы» (в том числе с использованием инструментов пропаганды) определенной привлекательности и готовности следовать их идеям, субъекты «идеационной власти» получают «власть через идеи». Опираясь на полученный авторитет и действуя в формате «власть над идеями», они стремятся не только сохранить этот авторитет, но и навязать свои идеи политическим акторам и оппонентам, используя доступные им на этом этапе механизмы «жесткой силы» материального и нематериального характера. Одержав верх над оппонентами, они пытаются легитимировать собственную гегемонию через постоянно действующие институты, которые воспроизводят доминирующие идеи и поддерживающие их ценности в формате «власти в идеях», которая, при внешнем сходстве с «мягкой силой», была все же получена в интенсивном идейном и политическом противоборстве.

Освещение российских выборов 2024 г. в Италии

Описанные теоретические конструкции позволяют рассмотреть деятельность аналитических центров на примере информационной работы вокруг президентских выборов в России. Они получили достаточно широкое освещение в итальянских медиа и в СМИ на итальянском языке, выходящих за пределы государства. Так, только за неделю до выборов, по данным поисковой системы *Lexis Newsdesk*, на итальянском языке вышло 829 публикаций¹, посвященных этой теме, из них 778 – в Италии. Выборы освещались как традиционными СМИ (газеты, журналы, радио и телевидение), так и электронными, в том числе на интернет-ресурсах традиционных. Важно отметить, что на итальянском языке и на

1 Поисковый запрос по ключевому словосочетанию *elezioni Russia*, который предполагал отбор новостных сообщений только с указанным словосочетанием. Период обзора – с 1 по 12 марта 2024 года.

итальянскую аудиторию вещают не только итальянские компании, но и обще-европейские, а также журналисты из Великобритании и США, что делает италоязычное медийное пространство достаточно неоднородным с точки зрения политико-идеологической репрезентации.

Качество автоматической выборки системы *Lexis Newsdesk* по результатам проверки оказалось невысоким: доля материалов, релевантных поисковому запросу «выборы в России», составила не более 60 %, поэтому был проведен дополнительный «ручной» сбор данных о публикациях итальянских СМИ в период избирательной кампании и самих выборов, который существенно дополнил картину¹. Итоговая выборка показала, что тема российских президентских выборов не нашла широкого освещения в ведущих итальянских медиа: были отмечены единичные публикации в центральных СМИ: в консервативной *Corriere della Serra*, либеральной *Il Foglio* и правоконсервативном *Il fatto quotidiano* – при этом значительным было количество публикаций на италоязычных порталах: *HuffPost* (глобальный информационный портал либеральной направленности, базирующийся в США), *Euronews*, *BBC*.

В целом негативную аргументацию итальянских журналистов можно структурировать в четыре основных тезиса:

- тезис о нелегитимности выборов на фоне рассуждений о недопуске любой «настоящей» оппозиции;
- тезис о нелегитимности выборов из-за их проведения на территории новых субъектов Российской Федерации;
- тезис о манипуляциях в ходе проведения выборов: увеличении сроков голосования, введении онлайн-голосования и т.д.;
- тезис об авторитарных тенденциях в российской политике, которые якобы только подтверждаются проводимыми выборами: эти тенденции, как заявляется, будут способствовать усилению противостояния России с Западом, в том числе продолжению боевых действий на Украине.

Эти тезисы вполне укладываются в описанную выше концепцию фрагментации мирового порядка, в рамках которой Россия рассматривается в качестве активного и опасного для ЕС представителя «авторитарных государств». Всестороннее и многократное подтверждение этого положения дел, в том числе и с использованием инструментов пропаганды, и стало мейнстримом информационного освещения российских президентских выборов в Италии. При этом надо отметить, что общая тональность публикаций в медийном пространстве Италии была более взвешенной по сравнению с Германией (см. ниже), где освещение выборов часто сопровождалось редакционными статьями, раскрывающими отдельные сюжеты российской политики с авторской точки зрения и с минимальной фактической аргументацией, которая часто использовалась избирательно для поддержки мнения автора. Итальянские СМИ допускали нейтральные публикации альтернативных точек зрения собственных политиков в отношении выборов в России, в то время как СМИ в Германии сопровождали публикацию

1 Этот поиск осуществлялся как через систему *Google* (поисковые запросы на итальянском языке: *elezioni Russia, programma elettorale Russia, cambio (cambiamento) di regime Russia, voto elettronico Russia, Commissione Elettorale Centrale della Federazione Russa, Putinismo, autocrazia Russia, democrazia Russia, opposizione Russia*), так и на сайтах соответствующих СМИ.

таких мнений комментариями относительно их маргинальности и связей с российской стороной. Комментарии российских экспертов и политиков, проживающих в России, при подготовке публикаций не использовались. Это вполне соответствует логике борьбы итальянских властей с «вмешательством России во внутренние дела Италии»¹, в том числе «через влияние на академическое сообщество и "аналитические центры"»².

Для обзора реакции итальянского научно-экспертного сообщества на президентские выборы в России изучались публикации неакадемических аналитических центров, специализирующихся в области мировой политики и международных отношений. Этот кластер аналитических структур в Италии развит слабее, чем «фабрики мысли» из сферы социально-экономической политики, менее связан с реальной политикой и процессом принятия решений и в меньшей степени подвержен идеологической индоктринации³.

На основе анализа списка ведущих итальянских организаций, входящих в международный рейтинг *Global Go To Think Tank Index 2020* (использовались данные за 2020 г., так как в 2021 г. обновление рейтингов прекратилось⁴), и релевантных научных публикаций⁵, был составлен список из трех ведущих центров, занимающихся вопросами внешней политики (см. *Таблицу 2*):

Таблица 2.

**ВЕДУЩИЕ ИТАЛЬЯНСКИЕ АНАЛИТИЧЕСКИЕ ЦЕНТРЫ,
ЗАНИМАЮЩИЕСЯ ВОПРОСАМИ ВНЕШНЕЙ
ПОЛИТИКИ И МЕЖДУНАРОДНЫМИ ОТНОШЕНИЯМИ**

TOP ITALIAN THINK TANKS ON FOREIGN POLICY AND INTERNATIONAL AFFAIRS

Название	Позиция в рейтинге <i>Global Go To Think Tank Index 2020</i>
<i>Institute for International Political Studies (ISPI)</i>	16
<i>Istituto Affari Internazionali</i>	18
<i>Centro Studi Internazionali (Ce.S.I.)</i>	115

Источник: составлено авторами на основе рейтинга *Global Go To Think Tank Index 2020*.

Исследуемые аналитические центры не выпускали специальных материалов, посвященных анализу президентских выборов в России, ограничившись лишь информационными комментариями, как самостоятельными (*ISPI* и *IAI*), так и в рамках более широкого контекста (как правило, в связи с конфликтом вокруг Украины либо с российской или международной политикой). Доступные для изучения материалы отражают саркастическое сравнение результатов выборов в России и постсоветских республиках (например, публикация *ISPI*, приуроченная к инаугурации В.В. Путина 7 мая 2024 г., с заголовком «Путин – "новый" президент России»⁶), сравнение выборов в Венесуэле с выборами «а-ля

1 Маслова 2024, 164.

2 См., например: Di Pasquale, Germani 2021.

3 Longhini 2015, 588–590; Lucarelli, Radaelli 2004, 92–93.

4 James G. McGann, "2020 Global Go To Think Tank Index Report," TTCSP Global Go To Think Tank Index Reports, January 28, 2021, accessed August 20, 2025, <https://repository.upenn.edu/entities/publication/9f1730fa-da55-40bd-a1f4-1c2b2346b753>.

5 Longhini 2015, 575–579; Lucarelli, Radaelli 2004, 92.

6 "Putin is il 'nuovo' presidente della Russia (Putin is the 'New' President of Russia)," ISPI, May 7, 2024, accessed August 20, 2025, <https://shorturl.at/o3gko>.

Путин»¹, а также пример того, как отражались выборы ранее, в 2021 году². Среди материалов есть также публикации с критикой голосования в новых регионах Российской Федерации³.

Можно отметить, что для итальянских аналитических центров президентские выборы 2024 г. не стали самостоятельным сюжетом: в отличие от своих немецких коллег, они не стали заниматься производством новых идей, связанных с изучаемым политическим дискурсом, и фактически устранились от участия в его развитии или публичном формировании в качестве самостоятельной темы, как это стало в СМИ. Это может объясняться как спецификой политической культуры государства, в котором аналитические центры традиционно малоизвестны для широкой публики, обладают незначительным влиянием по сравнению с США и другими европейскими государствами (например – с Германией)⁴, а также находятся на относительно низком по европейским меркам уровне⁵, так и сознательным стремлением снизить риски от политизации своей деятельности, в том числе на фоне низкой вовлеченности в реальные политические процессы и слабой ангажированности крупнейшими политическими силами. Ведущие итальянские аналитические центры, занимающиеся вопросами международных отношений и внешней политики, такие как *ISPI*, *IAI*, *Ce.S.I.*, остаются институционально и функционально встроенными в национальный политический и деловой контекст, что препятствует их системной интеграции в западное экспертное сообщество⁶. Отказ от использования и наращивания «мягкой силы» и «идеационной власти» для них в данном случае может быть объяснен сравнительно малыми возможными приобретениями (вряд ли они смогут значительно увеличить свое общественное или политическое влияние) на фоне высоких потенциальных рисков, к которым относится потеря деловой репутации.

Освещение президентских выборов в Германии

Президентские выборы в России получили достаточно широкое освещение в немецких СМИ и в изданиях на немецком языке, выходящих за пределами ФРГ. Так, только за неделю до выборов, по данным поисковой системы *Lexis Newsdesk*, на немецком языке вышло 742 публикации⁷, посвященных российским выборам, из них 556 – в Германии. Помимо традиционных форматов (печатной прессы, радиовещания и телевизионных репортажей), средства массовой информации освещали выборы и в интернете. Важную роль при этом сыграли онлайн-версии классических новостных изданий. Примечательно,

1 Emiliano Guanella, "Elezioni 'alla Putin' per il Venezuela? ('Putin-Style' Elections for Venezuela?)," ISPI, March 27, 2024, accessed August 20, 2025, <https://www.ispionline.it/it/publicazione/elezioni-alla-putin-per-il-venezuela-168109>.

2 Eleonora Tafuro Ambrosetti, "Tre considerazioni sulle elezioni in Russia (Three Observations on the Elections in Russia)," ISPI, September 20, 2021, accessed August 20, 2025, <https://www.ispionline.it/it/publicazione/tre-considerazioni-sulle-elezioni-russia-31720>.

3 "Video: Putin stravince le elezioni nei territori occupati (Video: Putin Wins Elections by a Landslide in Occupied Territories)," ISPI, September 18, 2023, accessed August 20, 2025, <https://shorturl.at/8mCFW>.

4 Longhini 2015; Lucarelli, Radaelli 2004.

5 Анализ *European Data Journalism Network* показал: «Хотя Италия и занимает четвертое место в Евросоюзе по общему числу аналитических центров, в сумме лишь пять из них смогли расположиться выше одиннадцатых мест в тематических рейтингах «оборона и национальная безопасность», «внешняя политика и международные отношения» и «национальное здравоохранение». Подробнее см.: "UK and Germany Lead EU's Think Tank Ranking," *European Data Journalism Network*, April 16, 2019, accessed July 13, 2025, <https://shorturl.at/qBRWT>.

6 Longhini 2015, 589–590.

7 Поисковый запрос по ключевым словосочетаниям *Wahlen Russland* и *Elektron Russland*, который предполагал поиск новостных сообщений только с указанными словосочетаниями. Хронологические рамки – с 1 по 12 марта.

что германоязычное медиапространство не сводится только к местным источникам информации – в него входят также вещатели из других германоязычных государств Европы, общеевропейские, британские и американские СМИ. Вследствие этого медиасреда на немецком языке демонстрирует заметную «перестроту» политических и идеологических взглядов.

Качество автоматической выборки системы *Lexis Newsdesk* по результатам ручной проверки оказалось невысоким: процент релевантных поисковому запросу «выборы в России» публикаций оказался не более 65 %. При формировании выборки автоматического поиска в этой системе была возможность получить автоматическую оценку позитивной или негативной тональности. Из всего массива публикаций, автоматически определенных в качестве негативных, было 55, в которых отрицательные упоминания касались ключевых слов и словосочетаний: «Владимир Путин», «Элла Памфилова», «Россия», «Украина» и др. Необходимо отметить, что точно такие же категории отмечались как позитивные, что позволяет судить о низком качестве автоматической оценки разницы между позитивными и негативными сообщениями в выбранной информационной системе. Для компенсации недостатков автоматического обзора был проведен дополнительный «ручной» сбор данных о публикациях СМИ, вещавших на аудиторию Германии в период избирательной кампании и самих выборов, который существенно дополнил исходную выборку¹.

В немецких СМИ доминировало в основном негативное или сдержанно-негативное отношение к президентским выборам в России. Существенную роль в формировании такой тональности сыграли комментарии публичных политиков и информационный фон, создававшийся мировыми СМИ со ссылкой на представителей российской оппозиции, эмигрировавших на Запад.

В целом негативную аргументацию немецких СМИ можно структурировать в несколько тезисов:

- негативно-эмоциональные аргументы, связанные с «авторитарными тенденциями» в российской политике и неприятием актуальной российской политики в целом;
- непризнание результатов выборов на территории новых регионов или по всей России (по разным причинам);
- совершение манипуляций, способных повлиять на результаты выборов;
- признание наличия в Германии иной политической или экспертной позиции по отношению к российским выборам (в качестве внутренней угрозы).

Наиболее часто используемые слова (облако тегов представлено на *Рисунке 1*) подчеркивают следующие ключевые характеристики:

- недемократичность выборов: термины *Scheinwahl* («фиктивные выборы»), *Pseudowahl* («псевдовыборы»), *Wahlfälschung* («фальсификация») и *keine Wahl* («отсутствие выбора») акцентируют внимание на отсутствии реальной конкуренции и прозрачности;

1 Этот поиск осуществлялся как через поисковую систему Google (поисковые запросы на немецком языке: *Wahlen / Election Russland, Wahlprogramm Russland, Regimewechsel Russland, elektronische Stimmabgabe Russland, Zentrale Wahlkommission der Russischen Föderation, Putinismus, Autokratie Russland, Demokratie Russland, Opposition Russland*), так и на сайтах соответствующих СМИ.

нарратив восприятия российских выборов и российской политики в целом. В таких проявлениях можно увидеть черты «идеационной власти».

Аналогичную негативную консолидацию можно было наблюдать при освещении немецкими СМИ президентских выборов в США 2024 года. Анализ публикаций об электоральном процессе и образе Д. Трампа выявил доминирование эмоциональной и конфронтационной лексики. Особенно часто встречались выражения, свидетельствующие о нагнетании конфликта, эмоциональном воздействии на избирателя и кризисе доверия к избирательной системе. Д. Трамп предстал в качестве политика, который привлекает радикальных сторонников и вызывает опасения дестабилизации политических отношений.

Сравнение освещения американских и российских президентских выборов 2024 г. в немецких СМИ показывает различные акценты публичной консолидированной позиции. Выборы в США описываются как хаотичный, но демократический процесс, тогда как голосование в России подается как авторитарный ритуал без реального выбора. Эмоционально заряженные выражения в отношении Д. Трампа вращаются вокруг раскола, эскалации и недоверия, в то время как описание В.В. Путина сосредоточено на манипуляциях, репрессиях и страхе (см. *Таблицу 3*).

Таблица 3.

**ВЕДУЩИЕ ИТАЛЬЯНСКИЕ АНАЛИТИЧЕСКИЕ ЦЕНТРЫ,
ЗАНИМАЮЩИЕСЯ ВОПРОСАМИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ И МЕЖДУНАРОДНЫМИ
ОТНОШЕНИЯМИ**

TOP ITALIAN THINK TANKS ON FOREIGN POLICY AND INTERNATIONAL AFFAIRS

Аспект	США (Д. Трамп)	Россия (В. Путин)
Основной нарратив	Демократические выборы с жесткой риторикой и опасной поляризацией	Инсценированные выборы в авторитарной системе
Эмоциональный тон	Тревожный, конфликтный, напряженный – но с реальной возможностью выбора	Обличающий, безысходный, репрессивный – альтернативы отсутствуют
Типичные идиомы и выражения	«Фейковые новости», «предвыборная ненависть», «охота за голосами»	«Фальшивые выборы», «режим», «власть насилия»
Образ кандидата	Трамп как поляризующая фигура, но в рамках демократических механизмов	Путин как авторитарный правитель, использующий выборы в качестве фикции
Образ электората	Подозрительный, расколотый, но вовлеченный	Подавленный, запуганный, проявляющий смелость в протесте

Источник: составлено авторами.

Обзор публикаций ведущих аналитических центров Германии также дал достаточно интересные результаты. На основе анализа международного рейтинга аналитических центров *Global Go To Think Tank Index 2020* был составлен перечень организаций, занимающихся вопросами внешней и мировой политики, в который вошли Германское общество внешней политики (*DGAP*)^{1*}, фонд «Наука и политика» (*SWP*), Фонд им. Ф. Эберта (*FES*)^{*} и Германский институт глобальных и региональных исследований (*GIGA*) (см. *Таблицу 4*).

1 Здесь и далее * означает, что деятельность организации признана нежелательной на территории Российской Федерации.

Таблица 4.

**ВЕДУЩИЕ АНАЛИТИЧЕСКИЕ ЦЕНТРЫ ГЕРМАНИИ,
ЗАНИМАЮЩИЕСЯ ВОПРОСАМИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ И МЕЖДУНАРОДНЫМИ
ОТНОШЕНИЯМИ**

TOP GERMAN THINK TANKS ON FOREIGN POLICY AND INTERNATIONAL AFFAIRS

Наименование	Позиция в рейтинге лучших центров мира	Позиция в рейтинге лучших центров Западной Европы	Позиция в рейтинге лучших центров по внешней политике и международным отношениям
<i>German Council on Foreign Relations (DGAP)*</i>	42	24	17
<i>Stiftung Wissenschaft und Politik (SWP)</i>	31	27	22
<i>Friedrich-Ebert-Stiftung (FES)*</i>	12	6	67
<i>German Institute for Global Area Studies (GIGA)</i>	–	–	156

* Деятельность организации признана нежелательной на территории Российской Федерации.

Источник: составлено авторами на основе рейтинга *Global Go To Think Tank Index 2020*.

Следует отметить, что аналитические центры Германии более многочисленны и влиятельны по сравнению с итальянскими¹, хотя, по оценкам некоторых журналистов, и уступают аналитическим центрам США и Великобритании². Попытки сопоставления немецких и американских «фабрик мысли» являются популярной темой для научных исследований³. Некоторые из «фабрик мысли», в частности фонд «Наука и политика» (SWP), хорошо известны и обладают значительным авторитетом именно как экспертные центры⁴.

Из нескольких десятков германских аналитических центров только 12 публиковали материалы о российских выборах (см. Таблицу 5).

Таблица 5.

**АНАЛИТИЧЕСКИЕ ЦЕНТРЫ ГЕРМАНИИ, ПУБЛИКОВАВШИЕ МАТЕРИАЛЫ
О ПРЕЗИДЕНТСКИХ ВЫБОРАХ В РОССИИ В 2024 ГОДУ**

**GERMAN THINK TANKS WHICH COMMENTED ON THE 2024 PRESIDENTIAL
ELECTIONS IN RUSSIA**

Название	Область исследований	Финансирование
<i>Friedrich-Ebert-Stiftung (FES)*</i>	Социальная политика, международные отношения, экономика, профсоюзы, социал-демократия	Аффилирована с Социал-демократической партией Германии, финансируется за счет грантов из бюджета
<i>Konrad-Adenauer-Stiftung (KAS)*</i>	Международная политика, европейская интеграция	Аффилирована с Христианско-демократическим союзом, финансируется за счет федерального бюджета
<i>Transparency International (TI)*</i>	Коррупция, борьба с коррупцией	Государственные организации, фонды, частные пожертвования

1 Alina Orrico, Jessica Correa, Julie LaFrance, and Shannon Sutton, "Think Tank Landscape Scan 2022: Germany."

2 Аналитики *European Data Journalism Network* подчеркивают, что немецкие аналитические центры являются одними из наиболее влиятельных в ЕС, при этом системно проигрывая «англосаксонским» государствам, которые имеют более глубокую традицию работы аналитических центров как института. Одно из важных отличий Германии от США и Великобритании заключается в том, что аналитические центры в ФРГ активно поддерживаются правительством и получают государственное финансирование, при этом в меньшей степени ориентированы на гражданское общество и зависят от него. Подробнее см.: "UK and Germany Lead EU's Think Tank Ranking."

3 См., например: Braml 2004.

4 Тимофеев et al. 2023; Гаман-Голутвина et al. 2021.

Название	Область исследований	Финансирование
<i>German Development Institute (DIE)</i>	Глобальное устойчивое развитие и международная политика развития	Государственное
<i>Stiftung Wissenschaft und Politik (SWP)</i>	Внешняя политика и безопасность	Государственное
<i>German Council on Foreign Relations (DGAP)*</i>	Международная политика, международная безопасность,	Государственное
<i>Heinrich-Böll-Stiftung (HBS)*</i>	Гендерная демократия, экология, миграция, социальная политика	Аффилиация с партией «Союз 90 / Зеленые»
<i>Bertelsmann Foundation</i>	Социальная политика (образование, здоровье, демократия, равенство, цифровизация, устойчивое развитие)	Частные инвестиции, владеет 77,5 % акций медиаконцерна <i>Bertelsmann</i>
<i>Hanns-Seidel-Stiftung (HSS)*</i>	Политические и социально-экономические исследования	Аффилиация с Европейской народной партией и ХСС
<i>Friedrich Naumann Foundation for Freedom (FNF)*</i>	Свобода, гражданское общество, частная собственность	Аффилиация со Свободной демократической партией
<i>Körber Foundation*</i>	Социальная политика, история, культура, демография, образование	Частные инвестиции, единственный акционер холдинга <i>Körber AG</i>
<i>Centre for East European and International Studies*</i>	Общественные науки, политические режимы, динамика конфликтов и пограничные регионы, миграция	Государственное (Министерство иностранных дел Германии)

Источник: составлено авторами на основе рейтинга *Global Go To Think Tank Index 2020*.

Анализ публикаций показал, что ряд структур, признанных на тот момент или впоследствии нежелательными в России, публиковали материалы, которые можно квалифицировать как пропагандистские. Анализ этих текстов позволяет выявить обилие эмоционально окрашенной лексики, характерной для намеренного желания выставить события в негативном свете. В целом такое освещение событий укладывается в концептуальное видение актуальной мировой политики правящими элитами Германии после 2022 г., что отразилось и на специфике работы немецких «фабрик мысли».

Контент-анализ их публикаций по вопросам российской политики до 2022 г. и после показал существенное изменение тональности: от умеренно критичной до откровенно враждебной. Россия после 2022 г. рассматривается не как партнер по переговорам, а как угроза европейской безопасности. В.В. Путин трансформировался в текстах из «авторитарного лидера» в «тоталитарного диктатора», сравнимого с И.В. Сталиным или российскими царями. Повестка сместилась с «возможной кооперации» на изолирование и подрыв режима. Выросла интенсивность использования слов с негативным значением и эмоционально окрашенных описаний, например: *Zerstörung* («разрушение»), *Repression* («репрессии»), *Gewalt* («насилие»), *Diktatur* («диктатура»). Слова-маркеры, использовавшиеся до 2022 г. и после него, показывают, что структурные темы сохранялись, но изменился эмоциональный контекст (см. Таблицу 6).

Переход в открытую идеологическую и пропагандистскую тональность фондов имени Ф. Эберта (*FES*)*, К. Аденауэра (*KAS*)* и других, напрямую ассоциированных с политическими партиями, реализующими политический курс Германии, может быть как свидетельством их стремления адаптироваться к новой геополитической реальности и радикальной смене внешнеполитических приоритетов, так и выполнением задания своих патронов. В последнем случае на-

лицо попытка мобилизации ресурсов для обеспечения контроля не только за общественным мнением, но и за интеллектуальной и политической элитой в формате «власть над идеями», что в данных условиях можно интерпретировать как крен в сторону «жесткой силы» в ущерб «мягкой», особенно в части распространения влияния на Россию. Видимо, это является отражением упомянутого выше «вакуума смыслов» на фоне радикальной смены политической парадигмы в отношении Российской Федерации.

Таблица 6.

КЛЮЧЕВЫЕ ТЕРМИНЫ И СЛОВСОЧЕТАНИЯ, ОПИСЫВАЮЩИЕ РОССИЙСКУЮ ПОЛИТИКУ И В.В. ПУТИНА В ПУБЛИКАЦИЯХ АНАЛИТИЧЕСКИХ ЦЕНТРОВ ФРГ ДО 2022 ГОДА И ПОСЛЕ

KEYWORDS AND COLLOCATIONS USED BY GERMAN THINK TANKS TO DESCRIBE RUSSIAN POLITICS AND VLADIMIR PUTIN BEFORE 2022 AND AFTER

До 2022 года	После 2022 года
<i>Pragmatismus</i> («прагматизм»)	<i>Totalitärer Staat</i> («тоталитарное государство»)
<i>Machtpolitik</i> («политика силы»)	<i>Imperialer Zerfall</i> («имперский распад»)
<i>Großmachtambitionen</i> («амбиции великой державы»)	<i>Revisionistische Macht</i> («ревизионистская держава»)
<i>Autoritäre Führung</i> («авторитарное руководство»)	<i>Gewalttätiger Erhalt des Regimes</i> («насильственное удержание власти»)
<i>Einflusssphäre</i> («сфера влияния»)	<i>Kriminelles Regime</i> («преступный режим»)
<i>Destabilisierung</i> (дестабилизация)	<i>Systematische Repressionen</i> («систематические репрессии»)
<i>Hybride Taktiken</i> (гибридные тактики)	<i>Militärisch-aggressiv</i> («военно-агрессивный»)
<i>Russische Interessen</i> (российские интересы)	<i>Toxische Einflussnahme</i> («токсичное влияние»)
<i>Stellvertreterkrieg</i> (прокси-война)	<i>Zarismus / Stalinismus</i> («царизм / сталинизм»)
<i>Sicherheitsinteressen</i> (интересы безопасности)	<i>Semifaschistisch</i> («полуфашистский»)
<i>Verhandlungsmasse</i> (предмет переговоров)	

В публикациях аналитических центров, не имеющих прямой аффилиации с немецкими политическими партиями, среди которых фонд «Наука и политика» (SWP) и Немецкое общество внешней политики (DGAP)*, также прослеживаются признаки целенаправленной делигитимации избирательного процесса и политического лидерства В.В. Путина. В свою очередь, Германский институт глобальных и региональных исследований (GIGA), как и некоторые другие, воздержался от каких-либо комментариев и публикаций о президентских выборах в России.

Вполне возможно, что «политизация» деятельности некоторых аналитических центров Германии будет способствовать росту их «идеационной власти» в соответствующем информационном (национальном) сегменте. Вместе с тем эта смена вектора уже была идентифицирована в качестве угрозы в российском инфополе, в результате чего некоторые организации были признаны нежелательными, а их деятельность на территории России была запрещена. Последствия такого решения для их «мягкой силы» в отношении как российских, так и отечественных аудиторий могут быть разновекторными. Для оппозиционных политических сил (находящихся сейчас в основном за границей и фактически стремящихся воздействовать прежде всего на аудитории европейских государств, в том числе Германии) это является «знаком качества» и подтверждением идеологической и политической самоидентификации соответствующих структур, что ведет

к повышению их авторитета и социального капитала. Для научно-экспертного сообщества, находящегося в России, особенно для тех организаций и экспертов, которые работают в государственном секторе, такой статус означает отсутствие возможности профессионального взаимодействия, фактически вычеркивая соответствующие структуры из числа возможных партнеров.

Важно отметить, что наличие критического и идеологически окрашенного отношения немецких аналитических центров к России отмечалось и ранее. Актуальный сдвиг их риторики в сторону откровенной пропаганды был идентифицирован российскими властями в качестве политической деятельности, в результате чего ряд германских институтов и фондов были признаны нежелательными организациями на территории России. В то же время они активно действуют в государствах постсоветского пространства, в том числе в государствах – членах ЕАЭС, воздействуя на разные целевые аудитории, в том числе на элиту.

Заключение

Итальянские и немецкие СМИ при информационном освещении российских президентских выборов в 2024 г. действовали в рамках доминирующего политического и идеологического курса, сложившегося в этих государствах, а также в ЕС и в целом на Западе. При этом СМИ Германии независимо от идеологической ориентации намного активнее действовали в формате пропаганды по сравнению с их итальянскими коллегами (в этом плане на италияязычную аудиторию сильнее воздействовали глобальные и региональные медиа, базирующиеся в США, Великобритании или ЕС), охватывая практически все значимые общественные и элитные группы и формируя эмоционально окрашенную антироссийскую повестку. Так же консолидированно они освещали президентские выборы в США, говоря о Д. Трампе.

Аналитические центры Германии в условиях геополитического противостояния между Западом и Россией оказались в вакууме идей и в новых реалиях не были готовы их производить. Фактически им пришлось делать политический и идеологический выбор и переходить к стратегии сохранения собственного социального капитала в рамках сформировавшегося западного геополитического кластера и усилившейся конфронтации. В результате некоторые из них подчинились доминирующему политическому дискурсу о противостоянии «демократических» и «авторитарных» режимов, а также о возможности повлиять на российскую политику путем использования механизмов «жесткой» и «мягкой» силы и стали политическими акторами – проводниками соответствующего курса в общественном пространстве, переведя тональность из нейтральной в эмоциональную, а формат публикуемых материалов – из научно-экспертного в идеологический. Соответствующие изменения оказались очевидными для российских властей, признавших ряд немецких аналитических центров нежелательными организациями. Вследствие этого, в свою очередь, существенно сократился ресурс «мягкой силы», который может быть задействован этими центрами в отношении некоторых целевых групп в России. При этом они сохраняют потенциал антироссийского пропагандистского воздействия

в большинстве государств ЕАЭС и СНГ, что не исключает вмешательства таких организаций в их внутреннюю политику.

В Италии аналитические центры, вероятно, в силу их меньшей вовлеченности в реальную политику, сохранили достаточно взвешенный подход к освещению российских выборов, не утратив при этом профессиональную репутацию. Стратегия тех аналитических центров Германии и Италии, которые удержались от перехода к политико-идеологическому формату работы, может оказаться более дальновидной, так как позволяет сохранять потенциал «мягкой силы» и общественной дипломатии на случай улучшения отношений между Россией и Западом.

В качестве перспективных направлений исследования можно выделить изучение активности германских аналитических центров и НКО, признанных в России нежелательными, на территории государств СНГ и ЕАЭС, особенно в контексте развития в них законодательства о регулировании деятельности иностранных агентов, а также исследование аналитических центров и экспертного сообщества Италии, в том числе в контексте объявленной «борьбы с российской пропагандой».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Вилисов, М.В. «Поля идей» для научной дипломатии в контексте российского «поворота на Восток» // Управление и политика. 2023. Т. 2. № 3. С. 25–45. <https://doi.org/10.24833/2782-7062-2023-2-3-25-45>.

Vilison, Maxim V. "Fields of Ideas' for Science Diplomacy in the Context of Russian 'Pivot to East'." *Governance and Politics* 2, no. 3 (2023): 25–45 [In Russian].

Вилисов, М.В. «Силовое поле» международных отношений российской науки: между Западом и Югом // Постколониализм и современность. 2024. № 2. С. 16–41.

Vilison, Maxim V. "The 'Power Field' in International Affairs of Russian Science: Between 'The West' and 'The South'." *Postcolonialism and Contemporary World*, no. 3 (2024): 16–41 [In Russian].

Гаман-Голутвина, О.В., Никитин, А.И., Артеев, С.П. Интерфейс между политической наукой и политическим дискурсом // Полис. Политические исследования. 2021. № 2. С. 139–156. <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.02.10>.

Gaman-Golutvina, Oksana V., Alexander I. Nikitin, and Sergey P. Arteev. "Interface Between Political Science and Political Discourse: Conflict Dimension." *Polis. Politicheskie issledovaniya*, no. 2 (2021): 139–156 [In Russian].

Давлетшина, Н.В., Жегалова, У.А. Аналитические центры Италии в контексте европейского консерватизма // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2024. № 3. С. 77–85. <https://doi.org/10.15211/vestnikieran320247785>.

Davletshina, Natalya V., and Ulyana A. Zhegalova. "The Influence of Conservative Think-Tanks in Italy on the Integration of Right-Wing Forces in the European Union." *Nauchno-analiticheskii vestnik IE RAN*, no. 3 (2024): 77–85 [In Russian].

Комиссина, И.Н. Новые «мозговые центры» с китайской спецификой: проблемы и перспективы развития // Проблемы национальной стратегии. 2017. № 6. С. 68–83.

Komissina, Irina N. "New Think Tanks with the Chinese Specificity: Prospects and Constraints on Development." *National Strategy Issues*, no. 6(45) (2017): 68–83 [In Russian].

Лебедева, М.М. «Мягкая сила»: понятие и подходы // Вестник МГИМО-Университета. 2017. № 3. С. 212–223. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2017-3-54-212-223>.

Lebedeva, Marina M. "Soft Power: The Concept and Approaches." *MGIIMO Review of International Relations*, no. 3 (2017): 212–223 [In Russian].

Малинова, О.Ю. Экспертно-аналитические организации и формирование общественной повестки дня: анализ идеологических практик в современной России // Политическая наука. 2013. № 4. С. 192–210.

Malinova, Olga Yu. "Ehkspertno-analiticheskie organizatsii i formirovaniye obshchestvennoi povestki dnya: analiz ideologicheskikh praktik v sovremennoi Rossii." *Political Science*, no. 4 (2013): 192–210 [In Russian].

Маслова, Е.А. Вызовы вмешательства и дезинформации в Италии: противодействие новым угрозам национальной безопасности // Современная Европа. 2024. № 3. С. 161–173. <https://doi.org/10.31857/S0201708324030136>.

Maslova, Elena A. "Challenges of Interference and Disinformation in Italy: Countering New Threats to National Security." *Contemporary Europe – Sovremennaya Evropa*, no. 3 (2024): 161–173 [In Russian].

Пархалина, Т.Г. Настоящее и будущее Европы: вызовы и перспективы. Обзор конференции // Россия и современный мир. 2023. № 4. С. 221–252. <https://doi.org/10.31249/rsm/2023.04.14>.

Parkhalina, Tatyana G. "The Present and Future of Europe: Challenges and Perspectives. Conference Overview." *Rossiya i sovremennyyi mir*, no. 4 (2023): 221–252 [In Russian].

Тимофеев, П.П., Харитонова, Е.М., Хорольская, М.В. Европа в поисках новых внешнеполитических стратегий: подходы аналитических центров Германии, Франции и Британии // Современная Европа. 2023. № 7. С. 35–48. <https://doi.org/10.31857/S0201708323070033>.

Timofeev, Pavel P., Elena M. Kharitonova, and Maria V. Khorolskaya. "Europe in Search of New Foreign Policy Strategies: German, French and British Think Tanks' Approaches." *Contemporary*

Europe – Sovremennaya Evropa, no. 7 (2023): 35–48 [In Russian].

Шмерлина, И.А. «Институциональная логика»: критический анализ направления // Социологический журнал. 2016. Т. 22. № 4. С. 110–138. <https://doi.org/10.19181/socjour.2016.22.4.4812>.

Shmerlina, Irina A. "Institutional Logic: Critical Analysis of the Direction." *Sociological Journal* 22, no. 4 (2016): 110–138 [In Russian].

Braml, Josef. *Think Tanks versus 'Denkfabriken'? U.S. and German Policy Research Institutes' Coping with and Influencing Their Environments*. Baden-Baden: Nomos Verlagsgesellschaft, 2004.

Campbell, John L. "Institutional Analysis and the Role of Ideas in Political Economy." *Theory and Society* 27, no. 3 (1998): 377–409.

Carstensen, Martin B., and Vivien A. Schmidt. "Power through, over and in Ideas: Conceptualizing Ideational Power in Discursive Institutionalism." *Journal of European Public Policy* 23, no. 3 (2016): 318–337. <https://doi.org/10.1080/13501763.2015.1115534>.

Di Pasquale Massimiliano, and Luigi S. Germani. "Russian Influence on Italian Culture, Academia and Think Tanks." In *Russian Active Measures. Yesterday, Today, Tomorrow*, edited by Olga Bertelsen, 263–309. Stuttgart: Ibidem-Verlag, 2021.

Drezner, Daniel W. *The Ideas Industry: How Pessimists, Partisans, and Plutocrats are Transforming the Marketplace of Ideas*. Oxford: Oxford University Press, 2017.

Longhini, Anna. "Foreign Policy Think Tanks in the Italian Political Context: Evolutions and Perspectives." *International Journal: Canada's Journal of Global Policy Analysis* 70, no. 4 (2015): 573–592. <https://doi.org/10.1177/0020702015591772>.

Lucarelli, Sonia, and Claudio Radaelli. "Italy: Think Tanks and the Political System." In *Think Tanks Across Nations: Policy Research and the Politics of Ideas*, edited by Diane Stone, Andrew Denham, and Mark Garnett, 89–104. Manchester: Manchester University Press, 2004.

McGann, James G. *The Fifth Estate. Think Tanks, Public Policy and Governance*. Washington: Brookings Institution Press, 2016.

Plehwé, Dieter. "Think Tank Networks and the Knowledge – Interest Nexus: The Case of Climate Change." *Critical Policy Studies* 8, no. 1 (2014): 101–115. <https://doi.org/10.1080/19460171.2014.88385>.

Ruser, Alexander. "What to Think About Think Tanks: Towards a Conceptual Framework of Strategic Think Tank Behaviour." *International Journal of Politics, Culture and Society*, no. 31 (2018): 179–192. <https://doi.org/10.1007/s10767-018-9278-x>.

Сведения об авторах

Максим Владимирович Вилисов,

к.полит.н., ведущий научный сотрудник Центра междисциплинарных исследований
Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук
117418, Россия, Москва, Нахимовский проспект, 51/21

e-mail: vilisov@centero.ru

Лилия Ильдаровна Биктимерова,

студентка Факультета международных отношений и бизнеса Института управления
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
119571, Россия, Москва, проспект Вернадского, 82/1

e-mail: lilia.i.biktimerova@gmail.com

Благодарности

Авторы благодарят д.полит.н., профессора А.И. Никитина за продуктивные обсуждения
в рамках совместного исследовательского проекта, а также А.С. Сулакшину за помощь
в сборе материалов СМИ.

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 30 июня 2025.

Переработана: 20 августа 2025.

Принята к публикации: 22 августа 2025.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Цитирование

Вилисов, М.В., Биктимерова, Л.И. «Пропаганду нельзя экспертизу!»:
СМИ и аналитические центры Италии и Германии о президентских
выборах в России 2024 года // *Международная
аналитика*. 2025. Том 16 (4). С. 77–95.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2025-16-4-77-95>

“Propagandise Not Advise!”: Media and Think Tanks of Italy and Germany on Russia’s 2024 Presidential Elections

ABSTRACT

The case study of media and analytical coverage of the 2024 presidential elections in Russia shows the approaches taken by the media and think tanks in Germany and Italy towards their public positioning and influence on various target audiences amid geopolitical confrontation and a changing world order. Media coverage of the Russian elections was focused mainly on the domestic audience and exhibited some features of propaganda, which aligns with the political context. In their turn, think tanks were in a more difficult situation. Having accepted the idea of the inevitable fragmentation of the world and facing an ideological vacuum, which arose amid worsening relations between Germany, Italy, the EU and the West on the one side and Russia on the other, think tanks had to make a choice between politicizing their activities under the influence of the context or maintaining a previous relatively moderate attitude. Both strategies give these organizations the opportunity to preserve or increase their influence – through the mechanisms of “hard” or “soft” power, as well as “ideological power” – with a certain positioning of think tanks in the information space of their states. However, the same strategies are associated with the inevitable loss of influence with a different approach of “think tanks” to shaping their public images. Some German think tanks have politicized their activities, which is explained by several factors. As a result, they were identified by the Russian authorities as “undesirable organizations,” which significantly limited their own “soft power” in relation to the Russian audience, effectively making it impossible to have any dialogue with the Russian side. At the same time, leading Italian and German think tanks which deal with foreign affairs still retain the opportunity to act in a neutral modality, preserving the possibility of constructive interaction with Russia’s expert community if a Russo–Western political dialogue begins.

KEYWORDS

think tank, soft power, ideational power, propaganda, strategic communication, framing, critical discourse analysis, politicization of expertise

Authors

Maxim V. Vilisov,

PhD (Polit.), Leading Research Fellow, Center for Interdisciplinary Research,
Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences
51-21, Nakhimovsky avenue, Moscow, Russia, 117418

e-mail: vilisov@centero.ru

Liliia I. Biktimerova,

Student, Faculty of International Relations and Business, Institute of Management,
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
82-1, Vernadsky avenue, Moscow, Russia, 119571

e-mail: lilia.i.biktimerova@gmail.com

Acknowledgement

The authors express their gratitude to PhD (Polit.) Alexander I. Nikitin for a fruitful exchange of opinion within joint research and Alena S. Sulakshina for her contribution to the database of think tank publications.

Additional information

Received: June 30, 2025. Revised: August 20, 2025. Accepted: August 22, 2025.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the authors.

For citation

Vilisov, Maxim V., and Liliia I. Biktimerova. "Propagandise Not Advise:
Media and Think Tanks of Italy and Germany on Russia's 2024 Presidential Elections."
Journal of International Analytics 16, no. 4 (2025): 77–95.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2025-16-4-77-95>

Подходы индийских партий к внешнеполитическому курсу Индии

Сергей Иванович Лунёв, МГИМО МИД России, Москва, Россия

Контактный адрес: silounev@gmail.com

АННОТАЦИЯ

Развитие отношений с Индией жизненно важно для России и имеет приоритетный характер в силу исторического опыта, геополитических соображений, военно-политических связей, а в последнее время и экономических отношений – Россия вновь стала ключевым торговым партнером азиатского гиганта, как это было в биполярный период. Основным объектом, рассматриваемым в статье, являются позиции ключевых партий Индии по внешнеполитическим вопросам, рассматривается суть дискуссий по макропроблемам внешней политики после завоевания Индией независимости, постепенное становление «надпартийного» согласия в международной деятельности. Различные социальные и политические силы имеют весьма сходные позиции по соотношению политико-дипломатических и военно-силовых методов. Можно полагать, что такой общеиндийский консенсус свидетельствует о достаточном осознании политическими партиями национальных интересов и внешнеполитических целей, а отсутствие множества официальных концепций по национальной безопасности, внешней политике и обороне отнюдь не мешает достаточно единому осознанию внешних угроз и методов их отражения. Помимо этого, рассматриваются перспективы взаимосвязанности / противостояния подходов к внешней политике индийских партий, соотношение декларируемых задач и реальной политики после прихода к власти. Особое внимание в исследовании уделяется анализу позиций партий в отношении внешнеполитического курса на последних всеобщих выборах в 2024 году.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Индия, внешнеполитическая стратегия, национальный консенсус, партийно-политическая структура, выборы

Введение

Из всех государств не-Запада Индия обладает такой моделью политической системы, которая наиболее близка к западным аналогам. Поэтому особое значение для азиатского гиганта имеют всеобщие национальные выборы, на которых определяется, какая партия будет решать основополагающие вопросы внешнеполитического и внутривнутриполитического курсов и экономики. При этом следует указать, что для Индии свойственна особая преемственность, отсутствие серьезных структурных изменений на цивилизационном уровне, что подробно разбиралось, например, в трудах таких крупнейших индийских исследователей, как бывший профессор Колумбийского университета и почетный профессор Джадавпурского университета в Калькутте Дж. Бандьопадхья¹ и Дж. Капур, основатель Мирового общественного форума «Диалог цивилизаций»². Это же характерно и для сферы внешней политики.

Политические партии Индии в целом согласны с перечнем ключевых задач, стоящих перед государством в этой области по трем основным направлениям. К первой категории – «функциональной» (поддержание благоприятного эндогенного функционирования) – относятся достижение всесторонней экономической независимости, позитивное социально-экономическое продвижение, постепенное и управляемое дальнейшее вовлечение Республики в экономическую глобализацию и необходимость получения полного доступа к высоким технологиям (в биполярный период – к тяжелой промышленности) и мировому рынку. Нью-Дели стремится также к либерализации экономики и повышению ее конкурентоспособности.

К категории *коэзистенциальных* целей внешней политики (улучшение имиджа в мировом сообществе) относятся проведение независимой внешней политики, признание мировым сообществом более высокого статуса Индии, обеспечение доминирования в Южной Азии. По этой группе общенациональных задач между партиями очень мало различий.

К *экзистенциальным* задачам (поддержание безопасности) относятся укрепление обороноспособности, избегание военных конфликтов с государствами мирового уровня, поддержание страновой, региональной и глобальной безопасности.

Если развитию партийно-политической структуры Индии посвящен огромный корпус литературы, то вопрос о воздействии партий на внешнеполитический курс не подвергался такому же серьезному исследованию. В ряде работ отечественных авторов данная проблема поднимается, но как второстепенная. В этой связи можно отметить монографии Ю.Д. Насенко «Джавахарлал Неру и внешняя политика Индии»³ и Ф.Н. Юрлова и Е.С. Юрловой «История Индии. XX век»⁴. В трудах индийских и западных исследователей, посвященных воздействию эндогенных факторов на внешнюю политику, акцент делается на изучении национальной идентичности, этно-религиозных параметрах и особенно – на ми-

1 Бандьопадхья 2005.

2 Капур 2005.

3 Насенко 1975.

4 Юрлов 2010.

ровоззрении лиц, принимающих решения (в первую очередь, премьер-министров – Дж. Неру¹, И. Ганди², Р. Ганди³, В.П. Сингха⁴, Ч. Шекхара⁵, П.В. Нарасимхи Рао⁶, А.Б. Ваджпаи⁷, М. Сингха⁸ и Н. Модии⁹).

Роль национального согласия в Индии

Учитывая огромные экономические, политические и социальные сложности, с которыми Индия столкнулась сразу после получения независимости в 1947 г., первоначально она не проявляла особой активности на международной арене, если не считать взаимоотношений с Пакистаном, первая война с которым началась уже в октябре 1947 года. Первое правительство независимой Индии во главе с Дж. Неру с самого начала стремилось придерживаться принципов внешней политики, выработанных Индийским национальным конгрессом до завоевания независимости. На джайпурской сессии ИНК в 1948 г. отмечалось: «Внешняя политика Индии обязательно должна основываться на принципах, определявших позиции Конгресса в предыдущие годы. Эти принципы – поддержка мира во всем мире, свобода всех наций, расовое равенство и ликвидация империализма и колониализма»¹⁰. Базовыми задачами Индии стали проведение независимого внешнеполитического курса, отказ от какого-либо участия в крупномасштабном военном конфликте между двумя складывавшимися мировыми системами и получение внешней помощи для экономического развития. Их реализация была возможна лишь на пути проведения политики нейтрализма и неприсоединения к какому-либо блоку. Дж. Неру отмечал в декабре 1947 года: «В прошлом году мы провозгласили, что не примкнем ни к одной из группировок ... Если возникнет большая война, у нас нет никаких особых оснований тут же вступить в нее ... если нам удастся этого избежать, а когда придет время сделать выбор, мы примкнем к той стороне, присоединиться к которой будет в наших интересах»¹¹. С самого начала основные политические силы Индии в целом были согласны с главными задачами, которых собирался достичь Индийский национальный конгресс.

Премьер-министр Индии для обеспечения большей сплоченности политических и социальных сил страны стремился к созданию общеиндийского «надпартийного» консенсуса в отношении основных внешнеполитических, экономических и внутривнутриполитических макрозадач, которые предстояло решать Индии. Фактически подобное национальное согласие, в том числе по вопросам международной деятельности, начало постепенно складываться с середины 1950-х годов.

В 1940–1960-е гг. внешнеполитические проблемы были высокоприоритетными для политических партий. Так, в 1962 г. в предвыборном манифесте Коммунистической партии Индии вопросам внешней политики было отведено

1 Gopal 1984; Kashyap 1990.

2 Frank 2007; Malhotra 2014.

3 Habibullah 2023.

4 Mukerji 2021.

5 Harivansh, Bajpai 2019.

6 Baru 2016.

7 Nag 2019.

8 Baru 2014.

9 Ganguly 2018; Singh 2017.

10 "Foreign Policy of India: Texts of Documents, 1947–1964," Delhi: Lok Sabha Secretariat, 1966. P. 13–14.

11 Неру 1965, 57.

более 5 страниц (из 34)¹. Аналогичное внимание к проблемам мировой системы уделялось в манифестах других партий. Все оппозиционные партии подвергали критике внешнеполитический курс Конгресса: правые – за «излишнее» сотрудничество с социалистическими государствами, левые – за тесные связи с Западом. Таким образом, полноценный национальный консенсус еще отсутствовал. Правда, несогласие с «позитивным нейтралитетом» (отказ Индии от чистого нейтралитета в середине 1950-х гг. был связан с превращением Пакистана в военного союзника Соединенных Штатов; в результате Дели отошел от поддержания более тесных связей с Западом и стал проводить политику равноудаленности от сверхдержав) выражали лишь ультраправые и ультралевые силы (первые требовали «крена» в сторону США, а вторые – СССР). Однако постепенно даже правые партийные руководители поняли, что маневрирование и балансирование Индии между двумя сверхдержавами и их блоками приносят государству существенную выгоду в политической, экономической и военной областях.

В 1970–1980-х гг. радикальных разногласий между партиями на общеиндийских выборах практически не было, хотя и присутствовали различные мнения по конкретным вопросам. Особенно важными были точки зрения тех партий, которые оказывали внешнюю поддержку правительству, т.е. поддерживали правительство, не имевшее в парламенте большинства голосов, но не входили в него. Это особенно проявилось в постбиполярном мире (в 1991–1996 гг. и в 2004–2009 гг., когда такую поддержку Индийскому национальному конгрессу оказывали левоцентристы, и в 1996–1998 гг., когда уже Конгресс выступал на стороне правительства левоцентристов, находившихся в меньшинстве). В новом веке интерес к внешней политике у среднего индийца значительно ослаб, что привело к тому, что международная деятельность не является приоритетной во время предвыборных кампаний (характерно, что в несколько раз сократились публикации по вопросам внешней политики в прессе и издания монографий по данной проблематике).

Межпартийные разногласия по отношениям с государствами глобального уровня

После завоевания Индией независимости имели место три базовых направления во внешней политике. В контексте развития взаимосвязей с государствами глобального уровня для биполярного периода были характерны курс на равноудаленность и отказ участвовать в возможном военном конфликте между двумя системами. Со временем Китай стал более важным для индийского истеблишмента, чем Россия, а американо-индийские отношения намного прочнее, чем индийско-китайские связи, при том что по глобальным вопросам позиции Индии намного ближе с КНР, чем с США. Также этот период отмечен всесторонним развитием диалога «Юг – Юг» и стремлением контролировать ситуацию в регионе.

1 "The Election Manifesto of the Communist Party of India," New Delhi: New Age Printing Press, 1961.

Вхождение Пакистана в созданные США военные блоки СЕНТО (Организация Центрального Договора, действовавшая в Юго-Западной Азии и зоне Индийского океана) и СЕАТО (Организация Договора Юго-Восточной Азии), появление американских военных баз на его территории, установление очень тесных военных связей с США привели к росту негативных оценок США в Индии. Правые националистические организации (например, партия «Бхаратия Джана сангх» – «БДС, Индийский народный союз») после заключения американо-пакистанских военных соглашений вообще перестали выступать за всестороннее развитие отношений с США, поскольку рассматривали Пакистан фактически в качестве основного врага Индии. Правые партии Индии продолжали критиковать правительство и за расширение связей с социалистическими государствами (прежде всего с КНР), призывали к укреплению отношений с Западом, подразумевая под ним в первую очередь Западную Европу. При этом они, как правило, сравнительно позитивно относились к Советскому Союзу, хотя в их предвыборных манифестах осуждалось тесное сотрудничество индийского правительства с СССР. Это касалось таких партий, как «Джана сангх», созданная в 1951 г. на индуско-националистической основе, «Хинду махасабха» («Великое собрание индусов»), сформированная еще в 1915 г. и очень близкая по идеологии к «Джана сангх»¹, и «Сватантра» («Свободная партия»), образованная в 1959 г., действовавшая до 1974 г. и в советской литературе характеризовавшаяся как «партия князей и помещиков»².

Резких антисоветских взглядов оппозиционные партии придерживались лишь в течение коротких периодов, как например после начала индийско-китайской войны 1962 г., когда вспышка резкого осуждения коммунистического КНР затронула и Советский Союз. В тот период в Индии резко активизировались правые круги. Главным объектом их атаки стали левые силы и внешнеполитический курс правительства. Министр обороны К. Менон, известный симпатиями к Советскому Союзу, был вынужден уйти в отставку. Правые политические партии и СМИ Индии заявляли о необходимости вступить в военный союз с государствами Запада. Сходной позиции стали придерживаться и многие простые индийцы. Если в середине октября 1962 г. во время опроса общественного мнения лишь 7 % опрошенных ответили, что относятся к США «очень хорошо», несмотря на массивную экономическую помощь США, то в конце ноября – уже 62 %³. Знаменитый экономист Дж. Гэлбрайт, который в то время был послом Соединенных Штатов в Индии, писал президенту США Дж. Кеннеди в начале декабря 1962 г.: «Слово “неприсоединение” исчезло отовсюду, кроме речей Неру и левой прессы»⁴.

Однако уже через месяц лидеры «Джана сангх» Б. Мадхок и А.Б. Ваджпай стали утверждать, что у партии есть идеологические разногласия с СССР, но необходимо поддержание с ним тесных отношений. Выступавший до этого с исклю-

1 Партия не получила ни одного мандата в центральный парламент за последние полвека.

2 "The Election Manifesto of the Bharatiya Jana Sangh," New Delhi: s.n., 1962. P. 27–28; "Akhil Bharat Hindu Maha Sabha. The Election Manifesto," New Delhi: s.n., 1962. P. 8; "Draft Election Manifesto of the Swatantra Party," Balangir: Ganatantra Parishad, 1961. P. 9.

3 Galbraith 1969, 446.

4 Ibid., 445.

чительно резкими антисоветскими высказываниями руководитель «Сватантры» Ч. Раджагопалачария, который был последним генерал-губернатором Индии до января 1950 г., когда вступившая в силу Конституция Индии отменила этот пост, заявил, что «если премьер-министр Неру под защищаемой им с религиозным рвением политикой неприсоединения подразумевает дружественные отношения с Россией, то мы согласны с ним»¹. Что касается ИНК, то отечественный исследователь Ю.П. Насенко, характеризуя резолюцию о международной обстановке, принятую джайпурской сессией Всеиндийского комитета Индийского национального конгресса (ноябрь 1963 г.), пишет: «Столь четкой по содержанию и недвусмысленной по форме внешнеполитической резолюции Национальный конгресс не принимал начиная с 1959 года»². В результате индийско-китайская война не привела к существенному улучшению отношений с США и значительному ослаблению взаимосвязей с СССР. Напротив, началось резкое укрепление военно-политической подсистемы советско-индийских отношений. Большое значение имело посредничество Москвы в отношениях между Индией и Пакистаном после второй индийско-пакистанской войны 1965 г., когда в январе 1966 г. премьер-министр Индии Л.Б. Шастри и президент Пакистана М. Айюб-хан провели переговоры в Ташкенте и подписали совместную декларацию о необходимости установления мирных отношений. Председатель Совета министров СССР А.Н. Косыгин принял личное участие в переговорах. Индия подобное согласие на посредничество для решения спорных двусторонних проблем дала в первый и последний раз³.

Во второй половине 1960-х гг. Индия продолжила курс на равноудаленность от сверхдержав, поддерживая с ними достаточно теплые отношения. Приход к власти в США Р. Никсона, который вместе с советником по национальной безопасности Г. Киссинджером был явным сторонником антииндийского и пропакистанского курса, и индийско-пакистанская война 1971 г. привели к очевидному «крену» Индии в сторону Советского Союза. В республике возобладали крайне негативные подходы к США из-за их поддержки Пакистана в третьей индо-пакистанской войне 1971 года. Так, в резолюции Центрального рабочего комитета «Джана сангх», принятой в ноябре 1972 г., отмечалось, что в стране «очень сильны антиамериканские настроения и ... антииндийские позиции США во время индийско-пакистанской войны справедливо заслужили осуждение всей нации»⁴. Но уже с 1973 г. Дели стал стремиться к нормализации взаимосвязей с Соединенными Штатами.

В 1977 г. закончился период монополии Конгресса на власть, когда победу на общенациональных выборах одержал блок «Джаната парти» (из основных партий ИНК поддерживала только Коммунистическая партия Индии, и то – из-за требований Москвы). Американские средства массовой информации и американская администрация приветствовали победу «Джаната парти». Соединенные Штаты рассчитывали на отказ Индии от сотрудничества с Советским Союзом

1 The Searchlight (Patna). 30.01.1963.

2 Насенко 1975, 335.

3 Подробнее см.: Лунев 2017.

4 "Bharatiya Jana Sangh," Party Documents, vol. 3, New Delhi: Bharatiya Jana Sangh, 1973. P. 172.

и уход на сторону Запада¹. Их очень обнадеживали заявления руководителей «Джаната парти» во время предвыборной кампании. Так, М. Десаи, лидер блока и будущий премьер-министр, утверждал, что можно отказаться от советско-индийского Договора о мире, дружбе и сотрудничестве 1971 года². А.Б. Ваджапай, заняв пост министра иностранных дел, заявил, что Индия будет проводить политику «истинного неприсоединения»³. Однако можно предположить, что подобные заявления были связаны прежде всего с тем, что Москва полностью поддержала существовавшее в Индии в 1975–1977 г. чрезвычайное положение, когда репрессиям подверглись оппозиционные Конгрессу партии и их руководители, и однозначно выступала на стороне ИНК (И) во время предвыборной кампании (в советских СМИ оппозицию называли «реакционным блоком» и «орудием крайней реакции, защитницей интересов помещиков, ростовщиков, местных и иностранных монополий»⁴).

Однако надежды США на повышение уровня индийско-американских отношений за счет ослабления индийско-советского сотрудничества не сбылись. Стало ясно, что, хотя внутривнутриполитические изменения и субъективные факторы (например, мировоззрение отдельных политических лидеров) влияют на индийско-американские отношения, коренные внешнеполитические цели Индии и Соединенных Штатов практически несовместимы. В правительстве «Джаната парти» взял верх реализм. Уже в апреле 1977 г. министр иностранных дел А.Б. Ваджапай заявил: «Если бы в 1947 г. моя партия пришла к власти, мы тоже проводили бы политику неприсоединения»⁵. Выступая в Лондоне в июне 1977 г., лидер «Джана сангх» отметил, что советско-индийский договор 1971 г. «ни в коей мере не компрометирует индийскую политику неприсоединения»⁶. Дальнейшему укреплению советско-индийских отношений послужили визиты премьер-министра Индии М. Десаи в Советский Союз в октябре 1977 г. и июне 1979 года.

Правительство «Джаната парти» и американская администрация заговорили об «общих идеалах», «общности политических систем» и т.д. А.Б. Ваджапай по-прежнему выдвигал тезис о «балансировании» Индии между СССР, США и КНР⁷. Одновременно министр иностранных дел Индии отвергал утверждения, что правительство «Джаната парти» придерживается прозападной ориентации. В действительности же за риторикой Вашингтона и Дели в 1977–1979 гг. скрывалось простое желание полной нормализации взаимоотношений, что, как отмечалось, проявилось еще при И. Ганди. Правительство «Джаната парти» не пошло на значительные уступки Соединенным Штатам, и между двумя государствами оставались расхождения как по глобальным проблемам, так и по вопросам двусторонних взаимосвязей. Поэтому правящие круги США относительно нейтрально реагировали на поражение на выборах в январе 1980 г. «Джаната парти» и приход к власти правительства ИНК (И) во главе с И. Ганди.

1 Cohen 1978, XVI–XVII.

2 The Indian Express (New Delhi). 11.02.1977.

3 The Times of India (New Delhi). 08.04.1977.

4 Правда. 11.03.1977.

5 The Hindu (New Delhi). 10.04.1977.

6 Gangal 1980, 6.

7 Chopra 1983, 100.

В 1980-х гг. экономическая стагнация в СССР в условиях монополии Запада на высокие технологии стала объективной причиной резкого усиления внешнеэкономического значения Запада для Индии. В конце десятилетия к этому добавились и политические факторы, когда Москва перестала рассматривать Нью-Дели как важнейшего партнера, сделав упор в Азии на развитие отношений с Китаем, Японией и Южной Кореей. Против полной экономической ориентации на Запад выступили только коммунисты, среди которых еще в 1960-х гг. произошел раскол. Коммунистическая партия Индии выступала за создание государства «социалистической ориентации» и поддержку «прогрессивных» шагов правительства, а появившаяся в 1964 г. Коммунистическая партия Индии (марксистская) стремилась к созданию государства народной демократии на основе образования широкого леводемократического фронта и выступала против сотрудничества с ИНК. В КПИ (м) первоначально вошли и маоисты, но они были вынуждены создать в 1969 г. свою Коммунистическую партию (марксистско-ленинскую), ставшую пропекинской.

В постбиполярном мире значение России для индийской элиты существенно ослабло, хотя она и продолжает играть роль важного партнера. На первый план для Индии вышли США и КНР. Идет процесс укрепления американо-индийских связей, который ускорился в XXI веке. В Индии и США прекрасно сознают, что их партнерство во многом основано на взаимном стремлении к определенному ограничению КНР.

Однако Индия старается придерживаться нейтральной позиции в подходах к острым проблемам между мировыми державами – США, РФ и КНР. Индийские лидеры, как правило, не дают никаких отрицательных оценок действиям России и Соединенных Штатов и воздерживаются в международных организациях при голосовании по спорным проблемам. Даже в официальных заявлениях по двусторонним отношениям Индии с РФ и США используются одинаковые фразы.

Поэтому вряд ли обоснованы опасения, что Индия может стать полноценным союзником Соединенных Штатов. Этому прогнозу способствуют и такие факторы, как нежелание США считать любое другое государство равноправным партнером; стремление Индии проводить независимый курс и сохранять возможности развивать полноценное сотрудничество с другими государствами (в том числе с РФ); разные подходы к глобальным проблемам, особенно устройству мировой политической и экономической системы (азиатский гигант, как Россия и Китай, твердо стоит за создание полицентричного мира). Таким образом, Индия, по-видимому, будет еще долго проводить нейтралистский курс в плане взаимосвязей с США и РФ. В треугольнике США – Индия – Китай южноазиатское государство будет теснее связано с Соединенными Штатами, особенно в Индо-Тихоокеанском регионе, из-за того что Индия продолжает воспринимать Китай как своего главного соперника в Азии, а в будущем, возможно, и в мире. Индийские политики и эксперты убеждены, что КНР реализует стратегию «нити жемчуга» (саму концепцию разработали американские политологи). Эта стратегия предполагает создание Китаем военных баз в Индийском океане, безопасность которого является ключевой задачей Индии. Однако до сих пор Китай не предпринимал никаких конкретных действий в этом направлении, даже в тех портах Южной Азии, которые были им построены. И США, и Индия сознают, что их партнерские связи основываются в том числе на базе совместного стратегического интереса к сдерживанию Китая.

В целом большинство индийских партий занимает проамериканские и антикитайские позиции (как и широкие слои индийских граждан). Наибольший проамериканский «крен» характерен для Индийского национального конгресса. У «Бхаратия джаната парти» («Индийская народная партия», БДП), ставшей правопреемницей «Джана сангх» в 1980 г., существует больше разногласий с Соединенными Штатами из-за ее националистических позиций. Достаточно отметить, что Вашингтон обвинил Н. Моди в потворстве крупнейшим после 1947–1948 гг. индусско-мусульманским столкновениям в Гуджарате в 2002 г. (лидер БДП был тогда главным министром штата) и даже запретили ему въезд в США (когда Н. Моди стал в 2014 г. премьер-министром, президент Б. Обама сразу позвонил ему с поздравлениями и извинениями).

Другие позиции занимают лишь левые силы Индии, не придерживающиеся антикитайских подходов. Левые партии заявляют о необходимости прекратить тесные связи с США, а особое их несогласие вызывает активное развитие военно-политической подсистемы индийско-американских отношений. Так, они организовали крупномасштабную кампанию в 2006 г., когда президент США Дж. Буш-мл. в ходе своего визита предложил Индии закупить 125 многоцелевых истребителей F-16 и F-18. Правительству Конгресса пришлось даже сделать специальное заявление о том, что они не откажутся от проведения независимого курса. Но влияние левоцентристов на внешнеполитический курс Индии было заметным только в 2004–2009 гг., когда они оказывали внешнюю поддержку ИНК. При этом впоследствии левые партии оказались ослабленными: Коммунистическая партия Индии (марксистская) получила после национальных выборов в 2009 г., 2014 г., 2019 г. и в 2024 г. лишь 16, 9, 3 и 4 места в нижней палате (в 2004 году – 43), а Коммунистическая партия Индии, соответственно, 4, 1, 2 и 2 (в 2004 году – 10).

Подходы индийских партий к другим базовым направлениям внешнеполитического курса

Принципиально важной для Индии была активизация диалога «Юг – Юг». С самого начала во внешнеполитическом курсе азиатского гиганта краеугольными камнями были борьба с колониализмом и расизмом и поддержка национально-освободительного движения. Индия стремилась стать выразителем интересов освободившихся стран в биполярный период (Дж. Неру был одним из главных отцов-основателей Движения неприсоединения, и к 1980-м гг. Индия превратилась фактически в лидера «третьего мира»).

Все индийские политические силы поддерживали активный диалог «Юг – Юг». Для примера можно привести их реакцию на выпады Р. Рейгана, заявившего на Генеральной Ассамблее ООН в конце сентября 1983 г., что «клиенты Советского Союза собрались» в Движении неприсоединения. С осуждением этой речи выступили КПИ и КПИ (м). Члены парламента от ИНК выразили удивление по поводу «полного отсутствия у Рейгана понимания действительной сущности Движения неприсоединения»¹. «Бхаратия Джаната парти» выразила

1 The Hindu (New Delhi). 28.09.1983.

надежду, что «представители стран-участниц движения, собравшиеся сейчас в Нью-Йорке, дадут на это достойный ответ». Лидер БДП А.Б. Ваджапайи, критикуя выступление Р. Рейгана, указал, что премьер-министру Индии вообще не следовало бы приезжать в Нью-Йорк на сессию Генеральной Ассамблеи из-за отказа американского правительства обеспечить безопасность министру иностранных дел СССР А.А. Громыко¹.

После краха биполярной системы в Индии не сразу произошло осознание резкого снижения значимости Движения неприсоединения, которое ранее расценивалось Дели как основной механизм укрепления позиций южноазиатского государства в мировой системе. Однако к середине 1990-х гг. стало очевидно, что роль главного института афро-азиатского мира существенно уменьшилась вследствие перемен на глобальном уровне и значительной дифференциации освободившихся государств, которые больше не имели общих интересов. В результате на короткий период Индия потеряла заинтересованность в развитии всесторонних взаимосвязей с бывшим «третьим» миром, ее политика стала более «точечной».

Однако в новом веке Индия вновь активизировала диалог «Юг – Юг» в целях укрепления своих позиций в мировой системе, и в этой связи следует особо отметить деятельность «Бхаратия Джаната парти». При этом используются совершенно новые формы, механизмы и методы. Достаточно отметить, что если в начале постбиполярного периода республика практически не сотрудничала с государствами Юга в экологической сфере, то к 2015 г. у Индии были подписаны соглашения об экологическом партнерстве с 29 развивающимися государствами, а к середине 2020 г. их стало 83², причем южноазиатское государство выступает, как правило, в качестве донора. Очень резко набрали обороты гуманитарное сотрудничество и активность в других сферах отношений.

Не менее важно для Индии развитие ситуации в регионе. В биполярный период Индийский национальный конгресс занимал в отношении средних и малых государств Южной Азии более жесткую линию по сравнению с другими партиями. Еще в «Открытии Индии», написанном до получения независимости, Дж. Неру отмечал, что «маленькое национальное государство обречено на гибель. Оно может выжить в качестве культурно автономной территории, но не как политическое независимое образование»³.

Придя к власти, «Джаната парти» объявила о необходимости всестороннего развития отношений со своими соседями и о готовности идти им на уступки. С этой целью проходили многочисленные официальные визиты лидеров Южной Азии. В 1977 г. было подписано индийско-бангладешское соглашение о распределении вод Ганга, которое было намного более выгодно для Бангладеш⁴. Непал первоначально опасался, что новое правительство Индии окажет жесткий нажим на королевскую власть из-за преследований в гималайской стране основной оппозиционной силы – Непальского конгресса, который имел самые тесные

1 The Statesman (New Delhi). 28.09.1983.

2 "Treaty List by Subject," Ministry of External Affairs, Government of India, accessed September 5, 2025, <https://www.mea.gov.in/TreatyList.htm?1>.

3 Nehru 1946, 653.

4 Singh 1987.

связи с Социалистической партией Индии, входившей вместе с «Бхаратия Лок Дал» («Индийская народная партия»), членами которой были многочисленные бывшие социалисты, в состав «Джаната парти». Но, напротив, Нью-Дели смягчил свой курс в отношении Непала и в 1978 г. заключил с ним крайне выгодные для гималайской страны – особенно предоставление гарантированного торгового коридора через штат Западная Бенгалия – отдельные соглашения о торговле и транзите (Непал практически полностью зависел от Индии во внешнеэкономической сфере). Произошло и существенное потепление индийско-ланкийских отношений. При этом значительная часть партий (прежде всего, «Джана Сангха»), вошедших в победивший блок, занимала еще более жесткую позицию в отношении Пакистана по сравнению с Индийским национальным конгрессом, который в роли оппозиции яростно критиковал курс правительства в отношении соседей. Например, И. Ганди утверждала, что оно «раболепствует перед соседями настолько, что даже Бутан может язвить по адресу такой великой страны, как Индия»¹.

Индийские и ряд западных специалистов полагают, что, вернувшись к власти в 1980 г., кабинет ИНК (И) принял на вооружение «доктрину Индиры», которую они воспринимают как «индийскую доктрину Монро»². Первоначально правительство Р. Ганди (1984–1989), поняв, что жесткая линия Индии в отношении соседей усиливает их антииндийские настроения, перешло к политике уступок государствам Южной Азии, но, не добившись реального улучшения отношений с ними, вновь вернулось к курсу, характерному для первой половины десятилетия. Оппозиционные партии требовали от Нью-Дели идти на компромиссы с соседями, и Национальный фронт, созданный из пяти центристских партий и возглавляемый главным критиком Р. Ганди, бывшим министром финансов и обороны, В.П. Сингхом, после прихода к власти в 1989 г. стремился к всестороннему улучшению взаимосвязей с государствами региона. Нормализации отношений не произошло только с Пакистаном. «Бхаратия джаната парти», поддерживавшая кабинет Национального фронта, в начале 1990 г., когда резко обострились отношения с северным соседом, потребовала «железной рукой» ответить на его вызов, а Конгресс назвал политику правительства В.П. Сингха в отношении Пакистана «слабовольной»³.

Конгрессистский кабинет П.В. Нарасимхи Рао (1991–1996) в условиях глобальной турбулентности не считал региональное направление особо приоритетным. Левоцентристские правительства Объединенного фронта стремились к нормализации взаимосвязей с Пакистаном, но с лета 1997 г. начались военные столкновения на индийско-пакистанской границе.

В целом в постбиполярный период разногласия в отношении курса Индии в регионе между тремя основными силами, которые находились у власти в различные годы (Индийский национальный конгресс – в 1991–1996 гг. и 2004–2014 гг., т.н. Третий фронт – левоцентристы – в 1996–1998 гг. и «Бхаратия джаната парти» – в 1998–2004 гг. и с 2014 г.), были незначительными. Нужно лишь указать

1 The Times of India (New Delhi). 19.05.1981.

2 Hagerty 1991, 352.

3 "Turning Bitter," India Today 15, no 3, 1990. P. 38.

на большую склонность левоцентристов к уступкам и стремление БДП с середины 1990-х гг., когда появились реальные шансы встать во главе Индии, изменить свой образ шовинистической силы, негативно настроенной к государствам с другим религиозным составом, особенно к мусульманским. До этого партия не стеснялась демонстрировать негативное отношение к исламским государствам. Так, «Бхаратия джаната парти» самым активным образом возражала против вступления в силу подписанного в июне 1992 г. соглашения об аренде коридора Тин Бигха на индийско-бангладешской границе.

Правительства А.Б. Ваджпаи и Н. Моди проявляли большое внимание к государствам Южной Азии и стремились к решению многих спорных вопросов. Бутан и Непал попали в число направлений первых трех официальных визитов Н. Моди. Неудачными оказались все попытки нормализовать отношения с Пакистаном. Через два месяца после посещения А.Б. Ваджпаи Пакистана в 1999 г. («автобусная дипломатия») произошло вторжение пакистанских военнослужащих на территорию индийского Кашмира («Каргильский инцидент», который в Индии именуется Каргильской войной). После неожиданного визита Н. Моди в Пакистан в 2015 г. уже через неделю произошло нападение пакистанских террористов, которых Нью-Дели подозревает в прямых связях с пакистанской армией, на военно-воздушную базу в Патханкоте (штат Пенджаб). Стоит отметить, что лидеры Конгресса в комментариях по поводу данного визита заявляли, что премьер-министр М. Сингх ни разу не посетил Пакистан, именно опасаясь колоссальной волны негодования, которую могла поднять тогда оппозиционная «Бхаратия джаната парти»¹.

Когда БДП находится в оппозиции, она более негативно высказывается о соседних государствах. Так, если в 2012 г. находившийся у власти ИНК никак не высказывался по поводу взаимосвязи коммуналистских столкновений в Ассаме (незаконные мигранты-мусульмане из Бангладеш напали на племя бодо, принадлежащее к тибето-бирманской языковой семье и исповедующее преимущественно индуизм, в результате чего около 200 тыс. людей оказались в специальных лагерях для беженцев) и миграции бангладешцев, то «Бхаратия джаната парти» требовала выслать незаконных мигрантов-мусульман².

Между индийскими партиями существовали противоречия и по вопросам военной ядерной политики. Многие политики осудили проведение ядерного взрыва в 1974 году. Например, премьер-министр М. Десаи утверждал, что испытание было осуществлено в политических целях, и отвергал необходимость предпринимать подобные действия в будущем³. Против вхождения в «ядерный клуб» выступала и Коммунистическая партия⁴. Вернувшись к власти, И. Ганди заявила, что последующие ядерные испытания будут проводиться, если это будет соответствовать национальным интересам, и до 1983 г. ядерные полигоны были готовы к проведению новых ядерных взрывов, хотя они и не осуществлялись⁵. Придя к власти в 1998 г., «Бхаратия джаната парти» сразу провела в мае

1 Gupta S., "Why Manmohan Could Not Make the Trip to Pakistan?" The Hindu (New Delhi), December 27, 2015.

2 Talukdar 2012.

3 Bose 1985, 1596.

4 Fera 1986, 2120.

5 Spector 1985, 37.

испытание пяти ядерных устройств, что было встречено с восторгом индийской общественностью.

Левые партии и «Бхаратия джаната парти» выступили против ратификации в 2008 г. индийско-американского соглашения о мирном сотрудничестве в области атомной энергии, которое требовало от Индии только четкого разграничения военной и мирной ядерных программ. Р. Сен, посол Индии в США и бывший посол в России, даже назвал членов индийского парламента «безголовыми цыплятами» за противодействие данной сделке¹. Однако впоследствии левые и правые перестали сопротивляться ратификации документа.

В 1990-е гг. проявились расхождения и по внешнеэкономическим проблемам. Так, в предвыборном манифесте БДП в 1998 г. была подвергнута резкой критике линия Индийского национального конгресса на экономическую либерализацию. ВТО была названа «прозападной» организацией, и выдвигались требования сохранять протекционизм для индийской промышленности, отказаться от сокращения субсидий сельскому хозяйству, ограничить деятельность иностранных страховых компаний и банков, крайне осторожно относиться к подписанию соглашений о прямых иностранных инвестициях². Примечательно, что, придя к власти, БДП, по существу, продолжила курс Конгресса на экономическую либерализацию, снимая ограничения на импорт, проводя приватизацию и повышая привлекательность для иностранных инвесторов.

Региональные партии Индии, без поддержки которых в XXI в. ни одна национальная партия не может образовать правительство, воздействуют на внешнеполитический курс, но, прежде всего, в отношении соседних со штатами государств. Так, подходы «Аней Индиа анна дравида муннетра кажагам» («Всеиндийская Федерация дравидского прогресса имени Аннадураи») и «Дравида муннетра кажагам» («Федерация дравидского прогресса»), основных партий Тамилнада, воздействуют на индийско-ланкийские отношения. Эти организации полностью поддерживали тамилы в Шри-Ланке после начала там гражданской войны в 1983 г. между сингалами и тамилами, что продолжилось и после завершения военных действий в 2009 году. Партии оказывают воздействие на центральное правительство, негативно реагируя на любую, даже небольшую уступку островному государству. Между организациями Тамилнада нет никаких расхождений по вопросу о положении тамилы в Шри-Ланке. Однако партия, которая находится у власти в штате, обычно занимает более умеренные позиции по данной проблеме, если входит в победивший на центральных выборах блок. Вместе с тем недовольство излишне мягкими действиями Нью-Дели может привести и к выходу из победившего блока, как это было, например, в марте 2013 г., когда «Дравида муннетра кажагам» вышла из Объединенного прогрессивного альянса³, возглавляемого ИНК, вследствие, как было заявлено, излишне мягких позиций правительства в отношении дискриминации тамильского меньшинства на острове.

1 "Turmoil over Envoy's Remarks," *The Hindu* (New Delhi), August 22, 2007.

2 "The Bharatiya Jana Sangh. Election Manifesto 1998," accessed September 5, 2025, <https://library.bjp.org/jspui/bitstream/123456789/241/1/BJP%20ELECTION%20MANIFESTO%201998.pdf>.

3 "DMK Pulls Out of UPA; Government is Stable, Says Chidambaram," *The Economic Times* (New Delhi), March 19, 2013.

На индийско-бангладешские отношения существенно влияют подходы партий, находящихся у власти в штате Западная Бенгалия. Если коммунисты, которые долго пребывали у власти, придерживались умеренной линии в отношении Бангладеш, то партия «Всеиндийский Тринамул Конгресс» («Всеиндийский Народный конгресс»), образованная незадолго до выборов 2009 г. в основном из бывших членов ИНК и сумевшая одержать победу над коммунистами в «красном штате», регулярно демонстрирует стремление не допускать уступок Бангладеш, которые негативно скажутся на положении населения штата. Так, к визиту в Дакку М. Сингха в сентябре 2011 г. было подготовлено соглашение о равном распределении водотока реки Тиста (распределение водных ресурсов является ключевой проблемой для Бангладеш). Однако его подписание было сорвано «Всеиндийским Тринамул конгрессом», который потребовал соблюдения пропорции 3 к 1 в пользу Индии¹. Данное соглашение не подписано до сих пор.

Проблемы внешней политики на последних всеобщих выборах

В предвыборном манифесте «Бхаратия Джаната парти» в 2024 г.² вопросы внешней политики вообще не рассматривались (можно только отметить обещание способствовать тому, что Индия станет третьей мировой экономикой при расчете валового внутреннего продукта по номинальному значению³).

В предвыборном манифесте Индийского национального конгресса⁴ вопросы внешней политики и безопасности были размещены в самом конце. Правительство БДП было подвергнуто критике за неумение урегулировать взаимоотношения с Китаем и вернуть утраченные территории (отмечалось, что столкновения в Ладакхе и Галване «стали крупнейшими ударами по национальной безопасности Индии за последние десятилетия»⁵), а также излишне мягкую позицию по отношению к военным действиям Израиля в Газе. Конгресс отметил сохраняющуюся преэминентность в Индии по внешнеполитическим вопросам и поддержание функционирования национального согласия, выразив глубокую благодарность «мудрости дальновидных лидеров, таких как Дж. Неру»⁶. Подтверждалась твердая приверженность диалогу «Юг – Юг» и борьбе с международным терроризмом. По мнению ИНК, нетерпимость правительства к инакомыслию и подавление прав человека подорвали международный имидж Индии, и только приход Конгресса к власти изменит сложившуюся ситуацию. Внимание было уделено и необходимости увеличить объем внешнеторгового оборота Индии.

1 "Manmohan Singh's Dhaka Visit: Landmark Border Agreements But No Teesta Deal," India Today, September 6, 2011, accessed September 5, 2025, <https://www.indiatoday.in/world/neighbours/story/manmohan-dhaka-visit-border-agreements-no-teesta-deal-140502-2011-09-05>.

2 "Bharatiya Janata Party. Modi ki Guarantee 2024," The Hindu Centre for Politics and Public Policy, accessed September 5, 2025, https://www.thehinducentre.com/resources/68064397-Modi-Ki-Guarantee-Sankalp-Patra-English_0_compressed.pdf.

3 При расчете ВВП по паритету покупательной способности Индия стала третьей еще в 2011 году.

4 "Nyay Patra. Lok Sabha Elections 2024," Indian National Congress, accessed September 5, 2025, <https://www.thehinducentre.com/resources/68031831-Congress-Manifesto-English.pdf>.

5 Ibid., 38.

6 Ibid., 40.

В предвыборном манифесте Коммунистической партии Индии (марксистской)¹ правительство упрекали в том, что оно «отказалось от независимой внешней политики... и полностью подчинилось стратегическим планам США в области политики и безопасности», а также «встало на сторону сионистского правительства, поддерживаемого США». «Стратегический четырехугольник» (*Quad*) США – Япония – Австралия – Индия был назван стратегическим и военным альянсом в Индо-Тихоокеанском регионе².

КПМ выступила за независимую внешнюю политику; содействие сотрудничеству между развивающимися государствами и укрепление многополярности; выход из стратегического альянса с США и всех основополагающих соглашений с Соединенными Штатами; разрыв всех связей с Израилем в области безопасности и в военной сфере; создание государства Палестина с границами, существовавшими до 1967 г.; укрепление взаимоотношений с соседями и урегулирование пограничного спора с Китаем путем переговоров и развития всесторонних связей; возобновление переговоров с Пакистаном; ликвидацию всех военных баз в регионе; запрет покупки индийских банков иностранными компаниями; ограничение прямых иностранных инвестиций в финансовый сектор; защиту индийской промышленности от иностранного капитала.

В манифестах региональных партий вопросы внешней политики вообще не поднимались. В 68-страничном манифесте «Дравида муннетра кажагам» даже не упоминались отношения со Шри-Ланкой и лишь ставился вопрос о предоставлении гражданства ланкийским тамилам, мигрировавшим с острова в штат Тамилнад³.

Единственное, что содержалось в более чем 100-страничном тексте «Всеиндийского Тринамул Конгресса»,⁴ – это критика неспособности правительства справиться с деятельностью Китая, который нанес удары в 2017 и 2020 гг. в Докламе и Галване, «оккупирует тысячи километров индийской территории» и «продолжает наращивать военную мощь и инфраструктуру в Индии, ставя под угрозу безопасность коридора Силигури и сообщение основной части Индии с северо-востоком»⁵, и необходимость эффективного укрепления охраны государственных границ. Бангладеш в манифесте даже не упоминается.

* * *

Таким образом, национальный консенсус, возникший в Индии еще в середине 1950-х гг., привел к тому, что между партиями отсутствуют фундаментальные противоречия в отношении внешнеполитического курса, а возникающие разногласия достаточно успешно сглаживаются. В периоды ужесточения внешнеполитических дебатов различные точки зрения проявлялись, в первую очередь, в политических заявлениях партий и их лидеров. В случае победы оппозицион-

1 "Communist Party of India (Marxist) Election Manifesto. 18th Lok Sabha," The Hindu Centre for Politics and Public Policy, accessed September 5, 2025, https://www.thehinducentre.com/resources/68038717-20240331-pdfs_election_manifesto.final_.pdf.

2 Ibid., 11.

3 "Dravida Munnetra Kazhagam 2024 General Elections Manifest," The Hindu Centre for Politics and Public Policy, accessed September 5, 2025, https://www.thehinducentre.com/resources/67975768-DMK_Election_Manifesto_Eng_Karthi_33ac415568.pdf.

4 "All India Trinamul Congress Manifesto 2024," accessed September 5, 2025, <https://data.opencity.in/dataset/parliamentary-elections-2024-manifestos/resource/all-india-trinamool-congress-manifesto-2024>.

5 Ibid., 56.

ных сил на всеобщих выборах они в существенной степени продолжали проводить внешнюю политику предыдущего правительства.

По всей видимости, в дальнейшем любая партия в случае прихода к власти будет придерживаться существующего национального согласия, хотя может усиливаться борьба по конкретным внешнеполитическим проблемам. Коммунистическое движение часто имеет отличное мнение, однако его влияние резко ослабло из-за снижения в Индии интереса к коммунистическим идеям.

Внешняя политика не играла ключевой роли на последних выборах, основное внимание в ходе дебатов уделялось вопросам внутренней политики и экономики, которые, очевидно, больше волнуют граждан Индии. Выявленные разногласия характерны для политических заявлений оппозиционных партий, которые в случае прихода к власти будут придерживаться линии предыдущего правительства по базовым вопросам.

При этом можно ожидать существенных перемен в Индии в отношении всего внешнеполитического курса, связанных с очень серьезным укреплением государства в мировой политической и экономической системах, что вызывает пересмотр общих подходов элиты к международным делам. Данный процесс может занять 7–10 лет, и в настоящее время трудно определить, какую роль в нем сыграет партийно-политическая структура и какие разногласия могут возникнуть между политическими партиями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Бандьопадхья, Дж. Дискуссия // Индийская цивилизация в глобализирующемся мире / отв. ред. С.И. Лунев, В.Г. Хорос. М.: ИМЭМО РАН, 2005. С. 72–81.
- Band `opadh `yaya, Dzh. "Diskussiya." In *Indijskaya civilizaciya v globaliziruyushhemsya mire*, edited by Sergey I. Lunev, and Viktor G. Horos, 72–81. Moscow: IMEMO RAN, 2005 [In Russian].
- Капур, Дж. Дискуссия // Индийская цивилизация в глобализирующемся мире / отв. ред. С.И. Лунев, В.Г. Хорос. М.: ИМЭМО РАН, 2005. С. 103–107.
- Kapur, Dzh. "Diskussiya." In *Indijskaya civilizaciya v globaliziruyushhemsya mire*, edited by Sergey I. Lunev, and Viktor G. Horos, 103–107. Moscow: IMEMO RAN, 2005 [In Russian].
- Лунев, С.И. Советско-индийские отношения (1955–1971 гг.): рождение дружбы // Вестник МГИМО-Университета. 2017. № 2. С. 24–51.
- Lunev, Sergey I. "Sovetsko-indijskie otnosheniya (1955–1971 gg.): rozhdenie druzhby." *Vestnik MGIMO-Universiteta*, no. 2 (2017): 24–51 [In Russian].
- Насенко, Ю.Д. Джавахарлал Неру и внешняя политика Индии. М.: Наука, 1975.
- Nasenko, Yuri. D. *Dzhavaharlal Neru i vneshnyaya politika Indii*. Moscow: Nauka, 1975 [In Russian].
- Неру, Дж. Внешняя политика Индии. Избранные речи. 1946–1964. М.: Прогресс, 1965.
- Neru, Dzh. *Vneshnyaya politika Indii. Izbranny `e rechi. 1946–1964*. Moscow: Progress, 1965 [In Russian].
- Юрлов, Ф.Н., Юрлова, Е.С. История Индии. XX век. М.: Институт востоковедения РАН, 2010.
- Yurlov, F.N., Yurlova E.S. *Istoriya Indii. XX vek*. Moscow: Institut vostokovedeniya RAN, 2010 [In Russian].
- Baru, Sanjaya. *How P.V. Narasimha Rao Made History*. New Delhi: Aleph Book, 2016.
- Baru, Sanjaya. *The Accidental Prime Ministry. The Making and Unmaking of Manmohan Singh*. New Delhi: Penguin Books, 2014.
- Bose, Deb Kumar. "India's Options in Nuclear World," *Economic and Political Weekly* 20, no. 38 (1985): 1594–1596.
- Chopra, V.D., ed. *India and the Socialist World*. New Delhi: Allied Publishers, 1983.
- Cohen, Stephen P., and Richard L. Park. *India: Emergent Power?* N.-Y.: Crane, Russak & Co, 1978.
- Fera, Ivan, and Kannan Srinivasan. "Keeping the Nuclear Option Open. What It Really Means," *Economic and Political Weekly* 21, no. 9 (1986).
- Frank, Katherine. *Indira: The Life of Indira Nehru Gandhi*. New York: Harper Perennial, 2007.
- Galbraith, John Kenneth. *Ambassador's Journal. A Personal Account of the Kennedy Years*. Boston: Houghton Mifflin, 1969.
- Gangal, S.C. *India's Foreign Policy*. New Delhi: Young Asia, 1980.
- Ganguly, A., ed. *The Modi Doctrine: New Paradigms in India's Foreign Policy*. New Delhi: Wisdom Tree Publishers Distributors, 2018.
- Gopal, Sarvepalli. *Jawaharlal Nehru: A Biography*. Oxford University Press, 1984.
- Habibullah, Wajahat. *My Years with Rajiv: Triumph and Tragedy*. New Delhi: Westland Non-Fiction, 2023.

Hagerty, Devin T. "India's Regional Security Doctrine," *Asian Survey* 31, no. 4 (1991): 351–363.

Harivansh, and Ravi Dutt Bajpai. *Chandra Shekhar – The Last Icon of Ideological Politics*. New Delhi: Rupa Publications Book, 2019.

Kashyap, Subhash C., ed. *Jawaharlal Nehru: His Life, Work and Legacy*. New Delhi: S. Chand & Co. Ltd., 1990.

Malhotra, Inder. *Indira Gandhi: A Personal and Political Biography*. New Delhi: Hay House Publishers, 2014.

Mukerji, Debashish. *The Disruptor. How Vishwanath Pratap Singh Shook India*. New Delhi: Harper Collins India, 2021.

Nag, Kingshuk. *Atal Bihari Vajpayee. A Man for All Seasons*. New Delhi: Rupa Publications Book, 2017.

Nehru, Jawaharlal. *The Discovery of India*. Calcutta: Signet Press, 1946.

Singh, Kuldeep. *India and Bangladesh*. New Delhi: Anmol Publications, 1987.

Singh, Sinderpal. *Modi and The World: (Re) Constructing Indian Foreign Policy*. Singapore: World Scientific Publishing Company, 2017.

Spector, L. "Averting a Race to a Nuclear Armageddon," *Far Eastern Economic Review* 129, no. 38 (1985).

Talukdar, Sushanta. "Assam's Sorrow," *Frontline* 29, no. 16 (2012).

Сведения об авторе

Сергей Иванович Лунёв,
д.и.н., профессор, МГИМО МИД России
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76
e-mail: silounev@gmail.com

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 20 июля 2025.
Переработана: 8 сентября 2025.
Принята к публикации: 14 сентября 2025.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Цитирование

Лунёв, С.И. Подходы индийских партий к внешнеполитическому курсу Индии // Международная аналитика. 2025. Том 16 (4). С. 96–113.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2025-16-4-96-113>

Approaches of Indian Parties to India's Foreign Policy

ABSTRACT

India is a sphere of vital national interest for Russia. Relations with it are a priority for the Russian Federation due to historical experience, geopolitical considerations, military-political ties, and, more recently, economic relations (Russia has once again become a key trading partner for the Asian giant, as it was during the bipolar period). Naturally, the positions of the key parties in India on foreign policy issues play a very important role, which is the main subject of the article. The article analyzes the essence of the discussions on macro-issues of foreign policy in the South Asian country since independence and the gradual emergence of a "supra-party" agreement on international affairs. Various social and political groups in the country hold very similar positions on the balance between political, diplomatic and military-forced methods in foreign policy. It can be assumed that this pan-Indian consensus indicates a sufficient awareness of national interests and foreign policy goals by political parties; and the absence of multiple official concepts on national security, foreign policy and defense does not prevent a sufficiently unified awareness of external threats and methods for countering them. The prospects of confrontation / interconnectedness in the foreign policy approaches of Indian parties as well as the ratio of declared objectives and real policy if elected to power is considered. A special subject of the study was the analysis of the parties' positions regarding the foreign policy course at the last general elections in 2024.

KEY WORDS

India, foreign policy strategy, national consensus, party and political structure, elections

Author

Sergey I. Lunev,

PhD (Hist.), Professor, MGIMO University
76, Vernadsky avenue, Moscow, Russia, 119454
e-mail: silounev@gmail.com

Additional information

Received: July 20, 2025. Revised: September 8, 2025. Accepted: September 14, 2025.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the author.

For citation

Lunev, Sergey I. "Approaches of Indian Parties to India's Foreign Policy."
Journal of International Analytics 16, no. 4 (2025): 96–113.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2025-16-4-96-113>

Электоральная культура и трансформация демократических институтов в Индонезии в контексте всеобщих выборов 2024 года

Никита Сергеевич Куклин, МГИМО МИД России, Москва, Россия

Контактный адрес: ns.kuklin@inno.mgimo.ru

АННОТАЦИЯ

Президентские и парламентские выборы в Индонезии 2024 г. продемонстрировали уникальные особенности демократического транзита в крупнейшем государстве-архипелаге мира. Победа Прабово Субианто с результатом 58,59 % голосов в первом туре стала возможной благодаря специфической электоральной культуре Индонезии, сочетающей элементы традиционного консенсуса элитарных групп (индон. *musyawarah-mufakat*) и самобытных демократических институтов, сформировавшихся после периода Реформации 1998–2004 годов. Проведенный анализ демонстрирует парадоксальность индонезийского транзита: при технически успешном проведении выборов политическая система столкнулась с углублением структурных противоречий между основными центрами влияния. Электоральный процесс выявил трансформацию политической культуры элит в сторону прагматического ситуативного союзничества, при котором идеологические расхождения отступают перед конъюнктурными интересами. Установлено, что устойчивость индонезийской демократической модели определяется механизмом конкурентного взаимодействия политических сил и институциональными практиками их сдерживания, что компенсирует сохраняющуюся напряженность в межэлитарных отношениях. При этом внутривнутриполитические последствия выборов на современном этапе частично нивелируются внешнеполитическими достижениями Индонезии и успешной персональной дипломатией президента Прабово.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Индонезия, АСЕАН, Нусантара, выборы, политическая культура, электоральная культура, демократия, концептуальная самобытность, Прабово Субианто, Джоко Видодо

14 февраля 2024 г. в Индонезии состоялись всеобщие (президентские и парламентские) выборы – одно из наиболее значимых событий современного периода индонезийской истории. Завершилось десятилетнее президентство Джоко Видодо, определившее стратегию внутренней и внешней политики Индонезии в соответствии с видением главы государства, его министров и ближайшего окружения (Рабочего кабинета и кабинета «Индонезия вперед»).

Выборы являются предметом национальной гордости индонезийцев, поскольку считаются достижением эпохи «Реформации» 1998–2004 гг. – периода фундаментальных демократических преобразований после почти трех десятилетий авторитарного режима «Нового порядка» президента Сухарто. Конфигурация элит, сформировавшихся в то время – многие из которых представляли прежние группы, не обладавшие властью при Сухарто, – стала своеобразным фундаментом партийного ландшафта и, шире, электоральной культуры страны¹.

От ряда других государств АСЕАН Индонезия отличается довольно стабильным электоральным циклом, пусть и не без закулисного противоборства, конституционных кризисов и протестов сторонников различных групп. Так как избирательная система выступает частью общей системы политической, ей присущи все черты последней, а именно массовость, фракционность, иерархичность и зависимость как от формальной, так и от неформальной политической конфигурации (патрон-клиентских связей)².

Как гласит национальный девиз Индонезии «Единство в разнообразии», ключевой особенностью ее политической системы является стремление к балансу интересов и предотвращению монополизации власти какой-либо одной группой. Президент, правительство и прочие институты такой системы выстраивают внутреннюю и внешнюю политику таким образом, чтобы учесть позиции различных политических сил³. Это, безусловно, может приводить к некоторой размытости идеологических установок, но одновременно обогащает арсенал доступных политических инструментов и механизмов.

По своей сути индонезийская политическая система представляет собой сложную сеть горизонтальных фракционных связей, где определяющую роль играют личные отношения между акторами. Формальные структуры власти и официальные должности здесь скорее отражают фактическое неформальное влияние участников, их происхождение, положение, контроль над ресурсами и активами, доступ к финансовым потокам и рычагам власти. Именно эта система взаимосвязей и взаимозависимостей формирует действительную архитектуру принятия решений в стране.

Помимо политических партий, в эти процессы включены армия и полиция. Хотя силовые структуры не имеют права голосовать на выборах, они могут негласно поддерживать тех или иных политиков или отставных офицеров в политике, религиозные и общественные организации⁴.

1 Куклин 2021, 343

2 Anderson 2006, 47.

3 Mietzner 2023, 5.

4 Butt 2015, 186.

Все они функционируют по принципу условной корпоративистской модели, когда человек навсегда связывает жизнь с этой структурой, а она в дальнейшем заботится о его пенсии, членах семьи, спонсирует обучение детей в школах и университетах, которые также патронируются этими организациями. Большинство индонезийцев состоят в различных социальных и религиозных группах, партиях и фракциях, зачастую по династическому принципу¹. Это влияет на общественный статус человека серьезнейшим образом, определяет его социальное лицо и привилегии.

Несмотря на то, что подобная фракционность всегда была присуща индонезийскому политическому полю, сбалансировать различные политические группы и установить между ними естественный консенсус удалось лишь к началу века, поскольку исторический опыт Индонезии значительно повлиял и на особенности ее политической системы.

Национальная электоральная и политическая культуры

Индонезийская электоральная модель наследует структурные противоречия, заложенные в период формирования независимого государства. В основу построения молодой нации легли пять принципов Панча Сила – зонтичной идеологии-философии первого президента Сукарно, которая объединила три ключевые политические силы того времени: националистов, коммунистов и мусульманские организации – в борьбе за независимость². Сукарно поощрял диалог политических фракций и на начальном этапе стремился к открытому парламентаризму. Первые парламентские выборы 1955 г. стали единственным историческим примером конкурентного плюрализма на раннем этапе становления нации.

Они продемонстрировали фундаментальную фрагментацию политического пространства, когда четыре крупнейшие партии (Национальная партия Индонезии (НПИ), Машуми, Нахдатул Улама и Коммунистическая партия Индонезии (КПИ)) получили приблизительно равное количество голосов, не позволив сформировать устойчивое большинство. Неспособность парламентской демократии обеспечить стабильность (смена восьми кабинетов за 1950–1959 гг.) легитимизировала переход к «направляемой демократии» Сукарно (1957–1965 гг.), установившей паттерн подчинения электоральных институтов исполнительной власти через концепцию *Nasakom* (индон. *NASionalisme, Agama, KOMunisme*), предполагавшую балансирование интересов националистов, религиозных партий и коммунистов на основе централизованной власти президента. Сукарно в этих условиях критиковал парламентскую демократию западного типа, считая, что она противоречит традиционным принципам индонезийской философии и мешает восстанавливать страну в ситуации глубокого послевоенного кризиса³. Сукарно предлагал альтернативу, описывая индонезийскую демократию как

1 Jackson et al. 2023, 349.

2 Панча Сила (санскр. Пять принципов) – официальная индонезийская философская доктрина, состоит из следующих принципов: вера в единого Бога; справедливая и цивилизованная гуманность; единство страны; демократия, направляемая разумной политикой консультаций и представительства; осуществление социальной справедливости для всего народа Индонезии. Все партии так или иначе признают примат Панча Сила, независимо от их политической ориентации.

3 Zamjani 2021, 34.

более социально ориентированную, подобную яванской деревне, где все решается через обсуждение и консенсус (индон. *musyawarah-mufakat*), а не диктатуру большинства. Он также описывал Конституцию Индонезии 1945 г. как народную и созданную для народа¹.

Авторитарный режим «Нового порядка» президента Сухарто (1968–1997) систематизировал эту модель через принудительную реорганизацию партийной системы: объединение всех партий в два контролируемых блока – исламскую Партию единства и развития (ПЕР) и светскую Демократическую партию Индонезии – при гегемонии корпоративного блока Голкар, формально являвшегося не партией, а скорее объединением функциональных групп – вооруженных сил, женских, молодежных и других организаций. Закон о центральном подчинении всех партий Панча Сила (1985) (индон. *Asas tunggal Pancasila*) законодательно запретил любые идеологические платформы вне государственной идеологии, превратив выборы в ритуал легитимизации авторитарной власти, поддерживаемой военными в рамках доктрины двойной ответственности армии за оборону и развитие государства (индон. *Dwifungsi*).

Демократический транзит периода Реформации (1998–2004) создал институциональную архитектуру конкурентной политики – ограничение на третий президентский срок (2002), введение прямых президентских выборов (2004), плюрализацию партийной системы по трем осям (демократы-националисты, религиозные партии, светские консерваторы), – однако не устранил глубинные практики патримониальной власти².

С приходом к власти в 2004 г. президента Сусило Бамбанга Юдойоно политическая и экономическая обстановка в стране стабилизировалась, а демократические ценности в их индонезийском понимании в качестве ценностей социальной справедливости стали основой политического мышления элиты как общепринятая норма³. Ключевые партии, такие как Демократическая партия борьбы Индонезии (индон. *Partai Demokrasi Indonesia Perjuangan, PDI-P*), возглавляемая дочерью Сукарно – Мегавати Сукарнопутри, Голкар, а также партии мусульманского блока, такие как «Партия национального пробуждения» (индон. *Partai Kebangkitan Bangsa, PKB*), «Партия единства и развития» (индон. *Partai Persatuan Pembangunan, PPP*), «Партия национального мандата» (индон. *Partai Amanat Nasional, PAN*) и «Партия справедливости и благоденствия» (индон. *Partai Keadilan Sejahtera, PKS*) конкурировали, но строго соблюдали *status quo* и баланс сил, при котором какая-то фракция может победить на выборах, но не сможет обрести всю полноту власти и проводить политику в своем идеологическом ключе. Политический процесс также состоял из взаимных уступок и уважения интересов партнеров⁴.

Основное противостояние, предшествующее актуальной политической ситуации, развернулось в рамках президентских кампаний 2014 и 2019 гг. между лидером созданной в 2008 г. партии консерваторов-националистов «Движение за великую Индонезию», или «Гериндра» (индон. *Partai Gerakan Indonesia Raya*,

1 Soekarno. *Penemuan kembali revolusi kita (The rediscovery of our revolution): pidato Presiden Republik Indonesia pada tanggal 17 Agustus 1959*. Kementerian Penerangan R.I., 1959.

2 Fiona, Tomsa 2020, 41.

3 Хохлова 2011, 55.

4 Другов 2024, 152.

Gerindra), бывшим зятем Сухарто, генерал-лейтенантом в отставке Прабово Субианто и «народным» кандидатом от партии *PDI-P*, выходцем из семьи простого мебельщика Джоко Видодо по прозвищу Джокови, к тому времени известным своими достижениями на посту мэра Суракарты и губернатора Джакарты¹.

Прабово занимал высокие военные посты в сухартовский период и был влиятельной фигурой в консервативных политических кругах. Джокови на его фоне продемонстрировал новый тип руководства, был близок к народу, поддерживал модернизацию инфраструктуры и социальные проекты, преуспев в их реализации в столице². Популистский имидж обеспечил победу Джокови на всеобщих выборах 2014 г., что привело к установлению гегемонии партии Мегавати и сохранению ее ключевого влияния на политические процессы³. Прабово, располагающий развитыми связями с исламским сообществом, консолидировал светских и религиозных консерваторов в неформальную оппозиционную коалицию.

На президентских выборах 2019 г. Джокови в условиях острой конкуренции повторно одержал победу над Прабово Субианто, который впоследствии был назначен на почетную должность министра обороны. С этого момента публичный имидж Джокови претерпел существенную трансформацию: от образа «народного управленца» к репрезентации опытного государственного деятеля, опирающегося на профессионализированную технократическую команду, декларирующую идеологическую нейтральность.

Результаты двух президентских сроков Джокови обеспечили ему уникальную политическую позицию, характеризующуюся высоким уровнем общественной поддержки и признанием его эффективности со стороны политических элит, однако конституционное ограничение на третий президентский срок актуализировало проблему политической преемственности. Возникла необходимость в определении кандидата, способного обеспечить преемственность стратегий развития, поддержать динамику экономического роста и осуществить реконфигурацию элитных групп. Параллельно проявилась тенденция к неформальной концентрации властных полномочий в руках президента и усилению его роли в качестве центрального актора межэлитного взаимодействия и координации.

Всеобщие выборы 2024 г. как точка отсчета нового периода индонезийской политической истории

Переломным событием, определившим специфику предвыборной кампании 2024 г., стало политическое противостояние между президентом Джокови и председателем Демократической партии борьбы Индонезии Мегавати Сукарнопутри относительно кандидатуры партийного номинанта. Стремление партийного руководства выдвинуть на президентский пост Пуан Махарани, дочь Мегавати и действующего спикера парламента, столкнулось с противодействием со стороны президента, также выходца из этой партии. Данная коллизия отражала более глубокое противоречие между партийной дисциплиной и автономизацией

1 Singh 2024, 67.

2 Sook-jong Lee 2021, 297.

3 Rakhmani et al. 2021, 442.

президентской власти, трансформацию Джокови из «партийного назначенца» в самостоятельного регулятора политических процессов.

Компромиссное решение о выдвижении популярного губернатора провинции Центральная Ява Ганджара Прабово, принятое в апреле 2023 г., представляло собой попытку согласования интересов. Ганджар позиционировался как фигура, обеспечивающая преемственность политического курса Джокови, включая приверженность ключевым инфраструктурным проектам, в частности переносу столицы в г. Нусантара на Калимантане. Однако его лояльность партийной линии проявилась в публичных расхождениях с президентом, где наиболее показательным случаем стала поддержка бойкота участия израильской сборной на молодежном чемпионате ФИФА в 2023 г., нанесшего ущерб международной репутации Индонезии и действующей администрации¹.

Эскалация внутривнутрипартийных противоречий привела к осуществлению Джокови стратегического политического маневра, заключавшегося в поддержке Прабово Субианто, его бывшего оппонента на выборах. Данная реконфигурация альянсов сопровождалась мобилизацией подконтрольных президенту волонтерских структур, в частности движения «*ProJo*», а также получением неформальной поддержки со стороны крупнейшей мусульманской организации «Нахдатул Улама», обладающей значительным социально-политическим влиянием.

Ключевым элементом данной стратегии стало выдвижение старшего сына президента, Гибрана Ракабумина Рака, мэра Суракарты, на пост кандидата в вице-президенты в паре с Прабово. Формальным препятствием выступал возрастной ценз в 40 лет, однако решение Конституционного суда от 21 октября 2023 г., принятое под председательством зятя президента Анвара Усмана, допустило участие 36-летнего Гибрана на основании его предшествующего избрания на значимую государственную должность². Несмотря на последующее установление Советом Конституционного суда факта нарушения Усманом принципов судебской этики, включая беспристрастность и компетентность, решение не было аннулировано, что вызвало острую критику в академических кругах и среди организаций гражданского общества, вплоть до требований импичмента президента. Массовые протесты по итогам этого решения спровоцировали первый конституционный кризис³.

Параллельное включение младшего сына президента, Кэсана Пангарепа, возглавившего Индонезийскую партию солидарности (*PSI*) и перепозиционировавшего ее как «молодежную» политическую силу с последующим заявлением поддержки Прабово, свидетельствовало о системной стратегии династического укрепления позиций семьи Джоко Видодо в политической архитектуре страны. Президент Джокови также объявил, что Прабово и Гибран являются истинными продолжателями его дела. Поддержку дуэту выразил и консервативный Голкар –

- 1 Kornelius Purba, "Between Ganjar's Anti-Israel Stance and Prabowo's Ukraine Initiative," Jakarta Post, June 10, 2023, accessed October 25, 2025, <https://tinyurl.com/484vwrap>.
- 2 Vitorio Mantalean, and Fitriah Chusna Farisa, "MK Ubah Syarat Capres-Cawapres, Gibran Bisa Maju Pilpres 2024 (Constitutional Court Changes Presidential-Vice Presidential Requirements, Gibran Can Run in 2024 Election)," Kompas, October 16, 2023, accessed October 15, 2025, <https://tinyurl.com/vchzeunr>.
- 3 Brigitta Belia Permata, "Diberhentikan dari Ketua MK, Ini Etik yang Dilanggar Anwar Usman (Dismissed from Constitutional Court Chief Position, These Are the Ethics Violations by Anwar Usman)," DetikNews, November 7, 2023, accessed October 20, 2025, <https://tinyurl.com/4c2a2s3b>.

вторая по численности депутатских кресел партия¹. На этом фоне рейтинги избираемости Ганджара значительно упали, и если ранее он мог конкурировать с Прабово с разрывом в несколько процентов, то после выдвижения Гибрана Прабово ушел в значительный отрыв (см. *Таблицу*).

Несмотря на потерю поддержки Джокови и тотальную смену основ предвыборной программы, Ганджар решил вступить в гонку и побороться за влияние как среди консерваторов, так и среди мусульманских партий. Кандидатом в вице-президенты от коалиции Ганджара стал интеллеktуал, известный юрист и министр-координатор по вопросам права и безопасности Махфуд МД (Мохаммад Махфуд Махмодин). Ганджар и Махфуд позиционировали себя как опытные государственники, учитывающие интересы всех фракций, но не пользовались симпатиями молодежи.

Несмотря на распределение поддержки мусульманских партий между Прабово и Ганджаром, в гонку вступил третий кандидат – бывший губернатор Джакарты Анис Басведан, внук национального героя А.Р. Басведана. Его политическая траектория сочетала образ западного интеллектуала (преподавание за рубежом, антисухартовский активизм) с глубокими связями в исламской среде, включая фундаменталистские группы. Карьерный взлет Аниса произошел в 2017 г. после «дела Ахока» – религиозно мотивированного судебного процесса против христианина китайского происхождения Басуки Чахая Пурнама по прозвищу Ахок, друга Джокови и предшественника Аниса на посту губернатора. В ту пору Анису в продвижении на пост помогал Прабово Субианто, но теперь они становились фактическими конкурентами.

Анис опирался и на широкие симпатии посольств западных стран и поддерживал контакты с экспертной средой США и Австралии, участвуя в различных мероприятиях по их линии, однако это было свойственно кандидату и до выдвижения на выборах.

Формирование коалиции затянулось: в вице-президенты после долгих переговоров был выбран Мухаймин Искандар (председатель партии РКВ, связанной с умеренной организацией «Нахдатул Улама»), что создало идеологическое противоречие с прошариатской позицией самого Аниса и ранее заявленной поддержкой Прабово со стороны организации. Кампания строилась на обличении «непотизма Джокови», критике «излишне осторожной» политики балансирования между США и КНР, а также неприятию переноса столицы. Анис позиционировался как прогрессивный прозападный кандидат, готовый бороться с «пережитками прошлого»².

Пять раундов общенациональных дебатов (с декабря по февраль) по широкому кругу тем – от госуправления до безопасности – стали ареной драматического противостояния: Ганджар утратил второе место в рейтингах, уступив Анису, чья стратегия *TikTok*-активизма и резкой критики контрастировала с «вежливым

1 Emir Yanwardhana, "Golkar Sah Dukung Gibran Cawapres Prabowo, Jokowi di Mana? (Golkar Officially Supports Gibran as Prabowo's Vice Presidential Candidate, Where Is Jokowi?)," CNBC Indonesia, October 21, 2023, accessed October 15, 2025, <https://tinyurl.com/49rvzjst>.

2 Annisa Aulia Rahim, "Anies Kritik Politik Luar Negeri Transaksional, Kemlu Bicara Saling Untung (Anies Criticizes Transactional Foreign Policy, Foreign Ministry Speaks of Mutual Benefit)," DetikNews, December 12, 2023, accessed October 15, 2025, <https://tinyurl.com/5b9tvmb>.

яванским подходом» конкурента (см. *Таблицу*). Предвыборная кампания характеризовалась акцентом на лозунгах в ущерб детально проработанным программным предложениям, особенно во внешнеполитической сфере¹.

Прабово, в свою очередь, реализовал стратегическую реконфигурацию имиджа: сохранив консервативную позицию 2014 г. в вопросах безопасности, он интегрировал в свою кампанию риторический арсенал Джокови (близость к народу, технологии, развитие, инфраструктура и социальные программы) и дистанцировался от религиозных фундаменталистов после стремительного упадка их общественного влияния на волне антиправительственных выступлений 2020 года. Действующий президент негласно поддерживал Прабово как «мудрого политического наставника» для своего «современного и прогрессивного» сына².

Цифровизация кампаний (AI-аватары кандидатов, массовые акции в соцсетях) сочеталась с традиционными практиками благотворительности и демонстративной «культурной вежливостью», принятой в Индонезии, когда оппоненты публично декларировали статус «вечных друзей, временно конкурирующих» из-за обстоятельств. Поскольку молодое население в возрастном диапазоне от 16 до 40 лет составляет около 53 % населения Индонезии, цифровые технологии и медиаактивность сыграли ключевую роль в росте электоральной поддержки кандидатов и их публичном имидже³. Индонезийцы в силу общей коллективной культуры крайне активны в социальных сетях и проявляют повышенный интерес к политическим роликам и новостям. Поддержка со стороны молодежи и поддержка Джокови на политическом уровне сыграли свою роль в кампании как определяющие факторы успеха Прабово и Гибрана⁴.

В итоге коалиции Прабово и Гибрана удалось победить с результатом в 58,59 % голосов⁵. Российский исследователь А.В. Попов в свою очередь отмечает, что в целом по крупным регионам доля голосов, поданных за Прабово и Гибрана, составляет: на Яве – 57,5 %, Суматре – 53,7 %, на Калимантане – 64,3 %, Сулавеси – 64,1 %, на Малых Зондских островах – 61,2 %, на Молуккских островах – 61,3 % и на Папуа – 59,6 %⁶. Этот результат существенно помог дуэту Прабово – Гибран не только победить, но и преодолеть второе законодательно установленное условие и набрать не менее 25 % голосов избирателей в половине провинций Индонезии, разнообразных по своему этноконфессиональному составу.

В марте после объявления итогов Анис и Ганджар, вновь апеллируя к административному ресурсу Джокови и якобы махинациям при подсчете, подали иск в Конституционный суд (КС) о пересмотре итогов выборов, что спровоцировало второй конституционный кризис⁷. В апреле, после серии массовых протестов и

1 Yohanes Mega Hendarto, "Dari Lima Debat Capres-Cawapres, Siapa Kandidat Menarik Perhatian Publik? (Five Presidential-Vice Presidential Debates, Which Candidate Attracted Public Attention?)," Kompas, February 7, 2024, accessed October 15, 2025, <https://tinyurl.com/4zxfc3wk>.

2 Pepinsky 2025, 356.

3 Susanti, Khu 2025, 3.

4 Burhanuddin Muhtadi 2025, 387.

5 Anggi Muliawati, "Hasil Pilpres: AMIN 24,95%, Prabowo-Gibran 58,59%, Ganjar-Mahfud 16,47% (Presidential Election Results: AMIN 24.95%, Prabowo-Gibran 58.59%, Ganjar-Mahfud 16.47%)," DetikNews, March 21, 2024, accessed October 15, 2025, <https://tinyurl.com/yu3h6nkm>.

6 Попов 2024, 81.

7 "Ganjar-Mahfud Dalilkan Penyalahgunaan Kekuasaan Jadi Pelanggaran Utama Pilpres 2024 (Ganjar-Mahfud Argue Abuse of Power as Main Violation in 2024 Presidential Election)," Mahkamah Konstitusi Republik Indonesia, March 27, 2024, accessed October 15, 2025, <https://www.mkri.id/berita/-20185>.

недовольства сторонников различных кандидатов КС Индонезии и Всеобщая избирательная комиссия утвердили Прабово в качестве избранного президента¹.

Таблица.

ДАННЫЕ ОПРОСОВ ИЗБИРАЕМОСТИ КАНДИДАТОВ В ПРЕЗИДЕНТЫ (С УЧЕТОМ КАНДИДАТОВ В ВИЦЕ-ПРЕЗИДЕНТЫ), 2023–2024 г.

ELECTABILITY POLLS OF PRESIDENTIAL CANDIDATES INCLUDING VICE-PRESIDENTIAL CANDIDATES, 2023–2024

Дата опроса	Институт	Прабово	Анис	Ганджар	Преимущество лидера	Примечания
Апрель 2023	<i>Indikator Politik</i>	22,2 %	15,9 %	19,8 %	+2,4 %	Первые опросы
Май 2023	<i>Charta Politika</i>	28,1 %	21,4 %	34,6 %	+6,5 %	Выдвижение Ганджара, начало конфликта Джокови и Мегавати
Июнь 2023	<i>LSI</i>	39,3 %	22,7 %	25,6 %	+13,7 %	Прабово лидирует
Июль 2023	<i>Charta Politika</i>	44,3 %	23,1 %	19,5 %	+21,2 %	Рост преимущества
Август 2023	<i>Indikator Politik</i>	39,5 %	24,8 %	21,6 %	+14,7 %	Развитие конфликта, потеря Ганджаром всякой поддержки Джокови, активные действия Аниса
Сентябрь 2023	<i>Litbang Kompas</i>	38,9 %	24,5 %	23,3 %	+14,4 %	
Октябрь 2023	<i>LSI</i>	47,2 %	24,1 %	20,3 %	+23,1 %	Максимальный отрыв, вступление в гонку Гибрана
Ноябрь 2023	<i>Saiful Mujani</i>	42,8 %	25,4 %	22,1 %	+17,4 %	
Декабрь 2023	<i>Indikator Politik</i>	43,5 %	24,9 %	21,8 %	+18,6 %	
Январь 2024	<i>Charta Politika</i>	50,4 %	24,3 %	16,8 %	+26,1 %	Рост после укрепления публичных контактов Джокови – Прабово
Январь 2024	<i>LSI</i>	47,8 %	26,1 %	18,5 %	+21,7 %	
Февраль 2024	<i>Litbang Kompas</i>	48,7 %	25,2 %	17,9 %	+23,5 %	За неделю до выборов
Февраль 2024	<i>Indikator Politik</i>	51,2 %	23,8 %	16,4 %	+27,4 %	Последний опрос
14 февраля 2024	Фактический результат	58,59 %	24,95 %	16,47 %	+33,64 %	Победа в первом туре

Источник: составлено автором по данным опросов общественного мнения институтов *Indikator Politik, Litbang Kompas, Charta Politika, LSI, Saiful Mujani* за 2023–2024 годы.

Парламентские же выборы показали иной результат – партия *PDI-P* вновь сохранила первое место в парламенте². Партии коалиции избранного президента, хотя и были многочисленны, не составляли большинства. Ситуация усугублялась тем, что партии коалиций проигравших кандидатов объявили о переходе в оппозицию и отказались сотрудничать, лишив президента возможности сформировать парламентское большинство для продвижения законов, необходимых

- 1 “KPU Tetapkan Presiden dan Wakil Presiden Terpilih 2024-2029 (Election Commission Confirms Elected President and Vice President 2024-2029),” Komisi Pemilihan Umum Republik Indonesia, April 24, 2024, accessed October 15, 2025, <https://tinyurl.com/5n7ckjw4>.
- 2 Fika Nurul Ulya, and Fitria Chusna Farisa, “Hasil Pemilu 2024: PDI-P Menang 25.387.279 Suara (2024 Election Results: PDI-P Wins 25,387,279 Votes),” Kompas, March 20, 2024, accessed October 17, 2025, <https://tinyurl.com/mrxue6xe>.

для реализации его программы. В этих условиях Прабово приступил к формированию сверхкоалиции для преодоления большинства Мегавати. Будучи после нее «человеком № 2» в индонезийской неформальной системе принятия решений и патрон-клиентских связей, Прабово, усиливший свои позиции победой на выборах, начал переговоры с оппозицией. После его предложений ряд партий из состава коалиций его конкурентов объявил о переходе на сторону избранного президента. Лидеры оппозиционных партий осознавали, что после официального признания результатов выборов их кандидаты уже не смогут пошатнуть позиций Прабово и Гибрана. Первой на переговоры еще в апреле 2024 г. пошла Национальная демократическая партия Индонезии (*NasDem*), известная как партия «журналистов, интеллектуалов и бизнесменов». Процесс переговоров продолжался до августа, когда сверхкоалиция Прабово под названием «Коалиция Продвинутая Индонезия» (*Koalisi Indonesia Maju (KIM)*) установила контроль над большинством в парламенте¹.

В августе 2024 г. случился уже третий (и самый крупный) в рамках переходного периода конституционный кризис, связанный с попыткой Джокови пересмотреть возрастной ценз уже для младшего сына Кэсана Пангарепа с целью его выдвижения на пост губернатора Джакарты или главы какой-либо крупной провинции². Конституционный суд Индонезии, видя эту ситуацию, вынес несколько решений относительно изменений в закон о выборах глав регионов (индон. *Pemilihan Kepala Daerah / Pilkada*). Первое решение понижало порог для выдвижения кандидатов на выборы, второе касалось минимально допустимого возраста кандидатов для участия в выборах³. В результате возрастной ценз не позволил второму сыну бывшего президента баллотироваться, что временно поумерило политические амбиции элит из окружения Джокови. Единственным чувствительным поражением коалиции Прабово оказались выборы губернатора Джакарты, когда кандидат от президентской коалиции, бывший губернатор Западной Явы Ридван Камил проиграл кандидату от *PDI-P* Прамоно Анунгу⁴.

В остальных провинциях победили кандидаты от правящей коалиции, обеспечив реализацию на местах масштабных программ президента по улучшению инфраструктуры, раздаче бесплатного питания уязвимым социальным группам и проведению реформы здравоохранения с целью повышения его доступности. Таким образом, Прабово удалось сосредоточить в своих руках контроль над парламентом, региональной властью и ключевыми министерствами. Кабинет Джокови в этом плане не был столь централизованным и был более ориентирован на консенсус.

1 Nainggolan et al. 2025, 1207.

2 Susana Rita Kumalasanti, "Tabrak Putusan MK, Ahli Hukum Ingatkan Potensi Krisis Konstitusional (Violating Constitutional Court Decision, Legal Experts Warn of Potential Constitutional Crisis)," *Kompas*, August 21, 2024, accessed October 15, 2025, <https://tinyurl.com/58r7rzbj>.

3 "Putusan MK: Mengancam Peluang Kaesang, Buka Ruang bagi Anies dan PDIP di Pilkada (Constitutional Court Decision: Threatens Kaesang's Chances, Opens Space for Anies and PDIP in Regional Elections)," *Tempo*, August 21, 2024, accessed October 18, 2025, <https://tinyurl.com/477up4zu>.

4 Anggi Muliawati, "Pramono-Rano Deklarasi Menang 1 Putaran di Pilkada Jakarta (Pramono-Rano Declare First-Round Victory in Jakarta Regional Election)," *Detik Bali*, November 28, 2024, accessed October 24, 2025, <https://tinyurl.com/bde3by32>.

Консервативный поворот и попытка «гибкой централизации» как ответ на кризис переходного периода

До прихода Прабово к власти консерваторы-националисты, объединенные общностью своих взглядов в рамках партий Гериндра и Голкар, поддерживаемые армией и силовыми структурами, выступали «нейтральным буфером» между демократами и исламскими партиями. В своей умеренности они были близки первым, а консерватизмом привлекали на свою сторону последних. Политический альянс Прабово и Джокови создал новую зонтичную силу, притянув в суперкоалицию победившего кандидата все возможные партии, оставив *PDI-P* и ряд не самых влиятельных организаций в оппозиции. При этом большинство представителей элит, пришедших в команде Прабово, не принимали амбиций Джокови, считая их излишне радикальными для сохранения баланса интересов, что повлияло на снижение влияния бывшего президента сразу же после инаугурации Прабово 20 октября 2024 года. Несмотря на присутствие сына на посту вице-президента, Джокови с большим трудом преодолел кризисную ситуацию, связанную с его дипломом о высшем образовании, которого, по мнению критиков, якобы никогда не существовало¹.

Прабово, однако, сохранил на ключевых постах многих министров кабинета Джокови, уважаемых за свои особые профессиональные навыки. Среди них, например, министр-координатор по экономическим вопросам Аирлангга Хартарто и министр финансов Сри Мульяни. Они не были людьми бывшего президента, но придерживались некоторых старых подходов. В остальном на посты были назначены лояльные сподвижники нового президента, как, например, министр иностранных дел Сугионо, ныне председатель партии Гериндра, входящий в круг учеников Прабово и разделяющий видение президента по вопросам внешней и внутренней политики. В этой ситуации дипломатия Индонезии стала более персонализированной, а МИД стал выступать с позиций реализации идей президента, в то время как в период Джокови Ретно Марсуди могла высказывать критику в отношении инициатив президента, таких как вступление в БРИКС или сотрудничество с Китаем и США.

Прабово также официально учредил и утвердил значительное количество новых военных формирований, включая шесть региональных военных командований, 14 региональных командований ВМС, три региональных командования ВВС и одно оперативное авиационное командование. Кроме того, президент запланировал завершить программу модернизации армии и закупок современных вооружений, запущенную им еще на посту министра обороны². Ранее в марте 2025 г. в Индонезии произошли массовые протесты из-за законопроекта, расширяющего полномочия военных и разрешающего им занимать более широкий круг должностей на госслужбе; последние, однако, находились в сфере безопасности и охраны правопорядка³.

1 "Former Indonesian President Jokowi Suspects Political Motive Behind Diploma Scandal, Calls to Impeach VP Gibran," The Jakarta Post, July 17, 2025, accessed October 15, 2025, <https://tinyurl.com/2bmxastp>.

2 "Prabowo Launches 6 New Regional Army Commands in Major Indonesia Military Shake-Up," Channel NewsAsia, August 11, 2025, accessed October 15, 2025, <https://tinyurl.com/wtj4xa7k>.

3 "RUU Perubahan UU TNI Disetujui DPR, Menhan Tegaskan Transformasi TNI (Bill to Amend TNI Law Approved by Parliament, Defense Minister Affirms TNI Transformation)," Kementerian Pertahanan Republik Indonesia, March 20, 2025, accessed October 17, 2025, <https://tinyurl.com/td847ndr>.

На фоне таких изменений во внешней и внутренней политике критики Прабово стали говорить о централизации власти и усилении влияния военных и силовых структур через их расширение и региональное представительство. При этом Прабово достаточно осторожно проводил подобные реформы, стремясь нивелировать негативные эффекты и сохранить все права гражданских политических сил, обретенные в период Реформации.

Слабым местом новой администрации стала широкая парламентская коалиция, которая потребовала новых назначений депутатов и министерских портфелей, из-за чего на многие посты были определены довольно некомпетентные политики, замеченные в том числе в коррупции, неэтичном поведении или излишних политических амбициях. Несмотря на попытки Прабово быстро стабилизировать некогда слаженную работу министерств, все более широко распространявшиеся в обществе слухи о полицейском произволе, усилении влияния военных и непомерно высоких зарплатах парламентариев привели к тому, что продолжавшиеся с 17 февраля протесты разгорелись с новой силой.

С 25 августа по 2 сентября 2025 г. Индонезия пережила наиболее сильную волну народных протестов на фоне гибели 28 августа Аффана Курниавана, водителя мотоциклетного такси *ojek*, которого сбила полицейская машина во время акции протеста. Были сожжены несколько правительственных зданий, полицейских участков и ограблены дома наиболее одиозных парламентариев в Джакарте и других городах страны. Можно предположить, что группы влияния внутри страны не упустили возможности использовать протесты в своих интересах. К выступлениям, по некоторым сообщениям в СМИ, подключились и внешние дестабилизационные силы в попытках оказать влияние на устойчивость индонезийской политической системы¹. Одним из итогов протестов стал уход одного из министров-профессионалов, Сри Мульяни с поста министра финансов, так как она не смогла оправиться от разграбления ее дома и последующего политического давления. Ее заменил Пурбая Юдхи Садева, ранее выражавший поддержку в отношении внутривнутриполитического курса президента.

Лишь своевременное вмешательство Прабово и слаженные действия армии и полиции, несмотря на исторический антагонизм между этими двумя структурами, позволили погасить протестную активность, начать реформы и обеспечить стабильность и безопасность в стране.

* * *

Несмотря на довольно успешно проведенные выборы, Индонезия столкнулась с обострением противоречий между основными политическими силами, консолидированными вокруг президента Прабово, Мегавати Сукарнопутри и, частично, бывшего президента Джоко Видодо. Индонезийская политическая система продемонстрировала устойчивость, несмотря на высокую конфликтность предвыборной ситуации. Фракции, как формальные, так и неформальные, продемонстрировали несвойственный им ранее прагматизм: даже партии с проти-

1 "Soros and NED Could Be Behind Indonesian Protests, Experts Tell Sputnik," Sputnik Africa, August 31, 2025, accessed October 28, 2025, <https://en.sputniknews.africa/20250831/1077673374.html>.

воположными взглядами и идеологиями объединялись для достижения сиюминутных целей.

Элиты оказались крайне взаимозависимыми, а противоречия при смене одной власти на другую – довольно глубокими, что спровоцировало кризис государственного управления в первые месяцы работы новой администрации. Прабово, несмотря на свой высокий профессионализм управленца и политика, столкнулся с необходимостью, с одной стороны, решать насущные внешнеполитические и внутривнутриполитические проблемы, а с другой – удовлетворять требования сверхкоалиции по назначению на вакантные места в правительстве и парламенте представителей лояльных партий.

Сохранение в составе правительства профессионалов из старой команды и назначение лояльных лично Прабово функционеров из его партии Гериндра позволили президенту взять ситуацию под контроль, однако сохраняется напряженность как в отношениях действующей администрации с силами, лояльными Мегавати Сукарнопутри, так и с «кланом Соло», представляющим интересы Джоко Видодо и действующего вице-президента Гибрана Ракабумина Рака. Несмотря на сложность этой ситуации, выживаемость самобытной индонезийской демократии определяется именно наличием реальной конкуренции и балансом политических сил.

На этом фоне все сложнее становится решить комплекс социальных, экономических и политических проблем, из-за чего сохраняется высокий протестный потенциал индонезийского общества. Однако внутривнутриполитические проблемы компенсируются внешнеполитическими успехами Индонезии и эффективной персональной дипломатией президента Прабово в отношениях с великими державами, а также при межгосударственном взаимодействии в рамках АСЕАН и БРИКС+.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Другов, А.Ю. Индонезия: четверть века реформ (Часть 1.) // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2024. Т. 1. № 1 (62). С. 149–162. <https://doi.org/10.31696/2072-8271-2024-1-1-62-149-162>.
- Drugov, Alexey Yu. "Indonesia: Quarter of Century of Reforms (Part 1)." *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nye problemy razvitiya* 1, no. 1 (62) (2024): 149–162 [In Russian].
- Куклин, Н.С. Демократические тенденции во внешней и внутренней политике постреформационной Индонезии исторический аспект // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2021. Т. II. № 2 (51). С. 333–354. <https://doi.org/10.31696/2072-8271-2021-2-2-51-333-354>.
- Kuklin, Nikita S. "Democratic Trends in Foreign and Domestic Policy of Post-Reformation Indonesia: Historical Aspect." *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nye problemy razvitiya* II, no. 2 (51) (2021): 333–354 [In Russian].
- Попов, А.В. Результаты всеобщих выборов 2024 года в Индонезии // Власть. 2024. Т. 32. № 54. С. 78–91. <https://doi.org/10.56700/c3273-3894-4901-m>.
- Popov, Alexander V. "Results of the 2024 Elections in Indonesia." *Vlast'* 32, no. 54 (2024): 78–91 [In Russian].
- Хохлова, Н.И. Основные направления внешней политики Индонезии и перспективы ее развития по итогам первого президентства С.Б. Юдойоно // Вестник МГИМО Университета. 2011. № 4 (19). С. 54–60. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2011-4-19-54-60>.
- Khokhlova, Natalia I. "Yudhoyono's First Term: Avenues and Horizons of Indonesian Foreign Policy." *MGIMO Review of International Relations*, no. 4 (19) (2011): 54–60 [In Russian].
- Anderson, Benedict R. O'G. *Language and Power: Exploring Political Cultures in Indonesia*. Jakarta: Equinox, 2006.
- Butt, Simon. *The Constitutional Court and Democracy in Indonesia*. Leiden: Brill, 2015.
- Fionna, Ulla, and Dirk Tomsa. "Changing Patterns of Factionalism in Indonesia: From Principle to Patronage." *Journal of Current Southeast Asian Affairs* 39, no. 1 (2020): 39–58. <https://doi.org/10.1177/1868103419896904>.
- Jackson, Karl D., and Lucian W. Pye, eds. *Political Power and Communications in Indonesia*. Berkeley: University of California Press, 2023.
- Lee, So Yoon. "An Urban Explanation of Jokowi's Rise: Implications for Politics and Governance in Post-Suharto Indonesia." *Journal of Current Southeast Asian Affairs* 40, no. 2 (2021): 293–314. <https://doi.org/10.1177/1868103421990853>.

Mietzner, Marcus. *The Coalitions Presidents Make: Presidential Power and Its Limits in Democratic Indonesia*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2023.

Muhtadi, Burhanuddin. "Collective Memory, Democratic Ambivalence, and Authoritarian Notions of Democracy: Explaining the Rise of Prabowo Subianto." *Journal of Current Southeast Asian Affairs* 44, no. 3 (2025): 385–412. <https://doi.org/10.1177/18681034251337763>.

Nainggolan, Dina Thalentaria, and Nurdin. "Analysis of the National Democratic Party's Refusal Joining the Prabowo-Gibran Coalition Government." *Journal La Sociale* 6, no. 4 (2025): 1206–1222. <https://doi.org/10.37899/journal-la-sociale.v6i4.2247>.

Pepinsky, Thomas B. "Cleavages, Institutions, and Democracy in Indonesia: The 2024 Elections in Comparative Perspective." *Journal of Current*

Southeast Asian Affairs 44, no. 3 (2025): 345–365. <https://doi.org/10.1177/18681034251349467>.

Rakhmani, Inaya, and Muningsari Sri Saraswati. "Authoritarian Populism in Indonesia: The Role of the Political Campaign Industry in Engineering Consent and Coercion." *Journal of Current Southeast Asian Affairs* 40, no. 3 (2021): 436–460. <https://doi.org/10.1177/18681034211027885>.

Singh, Bilveer. *The Indonesian Presidency: Assessing the 2024 Presidential Elections and Beyond*. Singapore: World Scientific Publishing Company, 2024.

Susanti, Martien Herna, and Stanley Khu. "The 2024 Indonesian Presidential Election in the Accounts of Millennials: A Case Study of Prabowo Subianto and Gibran Rakabuming Raka Voters in Semarang, Central Java." *Social Sciences & Humanities Open* 11 (2025): 101629. <https://doi.org/10.1016/j.ssaho.2025.101629>.

Сведения об авторе

Никита Сергеевич Куклин,

к.и.н., эксперт Центра АСЕАН ИМИ, доцент Кафедры востоковедения, МГИМО МИД России
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

e-mail: ns.kuklin@inno.mgimo.ru

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 1 октября 2025.

Переработана: 1 ноября 2025.

Принята к публикации: 1 декабря 2025.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Цитирование

Куклин, Н.С. Электоральная культура и трансформация демократических институтов в Индонезии в контексте всеобщих выборов 2024 года // *Международная аналитика*. 2025.

Том 16 (4). С. 114–128.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2025-16-4-114-128>

Electoral Culture and Transformation of Democratic Institutions in Indonesia in the Context of the 2024 General Elections

ABSTRACT

The 2024 presidential and parliamentary elections in Indonesia have demonstrated the unique features of democratic transition in the world's largest archipelagic state. Prabowo Subianto's victory with 58.59 % of votes in the first round was possible due to Indonesia's specific electoral culture, which combines elements of traditional elite consensus (Ind. *musyawarah-mufakat*) and distinctive democratic institutions formed after the Reformasi period of 1998–2004. The conducted analysis reveals the paradox of Indonesia's transition: despite the technically successful conduct of elections, the political system faced deepening of structural contradictions between the main centers of influence. The electoral process exposed a transformation in elite political culture toward pragmatic situational alliances, where ideological differences recede before conjunctural interests. The study reveals that the resilience of Indonesia's democratic model is determined by competitive interaction among political forces and institutional practices of checks and balances, which altogether compensate for persisting tensions in inter-elite relations. Moreover, the domestic political consequences of the elections are partially offset by Indonesia's foreign policy achievements and President Prabowo's successful personal diplomacy.

KEYWORDS

Indonesia, ASEAN, Nusantara, elections, political culture, electoral culture, democracy, conceptual distinctiveness, Prabowo Subianto, Joko Widodo

Author

Nikita S. Kuklin,

PhD (Hist.), Expert, ASEAN Centre, Institute for International Studies,
Associate Professor, Department of Asian and African Studies,
MGIMO University
76, Vernadsky avenue, Moscow, Russia, 119454
e-mail: ns.kuklin@inno.mgimo.ru

Additional information

Received October 1, 2025.: Revised: November 1, 2025. Accepted: December 1, 2025.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the author.

For citation

Kuklin, Nikita S. "Electoral Culture and Transformation of Democratic Institutions in Indonesia in the Context of the 2024 General Elections."
Journal of International Analytics 16, no. 4 (2025): 114–128.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2025-16-4-114-128>

От всеобщих к муниципальным выборам в Южной Африке: анализ внутренних социально-политических факторов (2024–2025)

Дарья Андреевна Туряница, Институт Африки РАН, Москва, Россия

Контактный адрес: darya.turyanitsa@gmail.com

АННОТАЦИЯ

В статье представлен краткий анализ итогов выборов 2024 г., которые ознаменовали завершение эпохи однопартийного руководства Африканского национального конгресса (АНК) в Южной Африке. Потеряв значительную долю голосов, АНК создал «центристское» правительство, в состав которого вошли представители разных партий с противоречивыми политическими программами. Цель работы заключается в оценке выборов 2024 г. и результатов работы нового Правительства национального единства. На основе материалов южноафриканских исследовательских центров, научных работ ведущих исследователей страны, а также аналитических статей в СМИ автор исследует причины электорального сдвига, внутреннюю динамику коалиционного формирования, а также результаты полугодовой работы Правительства национального единства. В результате анализа выявлено, что падение уровня поддержки АНК в первую очередь вызвано ухудшением социально-экономической ситуации в стране. Несмотря на внутренние идеологические конфликты, Правительство национального единства и правящая элита продемонстрировали способность находить компромиссы и сдерживать нарастание кризисных явлений.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

*Южная Африка, Африканский национальный конгресс,
Правительство национального единства, БРИКС*

Введение

Электоральные процессы в Южной Африке находятся в центре внимания исследователей на протяжении последних тридцати лет. После демонтажа режима белого меньшинства в 1994 г. развитие ЮАР представляет собой уникальный пример трансформации национально-освободительного движения в доминирующую государственную структуру. «Золотой век» президентства Н. Манделы заложил фундамент «радужной нации» – концепции национального примирения и единства различных культур, популяризированной англиканским архиепископом Д. Туту (1931–2021). Однако спустя три десятилетия этот идеал столкнулся с серьезными вызовами, поставившими под вопрос эффективность сложившейся политической системы.

Конституционное закрепление принципа всеобщего избирательного права («один человек – один голос») радикально изменило ландшафт страны. Ключевую роль в этом процессе сыграло становление особой структуры власти вокруг Африканского национального конгресса (АНК). В отличие от классических партий, АНК опирается на сложную систему социального партнерства, объединяя в себе потенциал массового (многорасового) национально-освободительного движения, идеологическую базу Южно-Африканской коммунистической партии (ЮАКП) и мобилизационный ресурс крупнейшего профсоюзного объединения страны – Конгресса южноафриканских профсоюзов (КОСАТУ). Данный симбиоз позволял долгие годы удерживать лояльность широких слоев населения за счет обещаний социальной справедливости и перераспределения благ¹.

Новым этапом в истории республики стало президентство С. Рамапосы. В стратегии «нового рассвета», провозглашенной им в 2018 г., был сделан акцент на реформировании экономики и на борьбе с коррупцией в государственном аппарате. Однако реализация реформ была затруднена как сопротивлением внутри элит, так и внешними обстоятельствами, в частности связанными с началом коронакризиса. Накопленная социальная усталость и стагнация уровня жизни привели к росту протестных настроений среди рядовых граждан.

Всеобщие выборы в мае 2024 г. де-факто завершили эпоху однопартийного доминирования АНК. Потеря партией власти абсолютного большинства (результат ниже 50 %), необходимого для формирования однопартийного правительства, свидетельствует о падении доверия к прежней модели управления. Данное событие ознаменовало вступление Южной Африки в фазу коалиционного строительства и начало «новой эры»². Тем не менее ЮАР в 2024 г. вновь доказала свою приверженность стабильности, так как АНК принял факт того, что создание «коалиционного» правительства становится новой реальностью.

Сравнительный анализ электоральных циклов, наряду с качественным анализом политических дискурсов, стал одним из ключевых методов оценки социальной трансформации южноафриканского общества. Именно право выбора

1 В последние несколько электоральных циклов стабильным электоратом АНК оставались сельские районы страны, а городские зоны частично переходили под влияние и контроль оппозиционных партий.

2 "GNU: A New Era for SA," South African Government News Agency, July 5, 2024, accessed October 30, 2025, <https://www.sanews.gov.za/features-south-africa/gnu-new-era-sa>.

показало, что АНК не может в полной мере отстаивать интересы всей «радужной нации». Участие или пассивность избирателей на выборах 2024 г. позволили понять, насколько изменились социальные и политические запросы гражданского населения. Наибольший спад вовлеченности в выборы наблюдался среди молодежи, для которой беспрецедентный уровень безработицы, социальная неуверенность и недоверие к партиям имели немалое значение¹. Однако именно за голоса молодых людей велась самая ожесточенная борьба среди партий.

Объектом анализа стали наметившиеся изменения в политической сфере, которые позволяют определить ключевые направления развития страны после выборов 2024 года. В южноафриканской литературе эта проблема представлена системными исследовательскими работами. Например, в двух монографиях К. Шульц-Херзенберг и Р. Саутхолла обращают внимание на поведение южноафриканских избирателей, партийные системы и возможные долгосрочные последствия создания Правительства национального единства².

Глубокий анализ был подготовлен южноафриканским Институтом стратегического анализа «Мапунгубве» (*MISTRA*). В своем материале авторы отмечали устойчивый тренд на снижение поддержки Африканского национального конгресса (АНК) как на национальных, так и на муниципальных выборах, что указывало на изменение политической динамики в стране. Кроме того, увеличилось разнообразие партийных предложений для электората, что свидетельствовало о росте политической конкуренции. Важным открытием оказалось и то, что вопрос политической и социальной идентичности стал важным критерием для решений электората³. С. Бойсен, заслуженный профессор Университета Витватерсранда, указывала в своей главе аналитического доклада, что, несмотря на потери АНК, другие крупные (ранее) оппозиционные силы, как Демократический альянс, не смогли существенно поднять свои показатели⁴.

Один из профильных журналов ЮАР – *Politikon* – издал два выпуска по выборам 2024 года. Большинство статей было посвящено исследованию новых тенденций в политической жизни страны: появление и стремительный рост партии экс-президента Дж. Зумы (МКП); роль института Независимой избирательной комиссии; интеграция электронного голосования в стране; создание Правительства национального единства, а также сравнительный анализ предоставления «государственных услуг» в разных неформальных поселениях страны⁵. Последняя статья особенно любопытна тем, что показывала общую проблему. Несмотря на проживание в разных неформальных поселениях (созданных в эпоху апартеида отдельно для «цветных» и «черных африканцев») и в разных провинциях ЮАР, жители страны сталкивались с одинаково низким качеством «государственных услуг»⁶.

Одной из важных тем электорального процесса 2024 г. ученые обозначили активную вовлеченность и значимость южноафриканских медиа в освещении са-

1 Hofmeyr 2024.

2 Schulz-Herzenberg et al. 2020; Schulz-Herzenberg et al. 2024.

3 Booysen 2024, 1–12.

4 Ibid., 21.

5 Kotze, Ayodele 2024.

6 Houston 2024, 18.

мых «ожесточенных» выборов¹. Как отмечали авторы работы, медиа и цифровые платформы усилили поляризацию электоральных нарративов. Одновременно с этим они стимулировали активное политическое участие и создавали условия для распространения фрагментированных или манипулятивных сообщений². Среди зарубежных работ, посвященных электоральным сюжетам, можно выделить таких авторов как Ш. Африка³, Д. Котсе⁴, Б. Ндзэндзе⁵, Т. Нитлинг⁶, Дж. С. Котсе⁷, Г. Хоустен⁸. Отечественные исследователи также обращались к изучению отдельных сторон вопроса. Обстоятельный очерк развития политической роли АНК и связанных с ним последующих электоральных процессов в ЮАР представлен в работах В.Г. Шубина⁹. Вопросы «женского фактора» в выборах ЮАР и юга Африки в целом подробно отражены в монографии и статьях Л.Я. Прокопенко¹⁰.

Статья посвящена осмыслению того, насколько выборы 2024 г. и их последствия стали серьезной проверкой для АНК, и как страна готовится к следующему электоральному этапу.

Взаимодействие партии и электората после выборов – 2024

Основная политическая сила ЮАР – Африканский национальный конгресс – как одна из старейших партий на континенте (113 лет) набрала наибольшее количество голосов на выборах 2024 г., но не добилась абсолютного большинства, как это было прежде на протяжении десятилетий. Результаты этих выборов показали, что автоматического права на власть у партии больше нет. В свою очередь, бывшие освободительные движения, ставшие партиями власти в других странах Африки (Намибия, Зимбабве, Ангола, Мозамбик), пристально наблюдали за происходящими политическими процессами и изменениями в ЮАР. Многие из них также находились у власти с момента обретения независимости и, подобно АНК, столкнулись с растущим общественным недовольством, вызванным коррупцией, высоким уровнем социального неравенства и отсутствием системных мер по повышению уровня жизни населения¹¹. Тема защиты достижений освобождения и содействие социально-экономическому развитию обсуждалась на саммите лидеров национально-освободительных движений юга Африки, прошедшего в июле 2025 г. в ЮАР¹².

После объявления результатов в 2024 г., выяснилось, что АНК получил только 40,18 %. Не набрав абсолютного большинства, партия утратила возможность

1 Bird 2024.

2 Mare 2024.

3 Africa 2019.

4 Kotzé 2023.

5 Ndzendze 2022.

6 Neethling 2025.

7 Kotze 2024; 2019.

8 Houston 2024.

9 Шубин 2024.

10 Прокопенко 2018.

11 Nkanyiso Simelane, "Reflections on the 2024 Elections in Southern Africa," ACCORD, December 20, 2024, accessed October 30, 2025, <https://www.acCORD.org.za/analysis/reflections-on-the-2024-elections-in-southern-africa/>.

12 Peter Fabricius, "Liberation Movements Summit Tries to Revive Its Members' Declining Fortunes," ISS Today, August 1, 2025, accessed October 30, 2025, <https://issafrika.org/iss-today/liberation-movements-summit-tries-to-revive-its-members-declining-fortunes>.

править единолично и была вынуждена вступить в переговоры с другими политическими силами¹. Второе место на выборах заняла либерально-демократическая партия – Демократический альянс (ДА), которая являлась на протяжении последних 25 лет независимости политическим и идеологическим соперником АНК. Третье место среди т.н. победителей получила радикальная партия экс-президента Дж. Зумы «Умконто ве сизве» (МКП)². Название и логотип новой партии основаны на символах вооруженного крыла АНК в годы национально-освободительного движения: «Умконто ве сизве» на языке зулу – «Копье нации»³.

АНК потерял поддержку избирателей по целому ряду причин. Во-первых, это вызвано глубокими социально-экономическими проблемами: годами экономического застоя с низким ростом ВВП, что привело к сохранению высокого уровня бедности и неравенства. Во-вторых, сохраняющийся критически высокий уровень безработицы. По официальным данным, он превышает 32 %, в то время как по альтернативным оценкам (с учетом разочаровавшихся соискателей), достигает 42 %. Среди молодежи ситуация катастрофическая – без работы остаются около 58 % молодых людей⁴. В-третьих, усилилось недовольство в связи с острой нехваткой электроэнергии (особенно в 2023 и 2024). Все упомянутые факторы негативно сказались на общественном доверии к политическим институтам страны, что показывали и предварительные опросы общественного мнения⁵.

Несмотря на свою историческую значимость, результаты выборов 2024 г. не стали неожиданностью: эксперты прогнозировали снижение поддержки партии, анализируя тенденции предыдущих электоральных циклов. На протяжении пяти предыдущих голосований доля сторонников АНК от выборов к выборам постепенно уменьшалась. Причиной этого наряду с социально-политическими кризисами стали и серьезные партийные разногласия, которые с течением времени подорвали и разделили электоральную базу АНК. Так, в 2007 г. после избрания президентом партии АНК Дж. Зумы, сторонники экс-президента Т. Мбеки в знак протеста против его смещения с поста президента страны создали отдельную политическую структуру (партия *COPE*), что сократило число голосов АНК.

Довольно серьезную потерю своего электората понесла партия АНК в результате отделения группы активистов Молодежной лиги АНК, одной из основных организаций по работе партии с молодежью. Уже тогда это породило дискуссии о роли АНК и о том, что будет «после АНК»⁶. В 2013 г. под руководством Дж. Малемы, экс-главы Молодежной лиги АНК, была сформирована организация «Борцы за экономическую свободу» (ЭФФ). Создание ЭФФ как самостоятельной политической организации привело к еще большей потере голосов молодежи, отданных за АНК. Позиции АНК снизились – до 62 % в 2014 г. и 57 % в 2019 году.

1 "Results Dashboard: 2024 National and Province Elections," IEC South Africa, accessed October 30, 2025, <https://results.elections.org.za/dashboards/npe/>.

2 См. подробнее: Gordon et al. 2024; Турияница 2025, 36–37.

3 Наименование и эмблема новой политической силы вдохновлены символикой вооруженного крыла АНК в период национально-освободительной борьбы.

4 Luisa Carvalho, "South Africa Jobless Rate Falls to 31.9% in Q3," Trading Economics, November 11, 2025, accessed November 11, 2025, <https://tradingeconomics.com/south-africa/unemployment-rate/news/500930>.

5 Elnari Potgieter, "SA Reconciliation Barometer Survey 2019 Report," Institute for Justice and Reconciliation, December 2019, accessed October 30, 2025, <https://www.ijr.org.za/home/wp-content/uploads/2019/12/800108-IJR-Barometer-Report-2019-final-web.pdf>.

6 Mashele 2013.

Последним серьезным испытанием АНК стало появление на политической арене партии экс-президента Дж. Зумы и его сторонников, приверженцы которой «не простили» АНК сокращение срока полномочий Дж. Зумы и его замены на С. Рамапосу¹.

Чтобы понять, насколько значимыми были последовавшие за этим «разделения», следует рассмотреть итоговые показатели голосования 2024 года. Совокупный подсчет голосов партий АНК, ЭФФ и МКП, показал, что за них было отдано 63 % голосов (40 % + 9 % + 14 %). Если бы голоса правящей партии не перешли к партии МКП, то она получила бы 55 % голосов². Как отмечала профессор С. Бойсен, многие политические силы воспользовались «благоприятной» ситуацией и занимали «освободившиеся места» на фоне того, как АНК терял поддержку. Но новой партии, которая могла бы стать альтернативой АНК, так и не возникло³.

Возникает закономерный вопрос: как АНК на фоне снижающейся поддержки и нарастания критики в адрес возглавляемого ПНЕ пытался исправить ситуацию, чтобы не потерять оставшуюся часть голосов в преддверии муниципальных выборов?⁴ В этой связи стоит вспомнить, какие результаты были получены на последних муниципальных выборах в 2021 г., которые прошли в разгар *COVID-19*⁵. На выборах в местные органы власти АНК получил 45,6 % голосов, что стало первым случаем, когда партия была вынуждена пойти на коалиционные соглашения в рамках муниципалитетов. Опыт 2021 г. показывал, что большое количество партий – это не залог успеха, а дополнительные сложности для создания правительств на местном уровне.

По итогу 2021 г., из существующих 257 муниципалитетов в 70 муниципалитетах ни одна партия не смогла добиться абсолютного большинства и сформировать муниципальное правительство. Таким образом, сложилась новая политическая реальность – пора «коалиционных правительств»⁶. Эта же тенденция подтвердилась на выборах 2024 года. Как сообщали наблюдатели, в результате длительных переговоров были сформированы нестабильные администрации, где часто менялось руководство муниципалитетов, а коалиции распадались так же быстро, как и формировались. Вместо улучшения предоставляемых услуг и городского планирования, муниципальное правительство было сосредоточено на политическом противостоянии⁷. Такая ситуация была характерна для большинства политических партий, представленных в органах власти.

В результате с 2016 г. в Йоханнесбурге, в одном из крупнейших городов Африки и столице провинции Хаутенг, сменилось десять мэров, из них шесть –

1 См. подробнее про бунт в июле 2021 г.: Шубин, В.Г., Сидоров, В.А., Туряница, Д.А. Беспорядки в ЮАР: причины и следствия // Актуальный комментарий. Институт Африки РАН. 3 августа 2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.inafran.ru/node/2515> (дата обращения: 30.10.2025).

2 "Results Dashboard: 2024 National and Province Elections," IEC South Africa, accessed October 30, 2025, <https://results.elections.org.za/dashboards/npe/>.

3 Booysen 2024, 14.

4 Предположительно выборы должны состояться в период с ноября 2026 г. по январь 2027 года.

5 Туряница 2024.

6 "Municipalities in South Africa," COGTA, August 1, 2022, accessed October 30, 2025, <https://www.cogta.gov.za/index.php/2022/08/01/municipalities-in-south-africa/>.

7 Reneva Fourie "Institutional Reform Vital for South Africa's Evolving Political Landscape," Independent Online, September 12, 2025, accessed October 30, 2025, <https://iol.co.za/pretoria-news/opinion/2025-09-12-institutional-reform-vital-for-south-africa-evolving-political-landscape/>.

с 2021 года¹. Вероятно, период с 2000 по 2021 гг. был последним, когда мэры спокойно исполняли свои обязанности, не опасаясь, что их отстранят от должности по политическим мотивам². Похожая ситуация происходила в соседнем городе Тшване (Претория), где сменилось четыре мэра³. По мнению южноафриканских исследователей, такая сменяемость политических коалиций негативно отразилась на работе трех крупных районах страны – Йоханнесбурге, Тшване и Экхурулени⁴. Кроме того, это значительно ухудшило качество «государственных услуг», выраженных в поставках электричества, обеспечении водоснабжения, уборке мусора, ремонте дорог и др. Все эти опасения подтвердились на последних парламентских выборах 2024 году⁵. Следовательно, должность мэра Йоханнесбурга станет одной из самых конкурентных на предстоящих выборах, которые, вероятно, состоятся в конце 2026 года.

Серьезная оценка работы муниципалитетов была представлена в докладе Счетной палаты страны. Согласно данным отчета, по итогам аудиторской проверки лишь 41 из 257 муниципалитетов (около 15 %) получили положительное заключение. Этот показатель не особо изменился с 2021 г., что указывало на системные проблемы в управлении на муниципальном уровне⁶. Статистический анализ выявил: подавляющее большинство муниципалитетов, находящихся под управлением АНК, не смогли пройти аудит в соответствии с установленными стандартами. Это обстоятельство стало существенным фактором, подрывавшим электоральный кредит доверия к (в прошлом) правящей партии. Здесь также стоит подчеркнуть, что в отличие от национальных выборов муниципальные напрямую связаны с практической работой мэров и других руководителей на «земле». По этой причине эксперты предполагают еще большее снижение рейтинга АНК до следующих выборов⁷. Если посмотреть на результаты на муниципальном уровне за четыре выборных цикла, то для АНК выводы очевидны. При этом на национальном уровне АНК добивался всегда чуть лучших результатов, чем на последующих муниципальных.

Политическая динамика в ЮАР и работа Правительства национального единства (2024–2025)

Возвращаясь к результатам 2024 г., вопрос о создании коалиционного правительства именно с ДА вызвал серьезные споры внутри партии. Ряд членов АНК отказался по идеологическим соображениям поддерживать политический союз

- 1 Kamogelo Moichela, "City of Joburg has had 9 Mayors in 8 Years but has This Improved the Lives of Residents?" Independent Online, August 20, 2022, accessed October 30, 2025, <https://iol.co.za/news/politics/2024-08-20-city-of-joburg-has-had-9-mayors-in-8-years-but-has-this-improved-the-lives-of-residents/>.
- 2 Hope Mafu, "Timeline of Joburg Mayors," Independent Online, August 14, 2024, accessed October 30, 2025, <https://iol.co.za/the-star/news/2024-08-14-timeline-of-joburg-mayors/>.
- 3 "Mayors in the Metros: 1 November 2021 – Present," The Third Republic, January, 29, 2024, accessed October 30, 2025, <https://t3r.org.za/2024/01/29/metromayors/#:~:text=The%20chart%20below%20shows%20how,include%20acting%20and%20temporary%20mayors.>
- 4 Mawere 2022, 272.
- 5 Booysen, 2023.
- 6 "Consolidated General Report On Local Government Audit Outcomes 2023-2024," Auditor-General of South Africa, May 2025, accessed October 30, 2025, [https://www.agsa.co.za/Portals/0/Reports/MFMA/2023-24/MFMA%20Report%202023-24%20interactive%20\(updated%20August%202025\).pdf?ver=slan798UjMlesR7ldmMsyA%3D%3D](https://www.agsa.co.za/Portals/0/Reports/MFMA/2023-24/MFMA%20Report%202023-24%20interactive%20(updated%20August%202025).pdf?ver=slan798UjMlesR7ldmMsyA%3D%3D).
- 7 "ANC May Only Retain Majority in Eastern Cape and Limpopo by 2029 – Mistra," EWN, August 2025, accessed October 30, 2025, <https://www.ewn.co.za/2025/08/14/anc-may-only-retain-majority-in-eastern-cape-and-limpopo-by-2029-mistra>.

с «расистским» ДА. В качестве альтернативы они предлагали ориентироваться на «коалицию» с партиями похожего идейного спектра. Однако политический союз АНК с ДА был выгоден с финансово-инвестиционной точки зрения, так как это сближало экономические интересы двух политических групп. Основу первой группы составляла элита черного бизнеса, куда входили и некоторые высокопоставленные члены АНК. Часть их капитала была сформирована в рамках политики «продвижения экономических прав и возможностей черного населения» (*Black Economic Empowerment*)¹. Ко второй политической группе относилась элита крупного бизнеса, исторически контролируемого белым населением (так называемый белый монополистический капитал), чьи интересы представлены Демократическим альянсом². Другой причиной для партнерства АНК и ДА стало наличие общих политических конкурентов – партии Дж. Зумы (МКП) и партии «Борцы за экономическую свободу» (ЭФФ) Дж. Малемы.

Но чтобы максимально снизить влияние ДА в новом формировании, АНК пошел на «расширение коалиции» и объявил о создании «Правительства национального единства» (ПНЕ), куда были приглашены еще восемь различных небольших политических партий. Таким образом, ПНЕ с самого начала представляло собой непростой альянс партий с зачастую противоположными идеологическими и экономическими интересами, что предопределило внутреннюю напряженность и сложность процесса принятия решений. Среди тех, кто остался в статусе оппозиции, были в том числе партия Дж. Зумы «Умконто ве сизве», леворадикальная партия Дж. Малемы «Борцы за экономическую свободу» и «Национальный конгресс цветных», возглавляемый «цветным»³ лидером Ф. Адамсом.

Правительство национального единства во главе с АНК играет ведущую роль в определении политического и экономического курса страны, в том числе в выборе международных партнеров. АНК сохранил контроль над основными министерствами: финансов, минеральных ресурсов и нефти, а также международных отношений. Тем не менее опасность намеренного саботажа со стороны «партнеров» по ПНЕ сохранялась. Возникающие коллизии негативно сказывались и на работе международных отделов разных министерств, что добавляло сложности в работе и в целостности повестки министерств. Характерно в этом плане оказалось поведение политического «союзника» АНК – Демократического альянса. Получив место в правительстве, ДА предпринял попытки пересмотра введенных законов, т.к. ранее они находились в статусе официальной оппозиции.

Первым испытанием нового ПНЕ в 2024 г. стало практическое осуществление закона о разработке Национальной системы медицинского страхования (*National Health Insurance – NHI*), которая бы предоставляла медицинские услуги всем гражданам страны вне зависимости от их доходов и расы. Внедрение национальной системы поддерживали профсоюз КОСАТУ, ЮАКП и большинство рабочего класса страны, что давало некоторые преференции основному электорату АНК. Закон *NHI* был подписан незадолго до выборов 2024 г., что исключало

1 Программа *Black Economic Empowerment* была реформирована в 2013 г. и стала называться *Broad Based Black Economic Empowerment*, однако до сих пор для краткости ее называют *Black Economic Empowerment*.

2 Здесь стоит пояснить, что согласно конституции страны президента выбирают не избиратели, а члены парламента.

3 См., кто такие «цветные»: Dooms, 2023.

возможность его пересмотра или отмены. Однако, столкнувшись с внутренними финансовыми и юридическими сложностями, практическое внедрение единой системы медицинского страхования замедлилось.

Следующей проверкой эффективности работы многопартийного Правительства национального единства стало рассмотрение и принятие реформы школьного образования. «Законопроект о внесении поправок в основные законы об образовании» (*Basic Education Laws Amendment Act, BELA*) вызвал споры не только среди парламентариев, но и среди общественности. Президент государства подтвердил, что правительство страны более десяти лет проводило консультации в области образования с заинтересованными сторонами, включая школьные руководящие органы, профсоюзы и советы родителей. Однако самым противоречивым и вызвавшим критику в адрес правительства, в частности, АНК, стал пересмотр двух пунктов: правила зачисления и «языковая политика» в школах. Партии, где основную базу электората составляли белые избиратели, как Демократический альянс и проафриканерская партия Фридом Фронт+, жестко выступили против изменения последних пунктов закона, так как это напрямую влияло на школы с преподаванием на языке африкаанс. Более того, министр базового образования С. Гварубе из партии ДА бойкотировала подписание законопроекта, чтобы повлиять на пересмотр решения¹.

Во время апартеида государство поддерживало школьное образование в большей степени для белых учеников. Для черных детей выделялись значительно меньшие ресурсы. После устранения режима апартеида школы в неблагополучных (черных) районах так и остались нести на себе последствия апартеида. Основными причинами были увеличение роста населения и другие финансовые проблемы². Несмотря на серьезную критику в СМИ, угрозы со стороны партий в ПНЕ и белых африканерских лобби-групп, С. Рамапоса санкционировал введение закона, который, в конечном итоге, остался без существенных изменений³.

Другой проблемой ПНЕ было введение земельной реформы под названием «Закон об экспроприации» (*Expropriation Act*). Закон был направлен на устранение расовых различий в землевладении, которые сохранялись спустя три десятилетия после отмены режима апартеида в 1994 г., для изъятия земли в пользу государства в рамках публичного пользования⁴. Как показывала практика, почти 90 % заявителей, требовавших возврата земли / собственности, конфискованной во времена апартеида, выбирали денежную компенсацию вместо собственности⁵. Президент заявил, что законопроект «прошел пятилетний процесс общественных слушаний и консультаций в парламенте, и приводил законодательство об экспроприации земли в соответствие с Конституцией»⁶.

1 "Basic Education Minister Gwarube Skips Bela Bill Signing in Protest," Citizen, September 13, 2024, accessed October 30, 2025, <https://www.citizen.co.za/news/south-africa/politics/basic-education-minister-gwarube-skips-bela-bill-signing-in-protest/>.

2 Грибанова 2019, 71.

3 "Ramaphosa Signs Bela Act into Law, Suspended Clauses Resolved After Consultations," Citizen, December 20, 2024, accessed October 30, 2025, <https://www.citizen.co.za/news/south-africa/education/ramaphosa-signs-bela-act-into-law-suspended-clauses-resolved-after-consultations/>.

4 "President Assents To Expropriation Bill," Presidency, January 23, 2025, accessed October 30, 2025, <https://www.thepresidency.gov.za/president-assents-expropriation-bill>.

5 Jarryd Westerdale, "Land Expropriation: Almost 90% of Claimants Choose Money Instead of Property," Citizen, December 4, 2024, accessed October 30, 2025, <https://www.citizen.co.za/news/south-africa/almost-90-land-claims-financial-compensation-property/>.

6 "President Assents To Expropriation Bill," The Presidency, January 23, 2025, accessed October 30, 2025, <https://www.thepresidency.gov.za/>.

Здесь важно подчеркнуть, что «земельный вопрос» являлся одним из самых болезненных в ЮАР, так как фактически был связан с 350-летней историей колониализма и расизма в стране. По этой причине президенты ЮАР старались максимально продуманно проводить «земельную реформу», чтобы сохранить высокопроизводительные хозяйства и обеспечить продовольственную безопасность в стране¹.

Как и в случае с реформой образования, вступление в действие закона вызвало небывалую критику в СМИ со стороны партий ДА и ФФ+, а также и африканерских лоббистских организаций, которые в очередной раз выставляли земельную реформу как попытку «незаконной конфискации земли / ферм»². Впоследствии оказалось, что за южноафриканской внутренней политикой внимательно следили не только в ЮАР, но и за океаном.

Принятие «закона об экспроприации» особенно негативно транслировалось через африканерские лобби-организации, сумевшие в этот раз обратить на себя внимание президента США благодаря своим контактам с американским истеблишментом³. В ответ на заявление Д. Трампа о том, что Южная Африка конфискует землю, президент С. Рамапоса заявил, что ЮАР не изымала землю, и отклонил все обвинения в геноциде⁴. В то же время в Южной Африке не было зафиксировано ни одного случая «захвата ферм» – процесс перераспределения земли проходил на основе «добровольной продажи владельцами и добровольной покупки» (*willing buyer, willing seller*)⁵.

Такая резкая смена курса со стороны США ставила сторонников этого направления, в лице партии ДА (и ФФ+), в затруднительное положение. С одной стороны, они всегда поддерживали давление на АНК и начинания африканерских организаций, но в этот раз они дистанцировались от их действий, так как находились в составе Правительства национального единства⁶.

Для стабилизации отношений между государствами президент С. Рамапоса совершил рабочий визит в США. Одной из вероятных причин визита были опасения, что действие американской торговой программы (*African Growth and Opportunity Act – AGOA*) может быть прекращено, и Южная Африка утратит статус ее участника. Напряжение усилилось из-за отмены финансирования программы по борьбе со СПИД / ВИЧ с американской стороны, обвинениями в «геноциде белых», созданием программы «беженства» для белых южноафриканцев и объявлением посла ЮАР «персоной нон-грата». Итоги встречи Д. Трампа и С. Рамапосы можно оценить по-разному⁷. Западные обозреватели отметили тот факт, что президент ЮАР смог избежать провокации со стороны Д. Трампа и донести,

1 Шубин 2020, 307–310.

2 Marizka Coetzer, “They Can Take All Property: SA Divided Over New Expropriation Bill,” Citizen, January 25, 2025, accessed October 30, 2025, <https://www.citizen.co.za/news/south-africa/politics/they-can-take-all-property-sa-divided-over-new-expropriation-bill/>.

3 Chris McGreal, “How the Roots of the ‘PayPal Mafia’ Extend to Apartheid South Africa,” The Guardian, January 26, 2025, accessed October 30, 2025, <https://www.theguardian.com/technology/2025/jan/26/elon-musk-peter-thiel-apartheid-south-africa>.

4 Jarryd Westerdale, “Ramaphosa Responds to Trump, Says SA has ‘not Confiscated any Land,’” Citizen, February 3, 2025, accessed October 30, 2025, <https://www.citizen.co.za/news/south-africa/ramaphosa-responds-trump-sa-not-confiscated-land/>.

5 “Administration of Donald J. Trump. Remarks Prior to a Meeting with President Matamela Cyril Ramaphosa of South Africa and an Exchange with Reporters,” US Government Information, May 21, 2025, accessed October 30, 2025, <https://www.govinfo.gov/content/pkg/DCPD-202500626/pdf/DCPD-202500626.pdf>.

6 Imraan Buccus, “How Trump Created a South African Team of Rivals,” Foreign Policy, March 10, 2025, accessed October 30, 2025, <https://foreignpolicy.com/2025/03/10/trump-south-africa-anc-da-gnu-rivals-allies/>.

7 Ronak Gopalidas, “Ramaphosa’s Diplomatic Dance with Trump: Success or Failure?” ISS Today, May 27, 2025, accessed October 30, 2025, <https://issafrica.org/iss-today/ramaphosa-s-diplomatic-dance-with-trump-success-or-failure>.

хотя и с трудом, точку зрения своей страны¹. Другие – судили как недостаточно результативные².

Демократический альянс также инициировал «индивидуальные» переговоры с новой американской администрацией, рассчитывая на улучшение своих электоральных позиций среди белого электората партии³. Участие в одной из таких делегаций заместителя министра торговли, промышленности и конкуренции Э. Уитфилда обернулось для него увольнением, поскольку его визит в США не был санкционирован президентом ЮАР и являлся серьезным нарушением установленных правил и норм протокола⁴.

На фоне осложнившихся отношений с США очередным вызовом для администрации С. Рамапосы стало согласование бюджета на 2025 год. Основным препятствием стал вопрос увеличения НДС на 2 %, который в итоге не был принят из-за разных позиций АНК, ДА и других партий в правительстве⁵. Для согласования окончательного национального бюджета министру финансов потребовалось три попытки⁶.

В преддверии муниципальных выборов

В середине 2025 г. было проведено негласное подведение итогов работы Правительства национального единства, возглавляемое АНК. В политических кругах страны создание ПНЕ оценивалось неоднозначно: «коалиция элит», «пакт АНК и ДА», и даже как «иллюзия, продаваемая за чудо»⁷. Несмотря на попытки АНК и ДА, партии так и не смогли разрешить существующие между ними противоречия, хотя ради обеспечения непрерывной работы правительства они были «сглажены»⁸. Для восстановления доверия к партии АНК предпринял ряд мер.

На уровне предоставления «государственных услуг»: «Эском»

После долгих лет правительство (тогда еще возглавляемое АНК) восстановило подачу электроэнергии. Почти прекратились вынужденные отключения по сравнению с 2022 и 2023 годами⁹. Кроме того, впервые за восемь лет работы

1 Zanele Mji "Ramaphosa Withstood Trump's Bizarre Ambush – but He Let Down South Africans," The Guardian, May 22, 2025, accessed October 30, 2025, <https://www.theguardian.com/commentisfree/2025/may/22/cyril-ramaphosa-donald-trump-bizarre-ambush-south-africa>.

2 Reneva Fourie, "Diplomatic Tightrope: Appeasing Trump Will Deepen the Erosion of South Africa's Sovereignty," Independent Online, May 22, 2025, accessed October 30, 2025, <https://iol.co.za/pretoria-news/opinion/2025-05-22-appeasing-trump-will-deepen-the-erosion-of-south-africas-sovereignty/>.

3 "DA Says US Trip had Nothing to Do with AfriForum or Retaining 'White Vote,'" Polity, March 6, 2025, accessed October 30, 2025, <https://www.polity.org.za/article/das-us-visit-is-about-retaining-white-vote-in-next-election-good-party-2025-03-06>.

4 "President Cyril Ramaphosa on the Removal of Deputy Minister Whitfield," Government of South Africa, June 27, 2025, accessed October 30, 2025, <https://www.gov.za/news/media-statements/president-cyril-ramaphosa-removal-deputy-minister-whitfield-27-jun-2025>.

5 "Budget Delay. ANC, DA Try Score Points on Who Rejected the VAT Increase First," Independent Online, February 20, 2025, accessed October 30, 2025, <https://iol.co.za/news/politics/2025-02-20-budget-delay--anc-da-try-score-points-on-who-rejected-the-vat-increase-first/>.

6 "Minister Enoch Godongwana: Budget Speech 2025," Government of South Africa, May 21, 2025, accessed October 30, 2025, <https://www.gov.za/news/speeches/minister-enoch-godongwana-budget-speech-2025%2%A0-21-may-2025>.

7 Lee Rondganger, "One Year of the GNU – A Mirage Sold as a Miracle," Independent Online, June 18, 2025, accessed October 30, 2025, <https://iol.co.za/opinion/2025-06-18-one-year-of-the-gnu--a-mirage-sold-as-a-miracle/>.

8 Simon Majadibodu, "One Year of the GNU: How the ANC-DA Pact Betrayed Voters and Blocked Real Change," Independent Online, June 18, 2025, accessed October 30, 2025, <https://iol.co.za/news/politics/2025-06-18-one-year-of-the-gnu-how-the-anc-da-pact-betrayed-voters-and-blocked-real-change/>.

9 "The Five Men Who Improved Eskom and Stopped Load-Shedding," BusinessTech, July 1, 2024, accessed October 30, 2025, <https://businesstech.co.za/news/energy/779402/the-five-men-who-improved-eskom-and-stopped-load-shedding/>.

главная государственная компания, связанная с подачей электричества, «Эском» получила прибыль¹. Для разрешения энергетического кризиса президент также подписал Закон о внесении изменений в регулирование электроэнергетики. Это означало децентрализацию энергоотрасли и начало приватизации этой сферы, что создавало конкуренцию между государственным «Эском» и независимыми частными производителями электроэнергии².

На уровне общества: National Dialogue

После года работы в рамках ПНЕ для многих партий, в том числе для АНК, началась неофициальная подготовка к выборам с ведением политических кампаний. Так, президент ЮАР подтвердил планы правительства об организации «Национального диалога», который рассматривался как поле для обсуждения насущных проблем южноафриканского общества, накопившихся за долгое время. Но за неделю до первого Собрания, предварявшего Национальный диалог, было объявлено, что часть влиятельных некоммерческих фондов вышли из организационного комитета. Они не одобрили активную роль государства в гражданском процессе «диалога», а также указали на организационные проблемы³. Да на фоне увольнения заместителя министра, африканерские лобби-организации, ФФ+, ЭФФ и МКП также отказались участвовать в диалоге по разным причинам. Несмотря на негативный фон, первое собрание Национального диалога было проведено и, вероятно, помогло АНК снять определенное «социальное напряжение» на фоне внутренних разногласий в стране.

На уровне работы муниципалитетов: ANC Roll Call

В рамках подготовки к муниципальным выборам АНК провел массовую «перекличку» (“roll call”), собравшую более 6 тыс. своих советников и мэров. Темой массового собрания была проблема предоставления «государственных услуг» (*service delivery*). Несмотря на решительность руководства, для многих представителей общественности это событие больше представлялось как политическая пиар-акция, нежели реальные изменения на местах. Некоторые расценили съезд муниципальных советников и мэров как факт того, что руководство страны «подавало тревожные сигналы» в преддверии выборов в местные органы власти⁴.

Во время «переклички» С. Рамапоса сосредоточил выступление вокруг таких тем, как повышение качества предоставляемых государственных услуг и восстановление общественного доверия к муниципалитетам. Хотя больше всего многим запомнились другие слова: президент назвал муниципалитеты, контролируемые

- 1 “Eskom Commended for Achieving Profit Before Tax,” SA News, October 1, 2025, accessed October 30, 2025, <https://www.sa-news.gov.za/south-africa/eskom-commended-achieving-profit-tax>.
- 2 Kamogelo Moichela, “New Electricity Act Will Come into Operation on January 1,” Independent Online, December 18, 2024, accessed October 30, 2025, <https://iol.co.za/news/politics/2024-12-18-new-electricity-act-will-come-into-operation-on-january-1/>.
- 3 “Legacy Foundations Pull out of National Dialogue Convention over Financing, Power Grab Concerns,” Timeslive, August 8, 2025, accessed October 30, 2025, <https://www.timeslive.co.za/politics/2025-08-08-financing-and-power-grab-concerns-see-legacy-foundations-pull-out-of-upcoming-convention/>.
- 4 Kamogelo Moichela, “ANC Calls Councillor ‘Roll Call’ to Fast-Track Service Delivery as it Pushes Panic Buttons Ahead of 2026 Local Government Elections,” Independent Online, September 4, 2025, accessed October 30, 2025, <https://iol.co.za/news/politics/2025-09-04-anc-calls-councillor-roll-call-to-fast-track-service-delivery-as-it-pushes-panic-buttons-ahead-of-2026-local-government-elections/>.

политическим соперником ДА, примерами хорошего управления¹. Положительные оценки в сторону ДА вызвали обратную реакцию и гнев со стороны многих рядовых членов партии, что еще больше усугубило и без того нестабильное положение внутри АНК.

На внешнеэкономическом уровне

В своем аналитическом обзоре С. Найду, старший научный сотрудник Института глобального диалога, обращает внимание на то, что вопросы внешней политики стали активнее включаться в повестку нового Правительства национального единства, чего ранее не было зафиксировано. Это, как указывает один из основных экспертов по международным отношениям С. Найду, означало своеобразную «доместификацию» и адаптацию внешней политики под потребности внутренней политической системы². Особенно это стало заметно после того, как были введены тарифы со стороны США в размере 30 % для ЮАР³. В своем выступлении на ГА ООН С. Рамапоса подчеркнул: «Торговля в настоящее время используется в качестве оружия против ряда стран мира», имея в виду США⁴. В рамках контрмер правительство решило продолжить взаимодействие с США для заключения выгодной сделки и снижения тарифов и помочь пострадавшим от тарифов экспортерам диверсифицировать экспорт на альтернативные рынки⁵.

Для расширения взаимодействия со странами БРИКС президент совершил официальный визит в Индонезию, а также посетил Вьетнам и Малайзию с целью заключить соглашения о свободной торговле, что способствовало бы стремлению страны расширить свои рынки⁶. Параллельно представители президента совершили визиты в страны Африки, а спустя 12 лет возобновила работу турецко-южноафриканская двусторонняя комиссия.

Одним из основных экспортных товаров ЮАР во многие страны, включая США и Россию, является сельскохозяйственная продукция. По этой причине министр сельского хозяйства Дж. Стинхейзен оказался в центре эскалации дипломатической напряженности в отношениях с США, в поддержку которого ДА выступал на протяжении многих лет. Однако после введения тарифов со стороны США сдвиги в сторону большего экономического прагматизма произошли даже среди парламентариев ДА, и министр Дж. Стинхейзен признал ключевую роль Китая во внешних связях Южной Африки⁷.

1 "Praising DA is Sabotage to ANC – Councillors Reject Ramaphosa's Applause of Political Foe," September 16, 2025, accessed October 30, 2025, <https://www.sowetan.co.za/news/2025-09-16-praising-da-is-sabotage-to-anc-councillors-reject-ramaphosas-applause-of-political-foe/>.

2 Sanusha Naidu, "South Africa's Evolving Global Stance after the 2024 Elections," Italian Institute for International Political Studies (ISPI), July 31, 2025, accessed October 30, 2025, <https://www.ispionline.it/en/publication/south-africas-evolving-global-stance-after-the-2024-elections-215317>.

3 "Joint Statement on US Tariffs," Government of South Africa, August 12, 2025, accessed October 30, 2025, <https://www.gov.za/news/speeches/joint-statement-us-tariffs-12-aug-2025>.

4 Doyinsola Oladipo, "South Africa's President Says Trade is Being Used as a 'weapon'," Reuters, September 24, 2025, accessed October 30, 2025, <https://www.reuters.com/world/africa/south-africa-seeks-tariff-reduction-talks-with-us-2025-09-23/>.

5 Южная Африка может переориентировать свой экспорт на страны БРИКС – эксперт // ТАСС. 15 августа 2025. [Электронный ресурс]. URL: <https://telegra.ph/YUzhnaya-Afrika-mozhet-pereorientirovat-svoj-ehksport-na-strany-BRIKS---ehkspert-08-15> (дата обращения: 30.10.2025).

6 "SA to Forge Trade Agreements with Indonesia, Malaysia and Vietnam," SA News, October 27, 2025, accessed October 30, 2025, <https://www.sanews.gov.za/south-africa/sa-forge-trade-agreements-indonesia-malaysia-and-vietnam>.

7 Thabo Makwaka, "John Steenhuisen Endorses Growing South African-Chinese Agricultural Trade Relations," Independent Online, September 19, 2025, accessed October 30, 2025, <https://iol.co.za/news/politics/2025-09-19-john-steenhuisen-endorses-growing-south-african-chinese-agricultural-trade-relations/>.

* * *

Проведенный анализ позволил сделать ряд выводов о политическом курсе страны в преддверии следующего электорального цикла. Несмотря на заявленные цели консолидации общества и обеспечения политической стабильности, ПНЕ продемонстрировало внутренние противоречия, вызванные разными идеологическими и экономическими интересами. Сохранение баланса между партиями оказалось непростой задачей, что на практике выразилось в частых конфликтах при согласовании позиций по ключевым политическим решениям.

Одним из главных направлений деятельности правительства стало проведение социальных реформ как осуществление Национальной системы медицинского страхования, инициация реформы базового образования и введение закона о конфискации (земли). Однако сопротивление со стороны частного сектора и части политических сил выявило уязвимость правительства к внутренним и внешним коллизиям.

Внешнеполитические факторы также продолжили оказывать влияние на внутренние процессы в ЮАР. После второго срока избрания администрации Д. Трампа отношения двух государств резко осложнились на фоне обвинений в «дискриминации» белого населения, что оказало негативное воздействие на международный имидж ЮАР. Тем не менее правительство Южно-Африканской Республики продемонстрировало способность к выстраиванию диалога и сдерживанию кризисных процессов.

Экономическая политика ПНЕ характеризовалась усилиями по обеспечению устойчивости энергетического сектора и снижением частоты отключений электроэнергии. Реформы в энергетике, а также усилия по привлечению иностранных инвестиций из стран БРИКС, ЕС и Юго-Восточной Азии стали ключевыми элементами экономической стратегии государства.

Грядущие муниципальные выборы станут не только индикатором работы АНК, но и своеобразным подведением итогов президентства С. Рамапосы с 2018 года. От их результатов во многом будет зависеть, какое направление примет партия в преддверии Национальной исполнительной конференции АНК (съезда) в 2027 году.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Грибанова, В.В. Новые явления в системе образования ЮАР в XXI в. // Кунсткамера. 2019. № 4. С. 70–80. [https://doi.org/10.31250/2618-8619-2019-4\(6\)-70-80](https://doi.org/10.31250/2618-8619-2019-4(6)-70-80).

Gribanova, Valentina V. "New Phenomena in the Education System of South Africa in the Twenty First Century." *Kunstkamera*, no. 4 (2019): 70–80 [In Russian].

Прокопенко, Л.Я. Женщины и власть (на примере стран Юга Африки). М.: Институт Африки РАН. 2018. 206 с.

Prokopenko, Lubov J. *Women and Power (Through the Example of Southern African States)*. Moscow: Institute for African Studies RAS, 2018 [In Russian].

Туряница, Д.А. Южная Африка – 2024: политические партии в преддверии выборов // Азия и Африка сегодня. 2024. № 2. С. 23–31. <https://doi.org/10.31857/S032150750030073-2>.

Turianitsa, Daria A. "South Africa – 2024: Political Parties' Activities Ahead of Elections." *Asia and Africa Today*, no. 2 (2024): 23–31 [In Russian].

Туряница, Д.А. Выборы – 2024 в ЮАР: результаты и последствия для страны // Сравнительная политика. 2025. № 1. С. 25–53. <https://doi.org/10.46272/2221-3279-2024-1-16-2>.

Turianitsa, Daria A. "Elections 2024 in South Africa: Results and Consequences." *Comparative Politics Russia* 16, no. 1 (2025): 25–32 [In Russian].

Шубин, В.Г. Россия и Южная Африка: воображение и действительность // Неприкосновенный запас. 2020. № 4. С. 304–317.

Shubin, Vladimir G. "Russia and South Africa: Imagination and Reality." *An Inviolable Reserve*, no. 4 (2020): 304–317 [In Russian].

Шубин, В.Г. Южная Африка: новая эра? // Азия и Африка сегодня. 2024. № 8. С. 5–11. <https://doi.org/10.31857/S0321507524080017>.

Shubin, Vladimir.G. "South Africa: New Era?" *Asia and Africa Today*, no. 8 (2024): 5–11 [In Russian].

Africa, Cherrel. "Do Election Campaigns Matters in South Africa? An Examination of Fluctuations in Support for the ANC, DA, IFP and NNP 1994 – 2019." *Politikon* 46, no. 4 (2019): 371–389. <https://doi.org/10.1080/02589346.2019.1684647>.

Bird, William, and Thandi Smith. "Media Coverage of South Africa's 2024 Elections." *Journal of African Elections* 23, no. 2 (2024): 167–188. <https://doi.org/10.20940/JAE/2024/v23i2a8>.

Booyesen, Susan, ed. *Analysis of South Africa's 2024 Elections and the Coalitions Aftermath*. Johannesburg: Mapungubwe Institute for Strategic Reflection (MISTRA), 2024.

Booyesen, Susan, Moyo Zenzo, and Jennica Beukes. *Coalitions Barometer MISTRA 2021 – 2023: High-Level Summary*. Johannesburg: Mapungubwe Institute for Strategic Reflection (MISTRA), 2023.

Dooms, Tessa, and Lynsey Chutel. *Coloured – How Classification Became Culture*. Johannesburg: Jonathan Ball Publishers, 2023.

Gordon, Steven L., Benjamin J. Roberts, Ngqapheli Mchunu, Jaré Struwig, and Narnia Bohler-Muller. "The Brick in the Ballot Box: The Relative Influence of Democratic Discontent and Identity Politics in the 2024 Elections in South Africa." *Politikon* 51, no. 3–4 (2024): 185–205. <https://doi.org/10.1080/02589346.2025.2495390>.

Hofmeyr, Jan. "Youth Inclusivity in South Africa's 2024 Elections." *Journal of African Elections* 23, no. 2 (2024): 106–116. <https://doi.org/10.20940/JAE/2024/v23i2a5>.

Houston, Gregory, Diana Sanchez Betancourt, Darian Smith, and Dane Isaacs. "Service Delivery, Moral Political Capital and Democratic Legitimacy: A Case Study of Langa and Wentworth, South Africa." *Politikon* 51, no. 3–4 (2024): 206–225. <https://doi.org/10.1080/02589346.2025.2495391>.

Kotzé, Dirk. "Electoral Management for a Maturing Democracy: A Look at the Contribution of the South African Electoral Commission." *South African Journal of International Affairs* 30, no. 3 (2023): 437–453. <https://doi.org/10.1080/10220461.2023.2269897>.

Kotze, Joleen Steyn, and Narnia Bohler-Muller. "Editorial: Quo Vadis? Reflections on the 2019 South African General Elections." *Politikon* 46, no. 4 (2019): 365–370. <https://doi.org/10.1080/02589346.2019.1692520>.

Kotze, Joleen Steyn, and Odilile Ayodele. "Democracy Disconnected? Reflections on Elections '24." *Politikon* 51, no. 3–4 (2024): 97–104. <https://doi.org/10.1080/02589346.2025.2489903>.

Mare, Admire. "Same Voices, Different Contestants. Media and the 2024 Elections in South Africa." *Journal of African Elections* 23, no. 2 (2024): 167–188. <https://doi.org/10.20940/JAE/2024/v23i2a4>.

Mashele, Prince, and Mzukisi Qobo. *The Fall of the ANC: What Next?* Johannesburg: Picador Africa, 2013.

Mawere, Joshua, James Matoane, and Titos Khalo. "Coalition Governance and Service Delivery in South Africa: A Case Study of Tshwane, Johannesburg and Ekurhuleni Metropolitan Municipalities." *Journal of Public Administration* 57, no. 2 (2022): 272–283.

Ndzendze, Bhaso, and Zimkhitha Manyana. "Are South African Political Parties Thinking About the Future in Local Governance? Assessing the 2021 LGE Manifestos for Responses to Technological, Climate and Demographic Changes." *Politikon* 49, no. 4 (2022): 428–445. <https://doi.org/10.1080/02589346.2022.2154925>.

Neethling, Theo. "South Africa in 2025." *Personal Finance* 2025, no. 529 (2025): 1–3.

Schulz-Herzenberg, Collette, and Roger Southall. *Election 2024, South Africa: Countdown to Coalition*. Johannesburg: Jacana Media, 2024.

Schulz-Herzenberg Collette, and Roger Southall. *Election 2019: Change and Stability in South Africa's Democracy*. Johannesburg: Jacana Media, 2020.

Сведения об авторе

Туряница Дарья Андреевна,

младший научный сотрудник Центра изучения африканской стратегии БРИКС

Института Африки РАН

123001, Россия, Москва, ул. Спиридоновка, д. 30/1

e-mail: darya.turyanitsa@gmail.com

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 20 ноября 2025.

Переработана: 25 ноября 2025.

Принята к публикации: 15 декабря 2025.

Сведения о финансировании

Работа подготовлена при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в рамках научного проекта № FMZE-2024-0003

«БРИКС и Африка: перспективы расширения и потенциал развития российско-африканского стратегического сотрудничества».

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Цитирование

Турияница, Д.А. «От всеобщих к муниципальным выборам в Южной Африке: анализ внутренних социально-политических факторов (2024–2025) // Международная аналитика. 2025. Том 16 (4). С. 129–144. <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2025-16-4-129-144>

From General to Municipal Elections in South Africa: An Analysis of Domestic Sociopolitical Factors (2024–2025)

ABSTRACT

The article discusses the preparations and outcomes of the parliamentary elections in South Africa, which took place on May 29th, 2024. For the first time in 30 years, the ruling African National Congress failed to secure a parliamentary majority. It is important to understand how this new political landscape will affect domestic and foreign policy. The author analyzes the key stages of the election process, summarizes the results and considers the emergence of new actors. She highlights other factors that contributed to the outcome, including the initial actions of the new leaders of the country. There is a question about how internal change will affect South African foreign policy as a member of BRICS, given recent appointments to government and the position of Minister for International Relations and Cooperation.

KEYWORDS

South Africa, African National Congress, Democratic Alliance, Government of National Unity, foreign policy, BRICS

Author

Daria A. Turianitsa,

Junior Research Fellow, Research Centre for African strategy in BRICS, Institute for African Studies,
Russian Academy of Sciences

30/1, Spiridonovka street, Moscow, Russia, 123001

e-mail: darya.turianitsa@gmail.com

Additional information

Received: November 20, 2025. Revised: November 25, 2025. Accepted: December 15, 2025.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the author.

Funding

The research was carried out with the financial support of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation within the framework of the scientific project No. FMZE-2024-0003 "BRICS and Africa: prospects for expansion and potential development of Russian-African strategic cooperation"

For citation

Turianitsa, Daria A. "From General to Municipal Elections in South Africa: An Analysis of Domestic Sociopolitical Factors (2024–2025)." *Journal of International Analytics* 16, no. 4 (2025): 129–144. <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2025-16-4-129-144>

Секьюритизация миграционной повестки на президентских выборах в США в 2024 году

Иван Андреевич Возмитель, РУДН, Москва, Россия

Контактный адрес: 1142240465@rudn.ru

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена исследованию влияния миграционного вопроса на политические установки на выборах президента США в 2024 году. Цель исследования – рассмотреть миграционный вопрос в контексте защиты национальной безопасности США и в качестве фактора выбора гражданами между кандидатом Демократической партии К. Харрис и кандидатом Республиканской партии Д. Трампом. В Соединенных Штатах миграционная проблема остается одним из ключевых факторов как на выборах в Конгресс, так и на президентских выборах. Исследование выполнено в рамках социологического подхода и включает в себя вторичный анализ данных социологических опросов исследовательских организаций (*Pew Research Center, AS / COA* и другие) и официальной статистики, включая экспертные доклады, анализ медиатекстов ведущих американских изданий (*The New York Times, The Washington Post* и другие), а также качественный анализ политических текстов кампаний: риторики кандидатов и их предвыборных программ. Преобладающая часть материалов относится к предвыборному периоду 2024 г., тогда как данные выборов 2016 и 2020 гг. использовались выборочно для анализа динамики электоральных установок и миграционной повестки. Результаты исследования показывают, что миграционный кризис сыграл важнейшую роль в ходе президентских выборов в США в 2024 г. и кандидаты активно связывали его с национальной безопасностью США. Выводы автора демонстрируют важность исследования политической повестки вокруг миграционного вопроса, поскольку миграция не только затрагивает политическую и экономическую сферу, но и акцентирует различные проблемы обеспечения безопасности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

секьюритизация, иммиграция, миграционный кризис, США, выборы президента, Дональд Трамп, Камала Харрис, миграционная политика

Введение

Миграция – сложный процесс, обусловленный целым комплексом факторов: экономических, демографических, культурных, внутри- и внешнеполитических¹. Как показывают данные недавних социологических опросов граждан США, 47 % опрошенных считают, что приезжие граждане других государств увеличивают преступность в Соединенных Штатах². Статистика отражает и более давние опросы, связывавшие миграцию с культурными столкновениями и генерацией дефицита рабочих мест³. Сегодня миграция стала объектом секьюритизации на уровне государственной политики, угрозы от мигрантов стали неотъемлемой частью общественного дискурса⁴.

«Секьюритизировать» означает дискурсивно конструировать традиционную (не связанную с безопасностью) тему как ситуацию, требующую немедленного вмешательства со стороны государства для защиты своей территории от потенциальной или актуальной угрозы⁵. Такая трансформация может быть и прямым результатом секьюритизирующих заявлений государственных и общественных деятелей⁶. Секьюритизацию также можно обозначить как «восприятие существующей угрозы способности национально ограниченного общества поддерживать и воспроизводить себя»⁷.

Тема миграции естественным образом используется для мобилизации общественной поддержки политических сил, а также придания государству дополнительной легитимности в глазах общественности, которая воспринимает соответствующие действия как защиту от внешней опасности. Понятие секьюритизации в ряде исследований сравнивается с «моральной паникой», когда, например, кандидаты или СМИ преувеличивают проблему миграции, «обеспечивая основные средства, с помощью которых о проблеме или группе говорят»⁸ и побуждая граждан отдавать свой голос за кандидата, акцентирующего внимание на ней⁹. Во многих государствах ЕС в регионах со значительной долей пришлого населения граждане поддерживают партии с интенсивной антимигрантской риторикой. Например, в Норвегии чем выше доля мигрантов и граждан с иммиграционным прошлым, тем выше уровень электоральной поддержки Консервативной партии¹⁰.

Разумеется, активные миграционные процессы позитивно оцениваются Международной организацией по миграции. В докладе за 2024 г. акцентируется внимание на том, что, согласно индикатору международных денежных переводов, миграция помогает сохранять в относительно отсталых регионах человеческий потенциал и развивать там экономическую сферу. Данный индикатор увеличился более чем на 600 % с 2000 г., то есть со 120 до 830 млрд долл. При

1 Prieto-Curiel et al. 2024, 178.

2 Landgrave, Nowrasteh 2025, 16.

3 Белов, Роговина 2015, 21–23.

4 Ларина 2025, 547.

5 Abdulhamid 2018, 47.

6 Waever 1995, 47–49.

7 Faist 2006, 103–119.

8 Hussain, Bagguley 2012, 716.

9 Степанов, Иванова 2018, 53–63.

10 Захарова 2021, 110–125.

этом в четвертой главе доклада авторы сетуют на низкую достоверность и политизированность циркулирующей информации о миграции¹.

В статье предпринята попытка выявить закономерности в формировании политической повестки и предвыборной стратегии кандидатов в президенты США в 2024 г. в условиях обострения миграционного кризиса, проследить взаимосвязь между миграционной проблематикой, вопросами национальной безопасности и современными политическими процессами в США.

Развитие миграционного кризиса в США

На разных исторических этапах в США по-разному рассматривали миграционный вопрос, миграционная политика адаптировалась под конкретные потребности². Как отмечает А.А. Филиппенко, «формирование иммиграционного законодательства на каждом новом этапе становилось обращением к старинному спору, который не может разрешиться раз и навсегда»³. Однако перемены второй половины XX в. существенно повлияли на развитие миграционной политики.

Данный исторический период следует рассматривать сквозь призму конкретных законов. Начнем с закона об иммиграции и гражданстве 1965 г., которым были отменены квоты, благодаря чему увеличилась иммиграция из Азии, Африки и Латинской Америки⁴. В 1980 г. был принят закон о беженцах, определивший современный подход к приему беженцев⁵. Как следствие, с начала 1990-х гг. в США намного увеличилось число нелегальных мигрантов, в частности из Мексики, которые «оттеснили» мигрантов из европейских стран⁶. Последний раз массовая политика легализации проводилась в 1986 г., когда закон об иммиграционной реформе и контроле предоставил амнистию примерно 3 млн нелегальных мигрантов и наложил санкции на работодателей, которые нанимали работников без документов⁷. Ежегодный прием переселенных беженцев достигал пиков в начале 1980-х гг. и затем в первой половине 1990-х годов. Во второй половине этого десятилетия ежегодный уровень расселения составлял от 70 тыс. до 85 тыс. человек⁸.

Точкой кардинальных изменений в миграционной политике стал теракт 11 сентября 2001 г., трансформировавший само понимание терроризма как угрозы национальной безопасности. Это событие, а также теракты в Мадриде в 2004 г. и в Лондоне в 2005 г. привели к «коллективной секьюритизации терроризма как международной угрозы, затрагивающей все государства Европейского союза»⁹.

1 "World Migration Report 2024," IOM UN Migration, accessed November 15, 2025, <https://worldmigrationreport.iom.int/msite/wmr-2024-interactive>.

2 Лебедева 2013, 95.

3 Филиппенко 2018, 232.

4 "The Legacy of the 1965 Immigration Act," Center of Immigration Studies, September 1, 1995, accessed November 17, 2025, <https://cis.org/Report/Legacy-1965-Immigration-Act>.

5 "Refugee Act of 1980," National Archives Foundation, accessed November 17, 2025, <https://archivesfoundation.org/documents/refugee-act-1980>.

6 Травкина, Балденкова 2014, 1–2.

7 "1986: Immigration Reform and Control Act of 1986," Library of Congress, accessed November 18, 2025, <https://guides.loc.gov/latinx-civil-rights/irca>.

8 "U.S. Annual Refugee Resettlement Ceilings and Number of Refugees Admitted, 1980-Present," MPI, December 31, 2024, accessed November 19, 2025, <https://www.migrationpolicy.org/programs/data-hub/charts/us-refugee-resettlement>.

9 Shepherd 2022, 121.

11 сентября однозначно связало трансграничную миграцию с терроризмом, способствовало усилению иммиграционного контроля. Тогда это не привело к возникновению дискурса о секьюритизации¹, лишь укрепило риторику о взаимосвязи миграции и безопасности. Прием беженцев был поначалу приостановлен, но в скором времени возобновлен. За последующие 10 лет лишь дважды число мигрантов превышало 60 тыс. человек. В 2006, 2008 и 2013 г. предлагались проекты миграционной реформы, однако политическая поляризация помешала их принятию.

Вопрос миграции обострился в президентской кампании 2016 года. Д. Трамп фиксировал проблему нелегальной миграции как прямую угрозу национальной безопасности, требовал ограничения легальной миграции, а также выступал за тотальную депортацию нелегалов². В 2015 г., выдвигая свою кандидатуру, Д. Трамп заявил: «Когда Мексика посылает своих людей, они посылают не самых лучших. Они посылают людей, у которых много проблем, и они приносят эти проблемы с собой. Они привозят наркотики. Они приносят преступность. Они насильники. И некоторые из них, я полагаю, хорошие люди»³. Д. Трамп обещал построить стену на границе США и Мексики, постоянно напоминая, что нелегальные мигранты – преступники. Впоследствии усиление контроля над миграционными потоками и работы по возведению стены на границе с Мексикой способствовали усилению секьюритизации миграционной политики⁴. Эти действия подтверждали постулируемый разработанной Копенгагенской школой международных отношений теорией секьюритизации тезис, что объявление экзистенциальной угрозы требует выхода за рамки обычной политики, в данном случае – строительства стены на границе. Данный проект имел значительный общественный резонанс⁵. Однако предвыборное заявление Д. Трампа о том, что стена должна строиться за счет Мексики, реализовано не было⁶.

В 2019 г. во время кризиса в Венесуэле и вокруг нее популярность Д. Трампа дополнительно возросла благодаря его антимиграционной политике⁷. Вместе с тем углублялся общественный раскол, чреватый конфронтацией⁸. В отчете формально беспартийного Института миграционной политики (*Migration Policy Institute*) за февраль 2022 г. говорится, что за четыре года пребывания Д. Трампа у власти его администрация «выполнила 472 исполнительных действия, влияющих на иммиграционную политику США»⁹.

В президентство Д. Трампа разразился коронакризис, к апрелю 2020 г. было ограничено передвижение людей по всему миру. В первые месяцы администрация Д. Трампа ввела ряд запретов на въезд и применила раздел 42 закона

1 Abdulhamid 2018, 52.

2 Давыдова 2016, 5–10.

3 “Full Text: Donald Trump Announces a Presidential Bid,” *The Washington Post*, June 16, 2015, accessed November 22, 2025, <https://www.washingtonpost.com/news/post-politics/wp/2015/06/16/full-text-donald-trump-announces-a-presidential-bid>.

4 Татунц, Понамарева 2021, 36–38.

5 Фролова 2017, 56–62.

6 Улыбин 2020, 8.

7 Белоконов et al. 2019, 241.

8 Золотых 2019, 190.

9 “Four Years of Profound Change: Immigration Policy During the Trump Presidency,” MPI, accessed November 22, 2025, <https://www.migrationpolicy.org/sites/default/files/publications/mpi-trump-at-4-report-final.pdf>.

об общественном здравоохранении, чтобы перекрыть границу почти для всех мигрантов¹.

В январе 2021 г. вступил в должность новый президент США – Дж. Байден, который незамедлительно приступил к коррекции миграционной политики Д. Трампа. В частности, была восстановлена и расширена система расселения беженцев. Соответственно, наметился определенный тренд – при смене президентских администраций меняется и миграционная политика². В 2021 г. была предоставлена гуманитарная помощь и временный защитный статус нелегальным мигрантам с Кубы, Гаити, из Афганистана и других проблемных государств. Однако администрация не сняла ограничения на представление убежища при нелегальном пересечении южной границы³.

Дж. Байден отменил запреты на въезд мигрантов из мусульманских стран, прекратил разделение семей на границе и даже начал процесс по подготовке межведомственного доклада о взаимосвязи между миграцией и изменением климата⁴. Важно подчеркнуть, что в тот период прибывавшие иностранцы имели нестабильный правовой статус, который при переходе власти к республиканцам грозил депортацией.

В момент вступления в должность Дж. Байдена миграция, казалось, представляла собой проблему, которую можно было легко решить⁵. На начало 2021 г. уровень приема беженцев был около 15 тыс. человек в год, однако уже в апреле 2021 г. лимит был увеличен до 64 тыс. человек. На тот момент это можно было рассматривать в качестве символического жеста на фоне сокращения Д. Трампом помощи беженцам и прекращения из-за коронакризиса их принятия⁶. К концу 2023 г. уже было принято более 60 тыс. человек, а к сентябрю 2024 г. этот показатель достиг 100 тыс. человек, что стало самым высоким показателем за последние 300 лет⁷. Помимо этого, за период 2021–2024 гг., согласно статистике Таможенной и пограничной охраны США, было зафиксировано около 9 млн нелегальных пересечений мексиканской границы⁸.

Администрация Дж. Байдена в ходе переговоров с латиноамериканскими государствами содействовала разработке региональной стратегии, которая выходила за существующие правовые рамки, предусматривая реализацию новых инициатив, например создание новых легальных возможностей для трудовой миграции. Этот подход был высоко оценен Межамериканским банком развития и Агентством ООН по делам беженцев, хотя некоторые группы, занимающиеся защитой прав мигрантов, продолжали высказывать критику в адрес отдельных действий администрации Дж. Байдена.

1 "Immigration in the 2024 US Presidential Election Campaign: Policy Stalemate, Disinformation, and a Call for Mass Deportation," CIDOB, October 1, 2024, accessed November 24, 2025, <https://www.cidob.org/en/publications/immigration-2024-us-presidential-election-campaign-policy-stalemate-disinformation-and>.

2 Гапуцова 2020, 104–117.

3 Ibid.

4 "President Biden's Executive Actions on Immigration," Center for Migration Studies, February 2, 2021, accessed November 24, 2025, <https://cmsny.org/biden-harris-immigration-executive-actions>.

5 Кочегуров 2022, 1.

6 "Report on the Impact of Climate Change on Migration," The White House, accessed November 27, 2025, <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2021/10/report-on-the-impact-of-climate-change-on-migration>.

7 "Immigration in the 2024 US Presidential Election Campaign: Policy Stalemate, Disinformation, and a Call for Mass Deportation."

8 "CBP Enforcement Statistics," U.S. Customs and Border Protection, accessed November 28, 2025, <https://w.cbp.gov/newsroom/stats/cbp-enforcement-statistics>.

Важно рассмотреть отношение граждан США к миграционному вопросу. В середине 2024 г. большинство граждан полагало, что миграция имеет право на существование, но пограничный контроль необходимо восстановить, чтобы блокировать дальнейшую криминализацию общества. Согласно данным социологических опросов, 78 % американцев воспринимали миграцию из Мексики в качестве серьезной проблемы, 80 % респондентов заявили, что правительство плохо справляется с ситуацией¹. Для республиканцев это был вопрос возвращения государственной политики в правовое поле, к соблюдению американского законодательства и американских стандартов общественной жизни². Оценка гражданами политики Демократической партии в данной сфере была такова: 64 % американцев считали, что политика Дж. Байдена является неверной, 62 % – что миграционная политика должна базироваться на законной основе и строго контролироваться, более 55 % опрошенных полагали, что отношение к нелегалам слишком лояльно и требует ужесточения³.

Влияние миграционной проблемы на выборы президента США в 2024 году

При анализе влияния миграционной проблемы на выборы президента США в 2024 г. важно помнить, что три ветви власти в США подвергаются регулярной ротации. Как отмечает в своем исследовании А.Р. Войтоловская, такого рода ротация не может, даже теоретически, привести к успешной политике, поскольку при смене сенаторов и администрации президента в первую очередь происходит отмена политических решений предшественников и сворачивание уже инициированных реформ, которые не были последовательно реализованы. В сложившейся ситуации президенты вынуждены прибегать к исполнительным указам, которые, в отличие от законов, не нуждаются в одобрении Конгресса, однако обладают ограниченным сроком действия и могут быть аннулированы следующим главой государства, что порождает замкнутый цикл⁴.

Вернемся к статистике за 2023 г., чтобы показать настроения избирателей накануне приближающихся выборов президента. В тот год Соединенные Штаты переживали рекордный наплыв беженцев, их число превысило два миллиона⁵. Рекордный рост был обусловлен несколькими фактами: за последние 10 лет более семи миллионов граждан уехали из Венесуэлы, большинство из них направилось в США; в итоге за последние 15 лет число иммигрантов из Венесуэлы,

1 "Migrant Encounters at U.S.-Mexico Border Have Fallen Sharply in 2024," Pew Research Center, October 1, 2024, accessed November 24, 2025, <https://www.pewresearch.org/short-reads/2024/10/01/migrant-encounters-at-u-s-mexico-border-have-fallen-sharply-in-2024/>.

2 Нелегальный поход: как миграция может повлиять на выборы в США // Известия. 14 июня 2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://iz.ru/1527692/evgeniia-chukalina/nelegalnyi-pokhod-kak-migratsiia-mozhet-povliiat-na-vybory-v-ssha> (дата обращения: 24.11.2025).

3 "CBS News Poll – May 17-19, 2023 Adults in the U.S.," YouGov, May 19, 2023, accessed November 30, 2025, https://docs.cdn.yougov.com/tghbovtiy3/cbsnews_20230521_1.pdf.

4 Войтоловская 2024, 117.

5 "Southwest Land Border Encounters," CBP, accessed November 30, 2025, <https://www.cbp.gov/newsroom/stats/southwest-land-border-encounters>.

проживающих на территории США, выросло почти в три раза¹. Большую волну эмиграции в 2023 г. повлек за собой и экономический кризис на Кубе.

Следует отметить, что мигранты из Венесуэлы чаще остальных латиноамериканских мигрантов имеют степень бакалавра, что способствует некоторому дополнительному их вкладу в экономическое развитие США. Для многих избирателей приток талантов из разных стран воспринимается как положительный фактор, продолжающий историческую традицию США быть страной, открытой для разнообразия и инклюзивности². В этой связи важно упомянуть, что в 2017 г. Д. Трамп пытался реформировать иммиграционную систему США в целях притока высококвалифицированной рабочей силы: «Отказавшись от нынешней системы иммиграции низкоквалифицированных кадров и перейдя на систему, основанную на заслугах, мы получим гораздо больше преимуществ. Это сэкономит бесчисленное количество долларов, повысит заработную плату работников и поможет семьям, испытывающим трудности, включая семьи иммигрантов, войти в средний класс»³.

За последние полтора десятилетия острота иммиграционного вопроса неуклонно усиливалась. В 2009 г. уровень беспокойства по поводу иммиграции составлял 4 %, к 2018 г. он вырос до 11 %, а к 2024 – приблизился к 15 %. Данные собирались в октябре каждого года, то есть в преддверии выборов президента США в 2024 г. 15 % граждан были обеспокоены по этому поводу⁴. 70 % республиканцев включают миграцию в свой рейтинг важнейших вопросов, в котором только экономика обгоняет миграционный кризис. В то же время только для 15 % демократов миграция входит в круг проблем, на которые должно быть обращено внимание в первую очередь. Кроме экономики, демократы чаще всего указывали на важность таких сфер, как здравоохранение, социальные вопросы и охрана окружающей среды⁵.

Республиканская партия клеймила либеральную политику на южной границе, утверждая, что такая политика может только разжечь кризис. Столь жесткие оценки обеспечивали партии дополнительные голоса⁶. Демократическая партия, со своей стороны, утверждала, что республиканская повестка является чрезмерно суровой, но она не устранит фундаментальные причины проблемы, которые, в свою очередь, идут вразрез с американскими ценностями⁷.

Позиции двух кандидатов в президенты США так же различались, как и их предложения по решению миграционного кризиса. Д. Трамп высказывался за проведение массовой депортации мигрантов, проживающих в США без законных оснований, а также об отмене гражданства по праву рождения. К. Харрис заявляла о продвижении двухпартийного законопроекта Сената о границе,

1 "Venezuelan Immigrants in the United States," MPI, February 15, 2023, accessed November 30, 2025, <https://www.migrationpolicy.org/article/venezuelan-immigrants-united-states-2021>.

2 "Political Polarization in the 2024 U.S. Presidential Election," LLYC, November 14, 2024, accessed November 30, 2025, <https://llyc.global/en/ideas/political-polarization-in-the-2024-u-s-presidential-election>.

3 "Trump's Speech to Congress: Video and Transcript," The New York Times, February 28, 2017, accessed November 30, 2025, <https://www.nytimes.com/2017/02/28/us/politics/trump-congress-video-transcript.html>.

4 "Poll Tracker: Attitudes on Immigration in the 2024 U.S. Elections," AS/COA, October 25, 2024, accessed November 30, 2025, <https://www.as-coa.org/articles/poll-tracker-attitudes-immigration-2024-us-elections>.

5 Ibid.

6 Сокольщик et al. 2023.

7 "Migrant Crisis Explained: What's Behind the Border Surge," ABC News, September 23, 2023, accessed November 30, 2025, <https://abcnews.go.com/Politics/migrant-crisis-explained-border-surge/story?id=103364219>.

который усилил бы ограничения, а также увеличил бы ресурсы для легальной миграции. Следует более детально рассмотреть позиции кандидатов по миграционному вопросу.

В ходе предвыборной кампании К. Харрис призывала к полному реформированию миграционной системы, которую на момент президентства Дж. Байдена характеризовала как неэффективную. В своей программе она обращала внимание на коренные причины миграции из Центральной Америки, а также предлагала модель, в соответствии с которой мигранты смогут получать гражданство. Что касается двухпартийного законопроекта о границе, то, по заявлению К. Харрис, он находится в тупике в Конгрессе из-за оппозиции республиканцев. Во время предвыборной кампании К. Харрис гарантировала, что если выиграет выборы, то обязательно доведет дело до конца и подпишет этот закон. Законопроект предусматривал ужесточение миграционных ограничений, в частности правил предоставления убежища, и создание возможности частично закрывать границы при превышении определенного порога пересечений. Кроме того, он предусматривал увеличение ресурсов для пересмотра иммиграционных решений, в том числе выделение средств для дополнительных судей и усиления борьбы с контрабандой наркотиков¹.

Д. Трамп планировал восстановить миграционную политику, которая была во время его первого президентского срока, включая ограничения на предоставление убежища беженцам из Мексики, а также завершение строительства стены на границе. Ключевым предложением была крупнейшая депортация мигрантов. В качестве инструментов для ее осуществления он предлагал использовать Национальную гвардию, строительство лагерей временного содержания на территории США, а также правоохранительные органы. В ходе избирательной кампании Д. Трамп был нацелен на отмену гражданства по праву рождения для так называемых нелегальных иностранцев².

К. Харрис также связывала вопрос миграции с национальной безопасностью, предлагая изменения в законодательстве для контроля за нелегальной миграцией. Несмотря на сформировавшееся лояльное отношение демократов к иммиграции, в том числе нелегальной, у К. Харрис в основе секьюритизации миграционной повестки лежало видение иммиграции как глобальной проблемы³.

Рассмотрев риторику двух кандидатов в президенты США в 2024 г., следует выявить факторы электорального поведения в контексте миграционного вопроса накануне выборов, одним из которых является появление новых избирателей, в частности избирателей «поколения Z», то есть граждан, родившихся с 1997 по 2012 годы. Проанализировать значимость «молодежного фактора» позволяет материал статьи в *World Citizenship Report* «Новое поколение: участие

- 1 Одна граница, два пути: как Харрис и Трамп разбирались с миграцией и что обещают предпринять // RTVI.US. 11 января 2024. [Электронный ресурс]. URL: <https://rtvi.us/politics/odna-granicza-dva-puti-kak-harris-i-tramp-razbiralis-s-migraczej-i-chno-obeshhayut-predprinyat/> (дата обращения: 30.11.2025).
- 2 "Here's Where the 2024 Presidential Candidates Stand On Immigration," ABC News, September 5, 2024, accessed November 30, 2025, <https://abcnews.go.com/Politics/2024-presidential-candidates-stand-immigration/story?id=103313097>.
- 3 "Issues and the 2024 Election," Pew Research Center, September 9, 2024, accessed November 30, 2025, <https://www.pewresearch.org/politics/2024/09/09/issues-and-the-2024-election/>.

молодежи в выборах и социальные сети»¹. В статье подчеркивался значительный рост электоральной активности «поколения Z», участие которого на предыдущих выборах увеличилось на 289 % по сравнению с общим количеством голосов. Делался прогноз усиления данного тренда в 2024 г. за счет новых молодых избирателей, для которых миграция являлась одной из ключевых тем. Их политическая мобилизация осуществлялась и осуществляется через такие платформы, как *TikTok*², при этом взгляды молодого поколения на иммиграцию оставались глубоко поляризованными. В статье приводится ссылка на исследование, проведенное аспирантами Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе, которое показало, что использование социальных сетей «поколением Z» усилило их роль в качестве лидеров политической активности и мобилизации³.

Переходя к «взрослому» населению, важно подчеркнуть, что почти в два раза расходится количество сторонников нелегальных мигрантов, проживающих на территории США. Это отчасти обусловлено давними разногласиями между республиканцами и демократами по вопросу о масштабах проблемы нелегальной иммиграции для государства, а также текущими разногласиями в оценке ситуации на границе США и Мексики. Сторонники Д. Трампа и К. Харрис среди «взрослого» населения расходятся в ответах на вопросы относительно открытости США для людей со всего мира в качестве важнейшего элемента национальной идентичности, а также относительно комфортности / некомфортности, когда иммигранты публично говорят на других языках кроме английского⁴.

Иммиграция была одним из ключевых вопросов президентских выборов 2024 г., сопоставимых по своей значимости лишь с экономической политикой и национальной безопасностью в целом. Тон дебатов задавал Д. Трамп, подвергая жесткой критике К. Харрис заведомо гиперболизированными заявлениями о ее позиции об открытых границах и обвинениями в росте иммигрантской преступности⁵.

После вступления в должность Д. Трамп 20 января 2025 г. подписал несколько указов, пересматривающих принципы действующего иммиграционного законодательства и решающих проблемы пограничного контроля. Прежде всего следует отметить исполнительный указ о введении национального чрезвычайного положения на границе с Мексикой («Объявление чрезвычайного положения на южной границе Соединенных Штатов»), в котором констатируется, что «суверенитет Америки находится под угрозой», и формулируется установка: «вооруженным силам необходимо принять все соответствующие меры, чтобы помочь Министерству внутренней безопасности получить полный оперативный контроль над южной границей»⁶. Другой указ («О признании картелей иностранными террористическими организациями»), прямо фиксируя наличие опасности со стороны Мекси-

1 "What Is the World Citizenship Report?" CS Global Partners, accessed November 5, 2025, <https://csglobalpartners.com/world-citizenship-report-2024>.

2 Социальная сеть, работающая на территории России с ограничениями с марта 2022 года.

3 "How Migration Could Affect the U.S. Election," CS Global Partners, November 5, 2024, accessed November 5, 2025, <https://csglobalpartners.com/news/how-migration-could-affect-the-u-s-election>.

4 "Wide Gaps Between Biden and Trump Supporters on Immigration, Language and National Identity," Pew Research Center, June 5, 2024, accessed November 12, 2025, https://www.pewresearch.org/politics/2024/06/06/immigration-attitudes-and-the-2024-election/pp_2024-6-5_cultural-values_2-01.

5 "Immigration in the 2024 US Presidential Election Campaign: Policy Stalemate, Disinformation, and a Call for Mass Deportation."

6 "Declaring a National Emergency at the Southern Border of the United States," The White House, January 20, 2025, accessed November 24, 2025, <https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/2025/01/declaring-a-national-emergency-at-the-southern-border-of-the-united-states>.

ки, наделяет правоохранительные органы полномочиями по борьбе с мексиканскими криминальными группировками¹. Важно также упомянуть указы «Защита наших границ», направленный на защиту американского народа от последствий незаконной массовой миграции², и «Защита Соединенных Штатов от иностранных террористов и других угроз национальной и общественной безопасности», предписывающие всем ведомствам тщательно проверять благонадежность заявителей при выдаче виз³. Кроме того, был подписан указ, который Д. Трамп часто упоминал в предвыборной кампании, – «Защита смысла и ценности американского гражданства», поручающий правительственным учреждениям прекратить выдавать документы о гражданстве детям, родившимся в Штатах у родителей, не имеющих гражданства США; другими словами, прекратить практику автоматического присвоения гражданства детям, родившимся на территории США⁴.

* * *

Иммиграция редко становилась главным фактором, определяющим предпочтения американских избирателей в ходе общенациональных выборов. Незадолго до выборов 2024 г. Демократическая партия стала терять доверие у значительной части своих сторонников, в то время как республиканцы, сделавшие акцент на изменение миграционной политики, набирали «очки доверия». Безопасность границ и иммиграция были центральными элементами успешной кампании Д. Трампа в 2016 году. Проведенный анализ свидетельствует о том, что и в 2024 г. этот вопрос стал ключевым⁵.

Новая победа Д. Трампа на президентских выборах и его первые политические шаги подтвердили программную преемственность с предвыборной риторикой. Уже 20 января 2025 г., в день инаугурации, были подписаны первые указы, направленные на осуществление ключевых пунктов миграционной повестки. Однако продолжение жесткой миграционной политики может иметь и негативные макроэкономические последствия, поскольку в экономике США доля иммигрантов весьма значительна и экономическая ситуация в США оказывает значительное влияние на другие государства⁶.

Победа Д. Трампа стала результатом в том числе эффективной и целенаправленной кампании по секьюритизации миграции. Его риторика, представлявшая актуальные иммиграционные потоки как национальную катастрофу и экзистенциальную угрозу, оказалась весьма эффективной. В ходе президентской кампании Д. Трампа это был центральный нарратив, который определял политическую повестку.

1 "Designating Cartels And Other Organizations As Foreign Terrorist Organizations And Specially Designated Global Terrorists," The White House, January 20, 2025, accessed November 24, 2025, <https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/2025/01/designating-cartels-and-other-organizations-as-foreign-terrorist-organizations-and-specially-designated-global-terrorists>.

2 "Securing Our Borders," The White House, January 20, 2025, accessed November 24, 2025, <https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/2025/01/securing-our-borders>.

3 "Protecting the United States from Foreign Terrorists and Other National Security and Public Safety Threats," The White House, January 20, 2025, accessed November 24, 2025, <https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/2025/01/protecting-the-united-states-from-foreign-terrorists-and-other-national-security-and-public-safety-threats>.

4 "Protecting the Meaning and Value of American Citizenship," The White House, January 20, 2025, accessed November 24, 2025, <https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/2025/01/protecting-the-meaning-and-value-of-american-citizenship>.

5 Tourangbam Monish, "Issues and Trends in U.S. Presidential Election 2024," Institute for Security & Development Policy, March 24, 2024, accessed November 16, 2025, <https://www.isdp.eu/publication/issues-and-trends-in-u-s-presidential-election-2024>.

6 Neri-Lainé, Rapoport 2025, 4.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Белов, В.Б., Роговина, А.Г. Детерминанты миграции в XX–XXI вв. // Бюллетень Национального научно-исследовательского института общественного здоровья имени Н.А. Семашко. 2015. № 3. С. 21–23.
- Belov, Vitaliy B., and Anna G. Rogovina. "Determinants of Migration in the XX–XXI Centuries." *Byulleten' Natsional'nogo nauchno-issledovatel'skogo instituta obshchestvennogo zdorov'ya imeni N.A. Semashko*, no. 3 (2015): 21–23 [In Russian].
- Белоконев, С.Ю., Водопетов, С.А., Иванов, В.Г. Влияние миграции из Венесуэлы на внутриполитическую ситуацию в США // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2019. № 2. С. 240–253.
- Belokonev, Sergey Yu., Sergey A. Vodopetov, and Vladimir G. Ivanov. "The Impact of Migration from Venezuela on the Domestic Political Situation in the United States." *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Politologiya*, no. 2 (2019): 240–253 [In Russian].
- Войтоловская, А.Р. Последствия миграционного кризиса в США для президентских выборов 2024 г. // Сравнительная политика. 2024. № 1. С. 115–143.
- Voitolovskaya, Alexandra R. "The Impact of the Migration Crisis in the United States on the 2024 Presidential Election." *Sravnitel'naya politika*, no. 1 (2024): 115–143 [In Russian].
- Гарусова, Л.Н. Эволюция иммиграционной политики США: фактор нелегальной миграции // Россия и АТР. 2020. № 1. С. 104–117.
- Garusova, Larisa N. "The Evolution of US Immigration Policy: The Factor of Illegal Migration." *Rossiya i ATR*, no. 1 (2020): 104–117 [In Russian].
- Давыдова, И.К. Проблемы современной иммиграционной политики США и перспективы ее реформирования // Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. Вступление. Путь в науку. 2016. № 3. С. 5–10.
- Davydova, Irina K. "Problems of Modern US Immigration Policy and Prospects for Its Reform." *Vestnik Rossiiskogo ehkonomicheskogo universiteta im. G.V. Plekhanova. Vstuplenie. Put' v nauku*, no. 3 (2016): 5–10 [In Russian].
- Захарова, Е.А. Электоральные процессы в фюльке Норвегии через призму пространственного анализа // Псковский регионологический журнал. 2021. № 1. С. 110–125.
- Zakharova, Eugenia A. "Electoral Processes in the Norwegian Federal Assembly Through the Prism of Spatial Analysis." *Pskovskii regionologicheskii zhurnal*, no. 1 (2021): 110–125 [In Russian].
- Золотых, В.Р. Американские консерваторы и внутриполитическая борьба по вопросам иммиграции в середине 1990-х гг. // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2019. № 2. С. 183–191.
- Zolotykh, Vladimir R. "American Conservatives and the Domestic Political Struggle over Immigration in the Mid-1990s." *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Sotsiologiya. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya*, no. 2 (2019): 183–191 [In Russian].
- Кочегуров, Д.А. Миграционная политика США в контексте кризиса на границе с Мексикой // Россия и Америка в XXI веке. 2022. № 1.
- Kochegurov, Dmitry A. "US Migration Policy in the Context of the Crisis on the Border with Mexico." *Rossiya i Amerika v XXI veke*, no. 1 (2022) [In Russian].
- Ларина, В.И. Секьюритизация миграции из Мексики в США: анализ стратегий и последствий миграционной политики Дж. Байдена // Вестник науки. 2025. № 4. С. 546–554.
- Larina, Valeria I. "Securitization of Migration from Mexico to the United States: an Analysis of the Strategies and Consequences of Migration Policy by J. Biden." *Vestnik nauki*, no. 4 (2025): 546–554 [In Russian].
- Лебедева, Л.Ф. Иммиграционная политика США: основополагающие цели и принципы // Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. 2013. № 11. С. 94–101.
- Lebedeva, Ludmila F. "US Immigration Policy: Fundamental Goals and Principles." *Vestnik Rossiiskogo ehkonomicheskogo universiteta im. G.V. Plekhanova*, no. 11 (2013): 94–101 [In Russian].
- Сокольщик, Л.М., Сакаев, В.Т., Галимуллин, Э.З. Нелегальная иммиграция из Латинской Америки в контексте президентской кампании в США 2024 г.: эффекты поляризации // Международная аналитика. 2023. № 3. С. 106–126.
- Sokol'shchik, Lev M., Vasil' T. Sakaev, and Edward Z. Galimullin. "Illegal Immigration from Latin America in the Context of the US Presidential Campaign in 2024: Effects of Polarization." *Mezhdunarodnaya analitika*, no. 3 (2023): 106–126 [In Russian].
- Степанов, С.А., Иванова, Е.А. Миграционные процессы как вызов современности // PolitBook. 2018. № 4. С. 53–63.
- Stepanov, Sergey A., and Ekaterina A. Ivanova. "Migration Processes as a Modern Challenge." *PolitBook*, no. 4 (2018): 53–63 [In Russian].
- Татунц, С.А., Понамарева, А.М. Приоритеты иммиграционной политики США при администрации Трампа: секьюритизация иммиграции и новые социально-экономические вызовы (часть 2) // Вестник Московского университета. Серия 27. Глобалистика и геополитика. 2021. № 1. С. 36–48.
- Tatunts, Svetlana A., and Anastasia M. Ponomareva. "Priorities of the US Immigration Policy Under the Trump Administration: Securitization of Immigration and New Socio-Economic Challenges (Part 2)." *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 27. Globalistika i geopolitika*, no. 1 (2021): 36–48 [In Russian].
- Травкина, Н.М., Балденкова, Ю.В. Влияние мирового финансово-экономического кризиса на иммиграционную ситуацию в США // Россия и Америка в XXI веке. 2014. № 1. С. 1–2.
- Travkina, Nataliya M., and Yulia V. Baldenkova. "The Impact of the Global Financial and Economic Crisis on the Immigration Situation in the United States." *Rossiya i Amerika v XXI veke*, no. 1 (2014): 1–2 [In Russian].
- Улыбин, И.С. Вызовы и угрозы современного мира на примере миграционного кризиса США // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2020. № 2. С. 8.
- Ulybin, Ivan S. "Challenges and Threats of the Modern World on the Example of the US Migration Crisis." *Nauchnye trudy Moskovskogo gumanitarnogo universiteta*, no. 2 (2020): 8 [In Russian].
- Филиппенко, А.А. Иммиграционная политика США: очерки истории. М.: ООО Издательство «Весь Мир», 2018.
- Filippenko, Aleksandra A. "U.S. Immigration Policy: Historical Essays." Moscow: Ves' Mir, 2018 [In Russian].
- Фролова, О.А. Вопрос миграционного регулирования в президентской кампании США 2016 г.: исторический аспект и современность // Русская политология. 2017. № 1. С. 56–62.
- Frolova, Olga A. "The Issue of Migration Regulation in the 2016 US Presidential Campaign: Historical Aspect and Modernity." *Russkaya politologiya*, no. 1 (2017): 56–62 [In Russian].

Abdulhamid, Nafisa. "The Securitization of Immigration in the European Union: A New (Cultural) Racism." *Potentia: Journal of International Affairs*, no. 9 (2018): 46–56.

Faist, Thomas. "The Migration-security Nexus: International Migration and Security Before and After 9/11." *Migration, citizenship, ethnos*. no. 1 (2006): 103–119.

Hussain, Yasmin, and Paul Bagguley. "Securitized Citizens: Islamophobia, Racism and the 7/7 London Bombings." *The Sociological Review*, no. 4 (2012): 715–734.

Landgrave, Michelangelo, and Alex Nowrasteh. "Illegal Immigrant Incarceration Rates, 2010–2023: Demographics of Incarcerated Immigrants." *Policy Analysis*, no. 994 (2025): 1–16.

Neri-Lainé, Matteo, and Hillel Rapoport. "The Consequences of Trump's Migration Policies." *Policy Brief*. 2025.

Prieto-Curiel, Rafael, Ola Ali, Elma Dervić, Fariba Karimi, Elisa Omodei, Rainer Stütz, Georg Heiler, and Yuriy Holovatch. "The Diaspora Model for Human Migration." *PNAS Nexus* 3, no. 5 (2024): 178.

Shepherd, Alistair. "EU Counterterrorism, Collective Securitization, and the Internal-External Security Nexus." *Collective Securitization and Crisification of EU Policy Change* (2022): 117–133.

Waever, Ole. *Securitization and Desecuritization*. Columbia University Press. 1995.

Сведения об авторе

Иван Андреевич Возмитель,

аспирант, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы (РУДН)

117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

e-mail: 1142240465@rudn.ru

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 17 сентября 2025.

Переработана: 9 декабря 2025.

Принята к публикации: 11 декабря 2025.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Цитирование

Возмитель, И.А. Секьюритизация миграционной повестки на президентских выборах в США в 2024 году // *Международная аналитика*. 2025. Том 16 (4). С. 145–157.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2025-16-4-145-157>

The Role of Securitization of the Migration Crisis in Shaping the Electoral Choice in the US Presidential Election in 2024

ABSTRACT

The article is devoted to the study of the impact of the migration issue on political attitudes in the US presidential election in 2024. The purpose of the study is to consider the migration issue in the context of protecting US national security and as a factor in citizens' choice between Democratic candidate K. Harris and Republican candidate D. Trump. In the United States, immigration remains one of the key factors in both congressional and presidential elections. The study was carried out within the framework of a sociological approach and includes: secondary analysis of data from sociological surveys of research organizations (Pew Research Center, AS / COA and others) and expert reports; content analysis of media discourse of leading American publications (The New York Times, The Washington Post and others), as well as content-analysis of the political texts of the campaigns: the rhetoric and election programs of the candidates. The majority of the materials relate to the pre-election period of 2024, while the data from the 2016 and 2020 elections were used selectively to analyze the dynamics of electoral attitudes and the migration agenda. The results of the study show that the migration crisis played a crucial role in the US presidential election in 2024, and candidates actively linked it to US national security. The author's conclusion shows the importance of exploring the political agenda around the migration issue, since migration affects not only the political and economic spheres, but also highlights acute security problems in various forms.

KEYWORDS

securitization, immigration, migration crisis, USA, presidential election, Donald Trump, Kamala Harris, migration policy

Author

Ivan A. Vozmitel,

Postgraduate student, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (RUDN University)

6, Miklukho-Maklaya street, Moscow, Russia, 117198

e-mail: 1142240465@rudn.ru

Additional information

Received: September 17, 2025. Revised: December 9, 2025. Accepted: December 11, 2025.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the author.

For citation

Vozmitel, Ivan A. "The Role of Securitization of the Migration Crisis in Shaping the Electoral Choice in the US Presidential Election in 2024." *Journal of International Analytics* 16, no. 4 (2025): 145–157.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2025-16-4-145-157>

Дискурс о выборах в России 2024 г. в государствах Центральной и Восточной Европы в контексте конструирования национальной идентичности

Варвара Александровна Гацковская, НИУ ВШЭ, Москва, Россия

Дмитрий Михайлович Курбатов, МГИМО МИД России, Москва, Россия

Контактный адрес: vgatskovskaya@hse.ru

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена анализу политического дискурса (включая экспертный и медиадискурс) постсоциалистических республик Центральной и Восточной Европы вокруг выборов президента Российской Федерации в 2024 году. Дискурс об электоральных процессах в России рассматривается авторами как один из инструментов конструирования европейской идентичности на основе разделения «друг – враг». Цель исследования состоит в том, чтобы выявить влияние российских внутривнутриполитических процессов на самоидентификацию государств «новой» Европы в сравнении с Россией как значимым «Другим», по отношению к которому выстраивается их идентичность. Дискурс о выборах в России представляется иллюстрацией такой идентификации, особенно – в отрыве от «социалистического прошлого».

Последнее, в свою очередь, связано с отделением себя от России и трансформацией образа «чужого» в образ «врага». По результатам дискурсивного и сравнительного анализа авторы делают вывод: противопоставление «демократизма» Европы и «авторитаризма»

России используется государствами Центральной и Восточной Европы не только для конструирования образа противника, но и для утверждения собственной идентичности в качестве европейской. При этом внешнеполитические проблемы не играют определяющей роли, и если они и артикулируются, то отдельно от отношений с государствами Европы или Европейским союзом в целом.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

идентичность, политический дискурс, отношения России и ЕС, электоральные процессы в России, проблемы демократии

Введение

В постсоциалистический период эволюция политики идентичности государств Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ): Польши, Словакии, Венгрии и Чехии – представляет собой комплексный исследовательский вопрос. Значимость изучения данного субрегиона заключается в попытке определения истоков актуального политико-идеологического и аксиологического кризиса не только между Россией и центральноевропейскими государствами, но и шире – между Россией и НАТО. Первоначально вопросы идентичности государств ЦВЕ связаны с так называемым демократическим переходом после «бархатных революций» конца 1980-х – начала 1990-х годов. Во многом они были обусловлены встраиванием ключевых демократических и либеральных идей в национальные идентичности при смене режима от авторитарного к демократическому и экономического строя – от планового к рыночному. Тем не менее формирование идентичности государств ЦВЕ, как и любой идентичности, зависело как от внутренних факторов (например, от состояния коллективной памяти), так и от сравнения себя с «Другими».

Для коллективной памяти государств ЦВЕ вопросы истории интеграции и ее основы в виде наследия Второй мировой войны стали вторичными, в то время как особое значение приобрело именно ощущение принадлежности к Европе как к некоторой цивилизационной и географической общности. Так, измерение идентичности оказалось не столько временным, когда «Другим» считается общеевропейское прошлое и его преодоление, сколько территориальным и заключенным именно в географическом концепте Европы¹. В свою очередь, в коллективной памяти также отражалась не общая основа для новой идентичности, а противопоставление старой социалистической, авторитарной версии и новой – якобы демократической и свободной. При этом и в случае коллективной памяти как основы для построения идентичности ключевой стала ассоциация общего прошлого с «Другим».

Именно Россия оказалась единственным восточным «Другим» и в контексте современного восприятия национальной идентичности. Это было обусловлено как географической близостью – Россия непосредственно граничила с большинством государств Центральной и Восточной Европы, так и сложной историей взаимоотношений, включающей конфликты как с Российской империей, что наиболее актуально для Польши, так и с СССР, что касается всех государств региона. Польша, Литва, Латвия и Эстония даже до вступления в ЕС в 2004 г. занимали достаточно сильные антироссийские позиции и заметно влияли на восприятие России в ЕС в целом². Например, именно Польша, а затем Литва наложили вето на переговоры по новому базовому соглашению ЕС и России в 2007 году³.

В большей степени это проявилось на фоне резкого роста напряженности в отношениях России и ЕС после вхождения Крыма в состав России и обострившегося кризиса российско-европейских отношений после начала Специальной

1 Joenniemi 2007.

2 Raik 2016.

3 Maria Staszkiwicz, "New EU-Russia Framework Agreement and the Polish Veto," AMO – Asociace pro mezinárodní otázky, January 19, 2007, accessed June 10, 2025, <https://www.amo.cz/new-eu-russia-framework-agreement-and-the-polish-veto/>.

военной операции (СВО) в 2022 году. Так, образ России как «значимого Другого», на основе которого конструировалась идентичность европейских и, прежде всего, центральноевропейских государств, стал восприниматься преимущественно в контексте дихотомии «друг – враг». В особенности такой подход получил распространение в государствах ЕС ввиду возникшей секьюритизации общественно-политического дискурса.

То, как отношения с Россией воспринимались во внутривнутриполитическом измерении, зачастую находило основание именно в подчеркивании «европейскости» и ценностно-нормативных различий между Россией и Европой (к которой де-факто приравнивается ЕС), что в целом характерно для поведения ЕС как актора в международных отношениях. Под принадлежностью к Европе понимается в данном случае стремление к восприятию и соотнесению себя с европейской идентичностью. В этом отношении под европейской идентичностью подразумевалось самоотождествление с Европой как географическим обществом (что отражается, например, в подходе самих институтов ЕС на примере опросов *Eurobarometer*¹) и с общеевропейской историей – прежде всего с историей интеграции. В данном случае европейская идентичность рассматривается как коллективная идентичность Европы, однако, если учесть ее фрагментарный характер, возможна также ее интерпретация как суммы нескольких идентичностей европейских государств.

При рассмотрении государств ЦВЕ, ставших членами Европейского союза после распада СССР, необходимо также заметить, что после 1989 г. идея европейской идентичности приобрела в том числе мобилизационный характер². Лозунг «Назад в Европу» стал одним из наиболее распространенных в государствах бывшего социалистического лагеря. Более того, как отмечают некоторые исследователи евроинтеграции, эти государства в той или иной степени настаивали, что они являются бóльшими выразителями европейской идеи³. Как на рубеже XX–XXI вв., так и сегодня ценности общеевропейской идентичности в общественно-политическом дискурсе зачастую связываются именно с демократией, правами и свободами человека, что применяется как к внешним акторам, так и к будущим членам ЕС. В частности, этот подход применялся и к самим государствам ЦВЕ в рамках политики расширения ЕС⁴.

Сравнение с «Другим» используется в ЦВЕ прежде всего для укрепления идентичности среди собственного населения. Это обусловлено тем, что основным адресатом (объектом) дискурса и в то же время его субъектом является именно гражданское население, а не только политические или экономические элиты. При этом основная артикуляция дискурса о «Другом» также происходит и на национальных языках. Она осуществляется не только в контексте напряженности на внешнеполитическом треке, включая отношения с Россией (как, например, в случае украинского кризиса), но и в контексте исключительно внутренних процессов в России: вопросов государственно-политического режима,

1 Duchesne, Fognier 1998.

2 Stråth 2002, 388.

3 Wintle 2000, 18–19.

4 Sedelmeier 2003; Börzel 2011.

демократии и электоральных процессов, в том числе после ухудшения отношений с Западом в 2022 году. При этом сама ценностная ориентация и «идейный репертуар» Европы как социального мифа (свобода, демократия, верховенство права и прав человека), из которого исходят постсоциалистические республики, во внутренней политике государств региона зачастую не соблюдаются. Это выражается во внутривнутриполитических кризисах, подъеме популизма и даже конфликтах с ЕС по вопросам прав человека, свободы слова и разделения властей в Польше и Венгрии, частично – в Чехии¹ и Словакии.

Таким образом, складывается противоречивая ситуация, когда необразцовые с точки зрения либерально-демократических ценностей государства наиболее ярко критикуют, как заявляется, уязвимости российской демократии. При этом подобные дискурсивные практики ориентированы не на внешнюю политику, а на внутреннюю аудиторию. Иными словами, дискурс о России служит прежде всего конструированию собственной политической реальности и сравнению себя с «Другим» как одной из основ национальной идентичности.

Цель данного исследования – выявить влияние российских внутривнутриполитических процессов на самоидентификацию постсоциалистических государств Европы в сравнении с Россией в рамках дихотомии «друг – враг». В ходе исследования выдвигается следующая гипотеза: противостояние с Россией с акцентом на приписываемый ей авторитаризм является для государств ЦВЕ одним из основных инструментов конструирования собственной национальной идентичности и используется ими для солидаризации с европейской идентичностью в региональном контексте политики памяти. Это отражается даже применительно к проблемам, прямо не касающимся внешней политики этих государств и их отношений с Россией, как, например, российские электоральные процессы. При этом более дружественные отношения между Россией и отдельными государствами региона не приводят к отсутствию антиавторитарного дискурса и сравнения России с демократическими ценностями и нормами государств ЦВЕ.

Теоретико-методологическое новшество исследования представляет опора на подход Эссекской школы к анализу дискурса². Выбор данного подхода обусловлен тем, что конструирование идентичности государств Центральной и Восточной Европы представляется в качестве одного из путей укрепления их активности в европейской подсистеме международных отношений. Понимание политики в таких рамках способствует конструированию альтернативной политической идентичности, исследование которой также может быть осуществлено с опорой на данный подход³. Дискурс-анализ, основанный на разработках Э. Лакло и Ш. Муффа, используется для выявления ключевых особенностей структуры дискурсов о российских электоральных процессах в СМИ региона. В ходе анализа выявляются цепочки эквивалентности, артикулирующие ключевые узловые точки (как основной структурный элемент дискурса, определяющий смысловое значение цепочки артикуляции) с другими аспектами дискурса (то есть знаками, имеющими условное, фиксирующееся в рамках конкретного дискурса значение).

1 Особенно при правительстве А. Бабиша в 2017–2021 годах.

2 Laclau, Mouffe 2001.

3 Laclau 1994.

Нодальные точки, в свою очередь, приобретают свое значение в антагонизме к «Другому». На основе их выявления анализируются мифы, артикулируемые в дискурсе. Мифы, в свою очередь, выполняют роль идеологических элементов, представляющих идеальный социальный порядок (например, демократию или Европу¹), служащий конструированию социальной идентичности. В статье также используется сравнительный метод: в рамках заданной методологии рассматриваются четыре государства ЦВЕ, и на основе сравнения выделяются общие и особенные черты дискурса идентичности. Источниковая база исследования включает официальные заявления европейских политиков, экспертные комментарии, аналитические материалы исследовательских центров соответствующих государств, а также материалы СМИ.

Постсоциалистические государства: особый подход к «европейскости»

В значительной степени продвижение государствами ЦВЕ альтернативной версии политики идентичности обусловлено их особым подходом к истории и политике памяти. В период создания ЕС исторической основой идентичности являлась общая память о Второй мировой войне и холокосте, связанная с признанием вины Европы в этих трагедиях. Для государств Центральной и Восточной Европы восприятие этого периода в контексте ощущения собственной вины, напротив, нехарактерно. Так, общей основой специфического восприятия своей идентичности – в том числе европейской – является представление себя в виде жертвы и даже некоторое соревнование в степени жертвенности с другими этническими и религиозными группами, например евреями, преступления против которых в политическом дискурсе представляются вторичными². В качестве причины такой виктимизации рассматривается не только Германия, историческая политика которой до сих пор подразумевает признание вины и недопустимости забвения этого периода, но и СССР, что также сопряжено с процессами декоммунизации в государствах региона³.

Рассматривая в более широком контексте вопрос места и роли политики памяти в конструировании общеевропейской идентичности на примере Второй мировой войны, следует заметить, что именно после 1945 г. европейские государства столкнулись с необходимостью переосмысления общего прошлого, что создало основу для формирования общеевропейской идентичности. Однако данный процесс до настоящего времени сопровождается конфликтами интерпретаций, конкуренцией нарративов, а также политическими манипуляциями. Так, первоначально после 1945 г. в Западной Европе доминировал нарратив, согласно которому мировая война была борьбой демократии против тоталитаризма, а ключевыми героями выступали державы-победительницы: Великобритания, США, СССР – и движение Сопротивления. Этот подход лег в основу послевоенной интеграции. В соответствии с ним подчеркивалась необходимость

1 Laclau, Mouffe 2001; Laclau 1990.

2 Barton Hronešová 2024.

3 Гетман 2020.

предотвращения новых войн через сотрудничество¹. Однако в историографии государств ЦВЕ второй половины XX – начала XXI вв. тема памяти о войне была связана преимущественно с советской интерпретацией и идеологией коммунизма. После распада СССР эти нарративы, в особенности в государствах Балтии и Восточной Европы, стали рассматриваться не только как победа над нацизмом, но и как «начало новой оккупации»².

В современной Европе память о Второй мировой войне остается ареной идеологической борьбы. Так, например, резолюция Европарламента 2019 г. «О важности сохранения исторической памяти для будущего Европы» фактически уравнивала нацизм и сталинизм³, что вызвало критику со стороны России и ряда европейских активистов⁴. Однако именно акцент на собственных жертвах и сопротивлении советскому влиянию, проявившийся изначально в Польше и балтийских республиках⁵, сегодня распространяется во всем Европейском союзе. Так, после расширения ЕС и углубления кризиса в отношениях России и Западных государствам ЦВЕ удалось, по мнению А.И. Миллера, разработать концепцию «двух тоталитаризмов»: уравнивать социалистический режим с нацистским и возложить на СССР равную с Германией ответственность за начало Второй мировой, а затем холодной войны⁶.

Исходя из описанного восприятия социалистического периода как периода несвободы и авторитаризма, один из указанных дискурсов, направленных на конструирование новой идентичности, был связан с важностью артикулирования постсоциалистическими республиками своей приверженности демократическим ценностям. Публичный акцент на борьбе с авторитарным наследием социализма рассматривался государствами ЦВЕ в качестве необходимого шага при демократическом транзите и возвращении европейской идентичности.

Для государств ЦВЕ также характерно представление о том, что центрально-европейская политика идентичности, понимаемая в терминах не только национальной, но и общей западной или как минимум европейской идентичности, является единственно верной. Соответствующее понимание усилилось в связи с ростом популизма и «правым поворотом» в Европе в 2010-х гг.: представители правых партий Венгрии, Польши зачастую предлагали христианское прочтение европейской идеи. Примечательно, что схожее позиционирование себя в качестве истинной Европы в противовес искаженному варианту, созданному ЕС, было частью внешней политики и самой России, продвигавшей концепцию европейской безопасности от Лиссабона до Владивостока⁷.

В контексте демократии и электоральных процессов противопоставление себя якобы авторитарной России для дополнительного подчеркивания своей

1 Judt 2005.

2 Snyder 2010.

3 "European Parliament Resolution of 19 September 2019 on the Importance of European Remembrance for the Future of Europe," European Parliament, September 19, 2019, accessed June 10, 2025, <https://shorturl.at/vNewA>.

4 О ситуации с героизацией нацизма, распространении неонацизма и других видов практики, которые способствуют эскалации современных форм расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости (доклад Министерства иностранных дел Российской Федерации, 2025 г.) // МИД РФ. 29 августа 2025. [Электронный ресурс]. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/doklady/1827824/ (дата обращения: 17.09.2025); "A Bad Message from the European Parliament," Transform, September 24, 2019, accessed June 17, 2025, <https://shorturl.at/xEGtF>.

5 Assmann 2015.

6 Миллер 2016.

7 Ильин 2015.

принадлежности к западному либерально-демократическому лагерю и европейской политической культуре стало для государств ЦВЕ одним из ключевых элементов дискурса. В рамках данного исследования предполагается, что использование российской повестки не столько служит выстраиванию отношений с Россией или позиционированию ее в качестве противника на европейском и международном уровне, сколько отвечает внутривнутриполитическим задачам по конструированию национальной идентичности в рассматриваемом субрегионе.

Восприятие российских электоральных процессов 2024 г. в государствах Центральной и Восточной Европы

В настоящий момент для государств ЦВЕ европеизация собственной идентичности в процессе ее конструирования перестала быть актуальной. После вступления в ЕС в начале XXI в. они не раз демонстрировали свою приверженность Европе как социальному конструкту и, следовательно, европейской идее и связанным с ней ценностям: демократии, либерализму, свободе. Это стремление особенно выражается в дискурсивных практиках как одной из форм политики идентичности – как при конструировании национальной идентичности, так и в контексте «включенности» в общеевропейскую идентичность с собственной спецификой. При этом на практическом политическом уровне во внутренней политике рассматриваемых государств проблемы демократии, прав человека и другие темы либеральной повестки отошли на второй план, как и сама необходимость подчеркнутого следования демократическим ценностям. Более того, в условиях подъема правого популизма и нахождения у власти правых и правых-центристских партий практически во всех рассматриваемых государствах наблюдался так называемый обратный демократический переход.

В наибольшей степени это проявилось в Венгрии и Польше. Оценивая политику В. Орбана в первом случае и партии «Право и справедливость» во втором, некоторые исследователи даже говорили о возвращении гибридных политических режимов, сочетающих демократические и недемократические элементы¹. В меньшей степени популизм и авторитарные тенденции проявились в Чехии и Словакии, которые, несмотря на угрозы со стороны правых популистов, смогли сохранить демократический режим благодаря системе сдержек и противовесов². Отдельным вызовом для демократии стал коронакризис, когда недемократические тенденции могли проявляться на фоне ограничений и обретения органами исполнительной власти дополнительных полномочий – по крайней мере, в ЦВЕ³.

Тем не менее именно проблемы демократии и прав человека представляли один из ключевых сюжетов в региональном дискурсе о России в последние годы. Изучение публичных общественно-политических дискуссий о президентских выборах в России 2024 г. позволяет утверждать, что электоральный процесс освещался в контексте критики российского политического режима. Дискурс о российских выборах и политике в целом значительно пересекался с дискурсом

1 Györy, Weinberg 2020.

2 Guasti 2020a, 57.

3 Guasti 2020b.

об СВО на Украине. Однако его нельзя охарактеризовать в качестве собственно внешнеполитического, поскольку субъектами и объектами взаимодействия выступали внутривнутриполитические акторы и население соответственно. Кроме того, каналы тиражирования дискурса также были преимущественно внутренними: прежде всего ими являлись национальные СМИ.

Ключевым признаком в интерпретации российских выборов со стороны президентов и глав правительств государств ЦВЕ стало отсутствие поздравлений в адрес В.В. Путина. Единственным исключением в масштабах не только ЦВЕ, но и ЕС стал премьер-министр Венгрии В. Орбан. Вместе с тем министерства иностранных дел сделали официальные заявления с осуждением выборов. Это практически единственный пример артикуляции дискурса о России на международном уровне. Таким образом, в рамках внешнеполитического дискурса официально было продемонстрировано осуждение и негативное отношение к электоральному процессу в России.

В материалах СМИ и комментариях экспертов государств ЦВЕ ключевая идея о якобы недемократичном характере выборов даже усиливается и превращается в тезис об их неподлинности. Так, слово «выборы» нередко употреблялось в кавычках или сопровождалось выражением «так называемые»¹.

В дискурсивном поле центрально- и восточноевропейских государств также артикулируются элементы, касающиеся конкретных нарушений в ходе электорального процесса. Прежде всего это было характерно для тех государств, которые в последние годы являются для России недружественными: Польши и Чехии. При этом даже в Венгрии и Словакии, где у власти находятся более прагматичные политики, в медийном и экспертном дискурсе также наблюдалась критика России по данным вопросам.

Если обратиться к отдельным случаям артикуляции этих элементов и специфике их положения в структуре дискурса, то можно сделать ряд выводов. Во-первых, «ненастоящая оппозиция» является самостоятельным узловым элементом дискурса, связывающим другие дискурсивные моменты (критику допущенных кандидатов) с нелегитимным характером выборов. Во-вторых, «недопуск альтернативных кандидатов» также приобретает внешнеполитическое измерение, хотя фактически этот вопрос относится к сфере внутренней политики России.

В восприятии некоторых восточноевропейских аналитиков ключевой узловой точкой дискурса стала смерть А.А. Навального^{2*}. В данном случае также можно наблюдать увязывание дискурса о российской внутренней политике с международной повесткой. При освещении смерти А.А. Навального* выборы не всегда становились элементом медиадискурса. Важно отметить, что именно в связи с данным аспектом в дискурсе часто наблюдалась интертекстуальность,

1 Paweł Gawlik, and Marta Urzędowska, "Rosja: Rozpoczęły się 'wybory' Putina na kolejną kadencję (Russia: Putin's 'Elections' for Another Term Have Begun)," March 15, 2024, accessed June 10, 2025, <https://shorturl.at/9eOSv>.

2 "Rusové v Praze vyrazili k prezidentským volbám. Někteří zničili hlasovací lístky (Russians in Prague Went to the Presidential Elections. Some Destroyed Ballots)," iDNES, March 15, 2024, accessed June 19, 2025, <https://shorturl.at/MXfqB>.

* включен в Перечень физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму.

когда исследователи обращались к более старым текстам – к общеевропейскому дискурсу, сформированному в связи со смертью политика.

Кроме того, самостоятельным элементом центрально- и восточноевропейского медиадискурса стали акции российской оппозиции за рубежом. Встречалось и цитирование российских оппозиционных источников популярными чешскими и словацкими новостными порталами¹. Аналогичные обращения к внешним источникам и интертекстуальность дискурса также характерны для Венгрии, чьи власти традиционно занимают более конструктивную позицию в отношении России². Другим ключевым пунктом дискурса, вместе с которым артикулировались узловые точки о нелегитимности выборов, стала тема «авторитарного режима» в России. Именно этот дискурсивный элемент фактически сыграл главную роль в формировании образа России как «Другого» и противопоставлении, как это видят в ЦВЕ, недемократической России демократическим государствам региона.

Отдельной темой дискурса государств Центральной и Восточной Европы при объяснении популярности президента среди россиян стало послание В.В. Путина Федеральному собранию. Так, в работах экспертов факультета политологии и безопасности Университета Николая Коперника в Торуня (Польша) понятие «популярность» употребляется вместе с другими элементами дискурса: верой россиян в обещания о социальной и экономической политике (например – в связи с поддержкой образования и газификацией)³. При этом артикулируется открытый авторитаризм внешнеполитического измерения дискурса – это делается через указание на содержащиеся в послании «противоречивые сигналы» об СВО, демократии и Западе. Дополнительным элементом схожего дискурса является консолидация власти, существующая только в высказываниях о жесткой внешнеполитической линии России⁴.

Тем не менее представляется, что постоянное упоминание авторитарного характера российского режима служит прежде всего внутривнутриполитическим целям и встраивается во внутренний дискурс государств Центральной и Восточной Европы. Кроме того, этот дискурс не может способствовать какой-либо коммуникации с Россией в политическом, а не языковом пространстве (нелегитимность выборов, с одной стороны, прямо декларируется, а с другой – отрицается за счет признания популярности В.В. Путина среди россиян), поскольку дискурс государств ЦВЕ выстраивается вокруг непринимаемых и отрицаемых Россией явлений. Критический по отношению к России дискурс и тиражирование сконструированных мифов о подавлении оппозиции, фальсификациях и нарушении

- 1 "Vítězství Putina i to, kolik procent získá, je v režii Kremlu, myslí si odborníci (Putin's Victory and the Percentage He Will Win Are All Controlled by the Kremlin, Experts Believe)," March 16, 2024, accessed June 10, 2025, <https://shorturl.at/0I75Z>; "V Rusku začínají prezidentské volby. Putin se zbavil všech protikandidátů (Presidential Elections Are Starting in Russia. Putin Has Eliminated All Opposition Candidates)," Echo24, March 16, 2024, accessed June 10, 2025, <https://shorturl.at/TusD6>; "Očekávaně, v ruské politice se nic nemění, reagoval Pavel na Putina (Expected, Nothing is Changing in Russian Politics, Pavel Responded to Putin)," iDNES, March 18, 2024, accessed June 10, 2025, <https://shorturl.at/t9c6U>.
- 2 "Akár 31 millió szavazatot is elcsalhattak Putyin javára (Up to 31 Million Votes Could Be Swindled in Favor of Putin)," Maszol.ro, March 22, 2024, accessed June 15, 2025, <https://maszol.ro/kulfold/Akar-31-millio-szavazatot-is-elcsalhattak-Putyin-javara>.
- 3 Agnieszka Bryc, "Najdziwzsze orędzie Putina. Co 'wujek Wołodia' mówił, co przemilczał i czy Rosjanie mu uwierza (Putin's Longest Address: What 'Uncle Volodya' Said, What He Left Unsaid, and Will Russians Believe Him?)," Polityka, February 29, 2024, accessed June 10, 2025, <https://shorturl.at/bjL3i>.
- 4 "V Rusku odstartovaly prezidentské volby, Putinovi zajistí dalších šest let u moci (Presidential Elections Have Begun in Russia, Securing Putin Another Six Years in Power)," iDnes, March 15, 2024, accessed June 11, 2025, <https://shorturl.at/dzo1h>.

международного права нельзя назвать бесцельными, хотя вербально задачи подобного дискурса не выражаются.

Вне зависимости от восприятия упомянутых мифов в качестве реальных их тиражирование не является самоцелью дискурса и фактически не создает какого-либо социального порядка, отражающего идейное содержание восприятия России. Совокупность конструируемых мифов обретает значение исключительно в ходе их артикуляции вместе с узловыми точками общего политического дискурса, имеющего явную идеологическую направленность. Содержание дискурса варьируется от конструирования мифа исключительно вокруг конкретного события и формирования общего политико-идеологического восприятия России. Восприятие России играет наиболее значимую роль именно в конструировании ее образа как «Другого» по отношению к государствам региона.

Так, именно отделение от социалистического авторитарного прошлого и его преодоление государствами ЦВЕ стало одной из основ для формирования нового варианта собственной национальной идентичности, что способствовало их интеграции в европейские и евроатлантические структуры. При этом в условиях дедемократизации (или как минимум на фоне замедления демократического перехода и неспособности достигнуть уровня демократического развития западных государств) в самих Польше, Чехии, Словакии и Венгрии обращение к авторитаризму в России становится практически единственной возможностью усиления антагонизма посредством дискурса. Это особенно актуально в контексте кризиса в отношениях с Россией. Соответствующий дискурс служит не только его легитимации, но и «встраиванию» конфликта – как прошлого, так и настоящего – в дискурс, формирующий национальную идентичность государств ЦВЕ на современном этапе.

Примечательно, что более прагматичный – в сравнении с другими европейскими государствами – подход Венгрии и Словакии к отношениям с Россией играет определенную роль в конструировании ее негативного образа, однако все же незначительную. Фактически в этих государствах артикулируется схожий дискурс, однако используется прием опосредования мнения местных политиков и экспертов через обращения к дискурсу представителей других государств или международных организаций. Иными словами, хотя внутри региона и можно наблюдать различие подходов к отношениям с Россией в рамках двустороннего взаимодействия, на интерпретацию российских электоральных процессов данные различия не оказывают существенного влияния. Это может быть связано, в частности, с тем, что для государств ЦВЕ характерен неполный демократический переход с сохранением внутренних вызовов демократическим режимам, включая рост популизма, распространение правых идеологий, регулярное возникновение протестных движений, правительственных и политических кризисов. Подобные несовершенства демократического строя распространены в республиках Центральной и Восточной Европы: от покушений на политиков в Словакии и Чехии до ограничения свободы слова в Польше и Венгрии.

Так, истинная конфликтность отношений между Россией и Западом создает возможности для поддержания дискурсивной дихотомии «мы – Другой» уже по отношению к современной России и для мобилизации общества на поддержку правительств ЦВЕ, в том числе посредством секьюритизации внешней угрозы

в виде России. Поскольку основным адресатом дискурса о российских выборах выступает именно внутренняя аудитория соответствующих государств (так как коммуникация осуществляется на национальных языках и по внутригосударственным каналам информационного вещания), подобный дискурс не может служить интересам и целям исключительно внешней политики. Кроме того, он также способствует отвлечению общественного и медийного внимания от проблем демократического развития самих государств ЦВЕ.

Заключение

Российские электоральные процессы 2024 г. играли значимую роль в медийном, экспертном и политическом дискурсе государств ЦВЕ: Польши, Венгрии, Словакии и Чехии. Подобный дискурс, в большей степени затрагивающий внутреннюю политику России и не связанный с европейской региональной или субрегиональной проблематикой, служил внутривнутриполитическим целям указанных государств. С одной стороны, российские выборы 2024 г. были использованы в целях легитимации кризиса в отношениях между Россией и Западом для внутренней аудитории. С другой стороны, и это кажется более значимым, конструирование образа России как «Другого» было направлено на укрепление национальной идентичности государств ЦВЕ. Это выражалось в создании образа России как авторитарного государства.

Дискурс государств ЦВЕ о президентских выборах в России 2024 г. демонстрирует, каким образом внешние по отношению к группе государств вопросы (внутренние дела другого государства) могут способствовать конструированию альтернативной социальной реальности и национальной идентичности.

В более широком контексте накопления современного политического знания выводы по рассмотренному авторами вопросу показывают, что использование внешнеполитической повестки может иметь исключительно внутривнутриполитическое измерение. Кроме того, на этом примере очевидно, как обращение к образу «Другого» в целях и в рамках построения собственной идентичности позволяет на дискурсивном уровне компенсировать ее недостатки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Гетман, М.А. Криминализация коммунизма в политике памяти Европейского союза // Вестник Томского государственного университета. История. 2020. № 67. С. 80–88. <https://doi.org/10.17223/19988613/67/11>.

Getman, Margarita A. "Criminalization of Communism in European Union's Supranational Remembrance Policy." *Tomsk State University Review. History*, no. 67 (2020): 80–88 [In Russian].

Ильин, Е.Ю. Концепция Большой Европы от Лиссабона до Владивостока: проблемы и перспективы // Вестник МГИМО-Университета. 2015. № 2. С. 77–85. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2015-2-41-77-85>.

Il'in, Evgeniy Yu. "The Concept of Greater Europe from Lisbon to Vladivostok: Problems and Perspectives." *MGI MO Review of International Relations*, no. 2 (2015): 77–85 [In Russian].

Миллер, А.И. Политика памяти в посткоммунистической Европе и ее воздействие на европейскую культуру памяти // Политика. 2016. № 1. С. 111–121. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2016-80-1-111-121>.

Miller, Alexei I. "Politika pamyati v postkommunisticheskoi Evrope i ee vozdeistvie na evropeiskuyu kulturu pamyati." *Politiya*, no. 1 (2016): 111–121 [In Russian].

Assmann, Aleida. *Shadows of Trauma: Memory and the Politics of Postwar Identity*. New York: Fordham University Press, 2015.

Barton Hronešová, Jessie. "The Uses of Victimhood as a Hegemonic Meta-Narrative in Eastern Europe." *Journal of Contemporary European Studies* 32, no. 2 (2024): 442–458. <https://doi.org/10.1080/14782804.2022.2110456>.

Börzel, Tanja. "When Europe Hits... Beyond Its Borders: Europeanization and the Near Abroad." *Comparative European Politics* 9, no. 4 (2011): 394–413. <https://doi.org/10.1057/cep.2011.8>.

Duchesne, Sophie, and André-Paul Frogner. "Is There a European Identity?" In *Public Opinion and Internationalized Governance*, edited by Oskar Niedermayer, and Richard Sinnott, 193–226. New York: Oxford University Press, 1998.

Guasti, Petra. "The Impact of the COVID-19 Pandemic in Central and Eastern Europe: The Rise of Autocracy and Democratic Resilience." *Democratic Theory* 7, no. 2 (2020a): 47–60. <https://doi.org/10.3167/dt.2020.070207>.

Guasti, Petra. "Populism in Power and Democracy: Democratic Decay and Resilience in the Czech Republic (2013–2020)." *Politics and Governance* 8, no. 4 (2020b): 473–484. <https://doi.org/10.17645/pag.v8i4.3420>.

Györy, Csaba, and Nyasha Weinberg. "Emergency Powers in a Hybrid Regime: the Case of Hungary." *The Theory and Practice of Legislation* 8, no. 3 (2020): 329–353. <https://doi.org/10.1080/20508840.2020.1838755>.

Joenniemi, Pertti. "Towards a European Union of Post-Security?" *Cooperation and Conflict* 42, no. 1 (2007): 127–148. <https://doi.org/10.1177/0010836707073479>.

Judt, Tony. *Postwar: A History of Europe Since 1945*. New York: Penguin Press, 2005.

Laclau, Ernesto, and Chantal Mouffe. *Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics*. London: Verso Books, 2001.

Laclau, Ernesto. *New Reflections on the Revolution of Our Time*. London: Verso, 1990.

Laclau, Ernesto. "Subject of Politics, Politics of the Subject." *Differences*, no. 1 (1994): 9–25. <https://doi.org/10.1515/9780824863197-025>.

Raik, Kristi. "Liberalism and Geopolitics in EU–Russia Relations: Rereading the 'Baltic Factor'." *European Security*, no. 2 (2016): 237–255. <https://doi.org/10.1080/09662839.2016.1179628>.

Sedelmeier, Ulrich. "EU Enlargement, Identity and the Analysis of European Foreign Policy: Identity Formation Through Policy Practice." *EUI-RSCAS Working Papers*, no. 13 (2003).

Snyder, Timothy. *Bloodlands. Europe Between Hitler and Stalin*. New York: Basic Books, 2010.

Stråth, Bo. "European Identity: To the Historical Limits of a Concept." *European Journal of Social Theory* 5, no. 4 (2002): 387–401.

Wintle, Michael. "The Question of European Identity and the Impact of the Changes of 1989/90." In *The Idea of a United Europe: Political, Economic and Cultural Integration Since the Fall of the Berlin Wall*, edited by Jamal Shahin, and Michael Wintle, 11–30. London: Palgrave Macmillan, 2000.

Сведения об авторах

Варвара Александровна Гацковская,

стажер-исследователь, Центр комплексных европейских и международных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

101000, Россия, Москва, ул. Малая Ордынка, 17

e-mail: vgatskovskaya@hse.ru

Дмитрий Михайлович Курбатов,

аналитик ИМИ МГИМО МИД России

119454, Россия, Москва, проспект Вернадского, 76

e-mail: d.kurbatov@inno.mgimo.ru

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 15 июля 2025.

Переработана: 23 октября 2025.

Принята к публикации: 26 октября 2025.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Цитирование

Гацковская, В.А., Курбатов, Д.М. Дискурс о выборах в России 2024 г. в государствах Центральной и Восточной Европы в контексте конструирования национальной идентичности // *Международная аналитика*. 2025. Том 16 (4). С. 158–170.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2025-16-4-158-170>

The Discourse on the 2024 Russian Elections in Central and Eastern European States in the Context of National Identity Construction

ABSTRACT

The article analyzes the political discourse (including expert and media discourse) in post-socialist Central and Eastern European countries regarding the 2024 Russian presidential election.

The authors consider the discourse on Russian electoral processes as a tool for constructing European identity based on the “friend-foe” divide. The study aims to identify the influence of domestic political processes in Russia on the self-identification of the countries of “new” Europe in comparison with the Russian Federation as a significant “Other,” which Central and Eastern European countries resort to in the course of national identity construction. This process is viewed as a cornerstone for binding the “European” identity of Central and Eastern European countries with their transition from socialist past. The latter, in turn, is associated with a discursive separation from Russia and the transformation of the image of the “foreign” into the image of the “enemy,” both in regard to their history and the current crisis in Russo-Western relations. Upon conducting discourse and comparative analyses, it is concluded that the very contraposition of European “democracy” and Russian “authoritarianism” serves not only to construct enemy images in the Central and Eastern European states, but also to assert their own European identity. Foreign policy issues, however, do not play a defining role, and if they are articulated in discourse, they are related neither to relations with European states nor with the European Union.

KEYWORDS

identity, political discourse, Russia-EU relations, electoral processes in Russia, democracy issues

Authors

Varvara A. Gatskovskaya,

Research Fellow at the Center for International and Regional, HSE University
17, Malaya Ordynka street, Moscow, Russian Federation, 119017

e-mail: vgatskovskaya@hse.ru

Dmitry M. Kurbatov,

Analyst, Institute for International Studies,
MGIMO University

76, Vernadsky avenue, Moscow, Russia, 119454

e-mail: d.kurbatov@inno.mgimo.ru

Additional information

Received: July 15, 2025. Revised: October 23, 2025. Accepted: October 26, 2025.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the authors.

For citation

Gatskovskaya, Varvara A., and Dmitry M. Kurbatov “The Discourse on the 2024 Russian Elections in Central and Eastern European States in the Context of National Identity Construction.” *Journal of International Analytics* 16, no. 4 (2025): 158–170.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2025-16-4-158-170>

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Представление рукописей на рассмотрение редакционной коллегией осуществляется через сайт журнала www.interanalytics.org в разделе «Отправить статью».

Подача статьи осуществляется в формате двух файлов: текст статьи без указания сведений об авторе и текст с информацией об авторе. Такое разделение мотивировано правилами двойного слепого рецензирования. Во втором файле мы приветствуем указание идентификатора автора: ORCID, SPIN-код, Researcher ID, Scopus Author ID, РИНЦ Author ID.

Журнал выпускает аналитические материалы по трём направлениям: исследовательская статья, обзорная статья, рецензия.

Исследовательская статья содержит результаты самостоятельных исследований автора и несет добавочное научное знание. Обзорная статья дает другим исследователям представление о текущем состоянии и направлении развития некоторой области знаний, теории или методов. Рецензия является критическим очерком о прочитанном научном исследовании.

Объем научной литературы, рассматриваемый автором, должен содержать как минимум 20 работ, в том числе и наиболее актуальные по теме исследования. В список литературы не включаются ссылки на авторефераты, диссертации, учебники, учебные пособия, ГОСТы, распоряжения.

Адрес редакции:

Проспект Вернадского, 76Б. Москва, 119454.

Оформить подписку на журнал

«Международная аналитика» можно:
по каталогу печатных изданий «Урал-Пресс»,
подписной индекс 015706.
www.ural-press.ru

Международная аналитика. – 2025. – 16(4). – С. 1-170.

Подписано к печати: 20.12.25.
Формат: 108x70/16. Печать офсетная. Цена свободная.
Уч.-изд. л. 10.625 Тираж 100 экземпляров. Заказ 1720.
Отпечатано в Издательском доме МГИМО.
119454, Москва, просп. Вернадского, 76.
mgimo.ru/id

К публикации принимаются статьи объемом от 35 000 до 45 000 знаков с пробелами без метаанных. Материалы для рецензий принимаются в виде краткой (до 25 000 знаков с пробелами) аналитической рецензии на недавно вышедшую книгу по тематике журнала. Работа должна быть оригинальной. Неоригинальные материалы не принимаются к рассмотрению.

Аннотация объемом 250–300 слов должна содержать характеристику темы исследования и основные выводы. Аннотация должна быть представлена на русском и английском языках. После аннотации следуют ключевые слова (до 7 слов) также на двух языках.

При оформлении списка литературы, полные требования по которому указаны на сайте журнала www.interanalytics.org в разделе «Правила для авторов», не забудьте указать имеющийся DOI всех цитируемых работ. Указание DOI осуществляется путем добавления рабочей гиперссылки в конце библиографического описания работы. Проверить наличие DOI можно на сайте www.crossref.org, в разделе Simple Text Query.

За разрешением на перепечатку или перевод опубликованных в нашем журнале материалов обращаться в Редакцию.

Содержание статей не обязательно отражает точку зрения Учредителя и Редакции.